

АКАДЕМИЯ НАУК КИРГИЗСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

*М. Е. Массон
В. Д. Горячева*

БУРАНА

*История
изучения городища
и его архитектурных
памятников*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЛИМ»
Фрунзе 1985

В работе изложены результаты исследования с середины XIX в. и до настоящего времени археолого-архитектурного комплекса Бураны — памятника градостроительной культуры Тянь-Шаня и Семиречья эпохи Караханидов. Используются архивные и полевые материалы с привлечением этнографических сведений, извлечений из средневековых письменных арабо-персидских и тюркоязычных источников, памятников местной эпиграфики и нумизматических находок на Буране.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

*Утверждено к печати
Ученым советом Института истории
и принято РИСО
Академии наук Киргизской ССР*

Ответственный редактор
академик АН УзССР Г. А. Пугаченкова
Рецензенты:
канд. ист. наук З. И. Усманова,
канд. ист. наук К. И. Петров

© Издательство «Илим», 1985 г.

Кто вызывает к новому бытию минувшее, тот наслаждается как творец.

Историк Древнего Рима
Бартольд Георг Нибур (1776—1831)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая работа «Бурана (история изучения городища и его архитектурных памятников)» представляет собой наиболее полную сводку сведений об одном из интереснейших памятников Средней Азии, который не поражает ни своими размерами, ни мощностью культурных напластований, но ярко своеобразен среди объектов среднеазиатской археологии и архитектуры. Не случайно Буранинский комплекс памятников породил и порождает разноречивые мнения относительно датировки и топографии городища, конструктивных и художественных достоинств его минарета, а также отождествлений Бураны с городами Джетысу, упоминаемыми в письменных исторических источниках.

В процессе накопления разнообразных фактов о памятнике, порой, казалось, исключаящих друг друга, рождались новые гипотезы. Ознакомление со всеми видами выявленных вещественных, письменных, фольклорных, архивных источников, литературных и этнографических данных невольно наталкивает на постановку некоторых важных, но мало разработанных исторических проблем. Например, генезиса городской культуры области Джетысу, этнических процессов, протекавших здесь в средние века, развития древнетюркской государственности, политической и культурной роли Караханидского каганата в истории Средней Азии и других вопросов, заслуживающих специального и углубленного изучения. Однако они не рассматриваются в настоящем труде, поскольку в задачу авторов входило в основном восстановление истории изучения и охраны Бураны до наших дней со времени первых упоминаний городища в литературе, с учетом данных, почерпнутых в средневековых письменных источниках. В настоящей работе, кроме того, кратко отражена на примере Бураны история изучения и охраны памятников материальной культуры прошлого Киргизстана.

Написание подобного труда отвечает возросшему интересу трудящихся к проблеме изучения культурного наследия в целом и Бураны в частности. Это явление закономерно, поскольку отвечает ленинским указаниям о том, что «только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру»¹.

Первый раздел книги написан М. Е. Массоном. Он охватывает начальные этапы истории изучения и охраны Бураны, в большой степени связанные с деятельностью отдельных любителей старины и краеведов, а также с работой Туркестанского комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы (Туркомстариса, позднее переименованного в Средазкомстарис) до 1929 г.

Следующий этап истории изучения памятников Бураны до настоящего времени описан В. Д. Горячевой на основе археолого-архитектурных исследований, осуществлявшихся различными научными организациями страны. Кроме полевых материалов и авторских чертежей, в работе использованы текстовые и иллюстративные архивные материалы Средазкомстариса, М. Е. Массона, Б. Н. Засыпкина.

1. НАЧАЛЬНЫЕ ЭТАПЫ ИЗУЧЕНИЯ БУРАНЫ

Первые упоминания местности и минарета в литературе

Широко употреблявшийся в европейской среде термин *минарет* происходит от арабского *минар* (место, где что-нибудь зажжено — фонарь, маяк) или *минара* (сторожевая башенка, столб, минарет мечети). В последнем значении при локальном произношении у таджиков и узбеков — *менарэ*, а у некоторых среднеазиатских народностей тюркского происхождения — *менар*. Среди местного населения, проживающего в бывшей северной киргизской области Жетысу (Семиречье), и в современной научной литературе это слово употребляется в форме *бурана*, что, безусловно, объясняется лингвистической особенностью языка киргизов². В такой форме этот термин стал географическим названием безымянного средневекового городища, находящегося в юго-восточной части Чуйской долины, у подножья хребта Киргизского Ала-Тоо (или Ала-Тау, бывший Александровский хребет), в 11 км к юго-западу от Токмака. Он же стал собственным именем для расположенных внутри этого городища руин крупного средневекового минарета и для русла горного сая, обтекающего городище с восточной стороны и являющегося левым притоком реки Чу.

В некоторых сочинениях арабских авторов IX—X вв., писавших о Средней Азии, встречается немало названий существовавших в то время в Семиречье различных населенных пунктов и даже значительных городов. После X в. сведения мусульманских писателей о Чуйской долине становятся более смутными, названия пунктов приводятся без точных указаний их взаимного расположения, расстояния между ними. Жизнь их в основном была прервана вскоре после монгольского завоевания, в значительной мере и в связи со сменой населения бывшие наименования многочисленных опустевших развалин оказались прочно забытыми. В настоящее время нелегко бывает установить, к какому археологическому объекту относится то или иное название, дошедшее до

нас в письменных источниках. Желание получить ответы на возникшие вопросы — кто создал, когда и для чего сооружен был тот или иной памятник старины? — породило в народе немало легенд.

Коснулось это и городища Бурана с остатками его огромного минарета. Уже в 1860 г. проезжавший по среднеазиатской окраине России М. И. Венюков писал, что в ту пору киргизы (кара-киргизы) чтили некоторые памятники народов, обитавших прежде на их землях. В частности, он кратко отметил, что находившийся около Токмака высокий «столб», якобы сделанный из сырца, особо почитался киргизами. По преданию, внутри него скончалась какая-то ханская дочь, посаженная туда отцом, безнадежно пытавшимся оградить свое дитя от предсказанной гибели от укуса «фаланг или других насекомых»³.

Позднее со слов киргизов и обосновавшихся в Токмаке русских старожилов ряд авторов записали содержание этой легенды в нескольких вариантах. По одному из них, в давнюю пору (без уточнения времени) некоему местному хану было предсказано, что его любимая дочь погибнет по достижении девичьего расцвета от укуса водившегося в районе Токмака в большом количестве черного ядовитого паука каракурта (*Lethrodotes tredacimguttatus*)⁴. Дабы создать дочери обстановку, исключаящую возможность исполнения предсказания, отец велел возвести для нее из жженого кирпича башню в самом верхнем помещении которой она безвыходно проводила дни и ночи. Из предосторожности от самого входа в минарет до верха внутренней лестницы были поставлены слуги, из рук в руки передававшие после тщательной проверки все необходимое ханской дочери. Но неизбежное не могло быть отвращено никакими мерами. В предсказанное время девушку сразили два мелких смертельных укула ядовитых челюстей паука каракурта, занесенного случайно в корзину с гроздьями черного винограда. По другим вариантам, башню построил хан для своего единственного оставшегося в живых наследника власти — любимого младшего сына. Однако и он погиб (вслед за старшими братьями) от укуса каракурта, которого по недосмотру занесла в верхнее помещение минарета нерадивая служанка на большом блюде с фруктами.

В содержании всех вариантов приведенной легенды, носящей признаки книжных влияний, кроме упоминания каракурта не было чего-либо специфического для Семиречья.

Близкие сюжеты распространены в Персии, на Кавказе и западнее — до побережья Мраморного моря (например, в легенде о замке Мандра близ Босфора), а в Средней Азии подобные легенды связываются с рядом археологических памятников, расположенных в труднодоступных горных районах.

В историческом отношении (в смысле отражения в киргизской легенде времени сооружения буранинского минарета) некоторый интерес имеет упоминание строителя башни по имени Арслан-хан. На это еще в прошлом столетии обратил внимание В. В. Бартольд как на типичное прозвище для некоторых правителей из династии Караханидов⁵. Тогда же русский консул в Кашгаре Н. Ф. Петровский указал, что в данном случае вряд ли мы имеем точный отзвук былого события, поскольку среди киргизов и казахов имена Кызыл-Арслан-хан и Саттук Богра-хан настолько популярны, что им приписывается возведение ряда зданий в различных частях северной части Средней Азии и Кашгара⁶.

Самым ранним датированным упоминанием о развалинах средневековых городов в долине реки Чу или Чуй⁷ до сих пор, по-видимому, остается известие «Та'рих-и Рашиди», относящееся к XVI в. Сведения о руинах города Монора принадлежат автору этого сочинения — Мухаммеду Хайдару-Мирзе Гурагани, видевшему развалины этого памятника старины⁸. На сообщаемые им по этому поводу сведения обратил внимание еще в середине прошлого столетия В. В. Вельяминов-Зернов. В примечании ко 2-му тому своего капитального труда «Исследование о Касимовских царях и царицах» он привел на персидском и джагатайском языках тексты из «Та'рих-и Рашиди». Первый дан по рукописи Петербургского университета, написанной с ошибками в 1843 г. Текст на джагатайском языке — по неполному рукописному переложению сочинения Мухаммеда Хайдара Гурагани на кашгарском наречии, сделанному Мухаммедом Садыком Кашгари в XVIII в. Кроме того, академик дал и русский перевод сведений о городище Бурана⁹. Позднее, в 1897 г. В. В. Бартольд привел русский перевод этого же места с персидского текста с исправлением незначительных неточностей, допущенных В. В. Вельяминовым-Зерновым¹⁰. Имеется английское издание: *The Tarikh-i Rashidi of Mirza Muhammad Haidar, Dughlat. A History of the Moghuls of Central Asia. — An English version, edited, with commentary, notes and map by N. Elias, H. M. Consul-General for Kho-*

rasan and Sistan. The translation by E. Denison Ross. London, 1895¹¹.

Библиографическая редкость перечисленных изданий и представляющие значительный интерес содержащиеся в них сведения о городище Бурана при малом количестве подлинных рукописных экземпляров делают не лишним приведение соответствующего уникального текста об изучаемом нами археологическом объекте.

«В (округе) Чу (или Джу; в английском тексте нередко искажено Джуз. — М. М.) в одном месте есть следы брошенного города. Его минареты, купольные сооружения¹² и медrese в некоторых местах сохранились. Так как имени того города никто не знает, то монголы называли его «Мунора». Кроме того, там есть купольное сооружение (очевидно, купольный мавзолей. — М. М.) и (должно быть в нем. — М. М.) каменная плита, на которой почерком насх вырезана надпись: «Это — могила славнейшего имама и непреложного, совершеннейшего шейха, обнимавшего в себе как созерцательные, так и опытные науки, знатока как ветвей, так и основ законоведения, имама Мухаммеда-факиха Баласагунского. Да не престанет цвести на его могиле древо общения его с богом и да будут обращены на него вечно взоры мужей достойных! Скончался он в 711 году хиджры (1311/12 г. н. э.). Написал это кузнец Омар-ходжа».

Чу — одна из местностей Моголистана, простирающаяся на один месяц пути. Городов, подобных этому, (там) было много».

Приведя это известие к моменту выпуска в свет 2-го тома своих «Исследований о Касимовских царях и царевичах» в конце 1864 г. при всей своей большой по тому времени эрудиции в вопросах о Кокандских владениях, В. В. Вельяминов-Зернов не мог сопоставить описание городища Мунора с какими-либо среднеазиатскими развалинами. По-видимому, ему не были известны не только городище Бурана, но вообще развалины городов в долине р. Чу. Об этом можно судить по его же словам в конце приведенного им примечания: «О развалинах, встречающихся в пределах нынешнего Кокандского ханства в местах, прилегающих к Туркестану, см. мою статью «Сведения о Кокандском ханстве» в «Вестнике Русского географического общества», 1856 г., т. XVIII. Исследования и материалы, с. 140 (с. 164)». Однако каких бы то ни было упоминаний об археологических руинах в районе р. Чу там нет.

Если за первую половину XIX в. до русских и доходили устные отрывочные данные о Буране, то в литературе это почти не нашло отражения. По существу, исключением является краткое сообщение Воронина и Нифантьева, что как-то неподалеку от Токмака на развалинах древней башни, называемой Мунара, был найден кувшин с медной монетой¹³. Объясняется это месторасположением указанного пункта: более оживленный торговый путь между тогдашней Россией и владениями Кокандского ханства (как и фазного рода маршруты через долину р. Чу) пролегал обычно западнее Токмака. По существу, переломным моментом в этом отношении явились активные военные действия между упомянутыми государствами, начавшиеся с 1860 г., когда 26 августа русские войска впервые вошли в укрепление Токмак, а 4 сентября была взята и кокандская крепость Пишпек. Хотя вскоре после того русские на некоторое время оставили занятую территорию и отступили к Кастеку, но уже в 1861 г. появилась упомянутая выше работа М. И. Венюкова, в которой говорилось о башне Бурана и связанной с нею легенде, бытовавшей среди киргизов.

В 1860 г. в битве с русскими при Узун-Агаче 21 октября принял участие на стороне кокандских войск Тюря Ходжа, сын Зиа-аддина Ходжа Андиджани. В своем труде по истории Кокандского ханства, законченном в 1289 г. х. (1864/5 г. н. э.), он описал поход к Узун-Агачу, упоминая при этом о разрушенном в былые времена в округе Чуй крупном городе, среди руин которого сохранился высокий старинный минарет. Впечатление от вида башни даже отвлекло автора на время от последовательного изложения хода событий¹⁴.

В 1862 г. Чуйская долина уже окончательно вошла в состав России. Вскоре, с 1864 г. русское укрепление Токмак на некоторое время стало уездным центром. В нем помимо постоянного гарнизона было размещено несколько десятков семей русских крестьян-переселенцев. Одновременно начался постепенный приток оседлого узбекского населения. Бывшее укрепление (или как называли его переселенцы — «местечко») стало быстро перерастать в небольшой городок. Это обстоятельство на первых порах создало определенную угрозу развалинам городища Бурана. Возраставшая потребность в строительном материале начала интенсивно удовлетворяться новоселами за счет старинных жженных кирпичей, которые собирались не только с поверхности городища, но добы-

вались при разборе еще сохранившихся в то время остатков былых средневековых сооружений. Кирпич с городища шел главным образом на выкладку печей, устройство комнатных водосливов в полу (ханык) и другие хозяйственные надобности.

Среди памятников местной старины внимание обитателей старого Токмака привлекали различные языческие захоронения, среди которых местные жители различали «санташи», «юганташи» и «мугташи». Интерес к ним обострялся всякий раз, когда доходили сведения о новых находках киргизами в раскапывавшихся старинных могилах предметов из золота и серебра. Однако уже и в ту пору немногочисленные любители-краеведы отдавали должное изумительному бураинскому минарету. Они как могли пропагандировали необходимость его сохранения, поскольку на их глазах нижние части этого памятника постепенно разбирались. Нельзя не отметить при этом положительной регистрационной роли, которую тогда играли некоторые художники. Как установила на основании архивных данных В. Д. Горячева, в процессе военных действий 1863—1864 гг. участник тогдашних походов Успенский в своем альбоме рисунков рядом с руинами огромной башни Бураны поместил изображение еще стоявшего тогда вблизи небольшого минарета¹⁵. В 1869 г. башня Бурана была зарисована выдающимся русским художником В. В. Верещагиным.

Отсутствие не только должной охраны многочисленных памятников истории в Семиречье, но даже предварительного их изучения в историческом аспекте вызвало нарастающий протест в среде передовой ташкентской общественности. Когда выяснилось, что город Ташкент и некоторые области Туркестанского края намеревается посетить специальная Шведская археологическая экспедиция в конце 1876 г., эти настроения были выражены в местной прессе, где обвинялись местные любители старины в равнодушии к памятникам Джетысу¹⁶.

Практически значительно больше пользы принесли некоторые административные распоряжения, осуществлявшиеся в порядке подготовительных мероприятий к проведению в конце лета 1877 г. в России IV Археологического съезда. В начале указанного года туркестанский генерал-губернатор К. П. фон Кауфман предложил военному губернатору Семиреченской области доставить в Ташкент материалы, имеющие отношение к археологии Джетысу и Кульджи. Тот, в

свою очередь, обратился с тем же к подведомственным ему лицам. Неподготовленность чиновников к выполнению таких задач, скудный запас ранее накопленных соответствующих материалов и ряд других объективных причин затруднили выполнение полученного задания, по которому требовалось описание сохранившихся на поверхности «археологических» объектов (архитектурных памятников, курганов, наскальных надписей и изображений). Помимо того, предлагалось записывать народные легенды о них и собирать археологические находки. Несмотря на указанные трудности, удалось получить некоторые описания, планы, фотоснимки и зарисовки. Вместе с тем, была составлена специальная карта подведомственной семиреченскому губернатору территории с нанесением на нее местонахождения всех зарегистрированных объектов.

В числе отмеченных памятников старины было находящееся «в 15 верстах» от Токмака старинное городище Бурана, поименованное как «Турт-кала», а также находящаяся на нем башня. О последней были записаны легенды со слов местных сартов и киргизов. Планы и зарисовки не были представлены¹⁷.

Полученные от туркестанского генерал-губернатора сведения о Буране были зачитаны В. Д. Смирновым на заседании Отделения восточных древностей IV Археологического съезда в России, происходившем в Казани 8 августа 1877 г. По поводу легенд о «Буранинской башне» сделано несколько замечаний¹⁸. Само же сообщение опубликовано не было.

Раскопки и разведки в досоветском Киргизстане

В конце XIX столетия Семиречье привлекло к себе внимание ряда всероссийских археологических организаций в связи с неожиданными открытиями. Летом 1885 г. работавший по съемке культурных земель Джетысу землемер В. А. Андреев, видный краевед, владевший несколькими местными языками, автор ряда литературно-этнографических работ, в том числе переводных народных произведений с узбекского и таджикского языков, обнаружил в районе Пишпека крупное средневековое христианское кладбище с большим числом надгробных галек, на которых были высечены декоративные кресты, «якоря» и надписи на неизвестном языке¹⁹. Несколькими днями позже подобное же кладбище с анало-

гичными намогильными гальками было обнаружено врачом Ф. В. Поярковым в 1,5 версты южнее минарета Бурана, ближе к Александровскому хребту. Первые сведения об этом в печати опубликованы Ф. В. Поярковым (сообщение через редакцию газеты «Восточное обозрение», помещенное в № 44 за 1885 г. от 14 ноября²⁰). В нем он писал, что «в 14 верстах от села Большой Токмак, в середине заброшенной крепости (т. е. городища Бурана. — М. М.) стоит высокая башня из прекрасного жженого кирпича, частично разрушенная от времени, а частью разобранная окрестными жителями, как и окрестные сооружения, руины которых проступают на поверхности земли. Кто построил саму крепость и башню, старожилы не знают. Сама башня в техническом и архитектурном отношении хороша и жаль, что она может скоро совсем разрушиться».

Ф. В. Поярков в трех местах нашел более 20 камней с изображениями креста и надписями на неизвестном языке. Кресты были на всех камнях, надписи же на некоторых отсутствовали. На одном камне было изображение, напоминавшее русский «каток», которым молотят хлеб²¹. Позднее Ф. В. Поярков произвел небольшие разведочные археологические вскрытия на городище Бурана. При этом в непосредственной близости от башни он обнаружил следы окружавших ее монументальных кирпичных сооружений с остатками мусульманских захоронений²².

Расшифровка в Петербурге надписей на камнях с крестами из окрестностей Пишпека и Бураны, представляющих собой несторианские эпитафии, вызвала повышенный интерес к тамошним кладбищам в научных кругах столицы и Москвы. При усилившихся поисках новых подобных объектов было найдено несколько галек-кайраков с арабскими надписями²³. Окрыленный открытиями Ф. В. Поярков предполагал на собственные средства начать со следующего года более подробные разведки, но тогдашняя столичная Археологическая комиссия возложила изучение обоих семиреченских кладбищ в 1886 г. на старшего чиновника особых поручений при семиреченском военном губернаторе Н. Н. Пантусова. Тот, в свою очередь, самое ведение археологических раскопок доверил ученому садоводу пишпекского казенного сада А. М. Фетисову. Работы в основном были сосредоточены на кладбище близ Пишпека. На поверхности этого кладбища было зарегистрировано 611 намогильных галек²⁴. Здесь А. М. Фетисовым было вскрыто 85 могил, а на кладбище у

Бураны — 34. Из отчета, представленного Н. Н. Пантусовым в Археологическую комиссию²⁵, и его же краткого сообщения Русскому археологическому обществу²⁶ видно, что автора интересовали только общие вопросы о способах погребения джетысуйских несториан, безотносительно, на каком кладбище имела место та или иная могила. Поэтому затруднительно установить, какие из находок следует приурочить к захоронениям у Бураны. По-видимому, типы погребений были более или менее общими в основных чертах на обоих кладбищах. Покойников клали или в особые вместилища на дне одиноких или семейных могил на глубине около двух метров (и даже меньше) от поверхности земли, или в боковые ниши. Тело помещали головой на запад, ногами на восток, лицом на север или вверх, а затем присыпали землей. Боковые стороны могилы выкладывали сырцовыми кирпичами или досками²⁷, а сверху погребение перекрывалось разгрузочным сводиком из двух наклонных сырцовых кирпичей. В некоторых случаях голова или помещалась в особой нише, или прикрывалась жерновом. Могила доверху засыпалась землей, а поверхность покрывалась жженым кирпичом. На скелетах были обнаружены остатки истлевших одежд, медные браслетики, просверленные раковины, бусы, перстни и серьги, в основном из сплава меди и серебра. Шесть экземпляров серег были золотые. На кладбище из Бураны на шейных позвонках одного покойника был найден крестик²⁸.

В октябре того же 1886 г. инспектор народных училищ Семиреченской области В. Д. Городецкий осмотрел развалины башни Бураны и по просьбе профессора Томского университета В. М. Флоринского направил ему сообщение о своих наблюдениях. Они, при некоторых недочетах, оказались наиболее детальными из всех, появившихся в печати ранее описаний башни. В. М. Флоринский поместил текст В. Д. Городецкого полностью в своем капитальном труде о памятниках доисторической жизни первобытных славян.

Вероятно, за счет опечатки надо отнестись указание, будто башня Бурана находилась «в 8 верстах» к юго-западу от Токмака. Автор в дальнейшем указал, что она была расположена «внутри четырехугольника, образуемого рекою и валом значительных размеров, но не в середине его ... Ближайшая к башне сторона вала... открыта, но не на всем протяжении. Северо-восточная часть четырехугольника прилегает к упомянутой реке, которая подмывает эту сторону, обнаруживая кирпичи бывших здесь построек и черепки глиняной посуды.

В одном месте этой стороны найдены были две глиняные водопроводные трубы. Площадь четырехугольника имеет около 3—4 квадратных верст и заключает в себе пять «курганов», из которых два можно назвать громадными, остальные меньше, но тоже значительной высоты и объема. Кроме того, около башни со стороны, обращенной к Токмаку, находятся развалины бывшего строения с массой обожженного кирпича». Дальше В. Д. Городецкий привел довольно подробное описание общего вида и устройства башни, высота которой в то время, по измерению, произведенному одним из местных топографов, достигала 12 сажен. Почти монолитная кладка минарета, внутри которого вьется лишь узкая винтовая лестница, по мнению В. Д. Городецкого, дает основание для заключения, что «это сооружение соответствует не башне в нынешнем смысле, а компактной колонне или столбу». Он отметил отсутствие следов лестницы, по которой в древности могли бы проникнуть во входное отверстие, находящееся на высоте 5 аршин от современного уровня земли. Приведя довольно подробное строительно-архитектурное описание башни, состоящей из правильного восьмиугольного основания и высящегося на нем круглого ствола с внутренней лестницей, автор обратил внимание на наличие на стене слева от окна вырезанных надписей, «по-видимому, арабскими письменами».

В конце «вступительной части» упомянутого труда В. М. Флоринского приложены в качестве иллюстраций рисунки: «Вид башни Бурана с запада в 1886 г.», ее разрез и фото общего вида башни 1891 г. На фото видна надпись: «П. Борель» — очевидно, имя лица произведшего снимок²⁹.

При посещении Бураны В. Д. Городецкий, вероятно, осмотрел и раскопки соседнего несторианского кладбища. В этом же 1886 г. он препроводил в Археологическую комиссию несколько снимков с несторианских надгробных галек³⁰.

В конце 1886 — начале 1887 г. Д. А. Хвольсон в трех предварительных статьях и заметках поделился результатами дешифровки надписей некоторых надгробных галек и установил их принадлежность к XIII—XIV вв. Он обратил внимание на довольно значительное количество камней, относящихся к 1648—1650 гг. (датированных по селевкидской эре, т. е. 1338—1339 г. н. э.) с указанием: «умер от чумы». Из этого Д. А. Хвольсон сделал вывод, что эпидемия чумы, свирепствовавшая в Западной Азии и в Европе в 1347—1351 гг., в Средней Азии началась на 8—9 лет раньше³¹.

Пробудившийся интерес к Буране способствовал тому, что делавшиеся в районе находки различных древних объектов быстро становились известными широкому кругу лиц и могли быть своевременно зафиксированы ими. Одной из наиболее заметных находок такого рода явился клад золотых монет. Этот клад был обнаружен летом 1887 г., когда землекопы, работавшие на откосе сая Бураны, нашли вымытый водой сосуд, наполненный целыми и разрубленными на куски золотыми монетами. Нашедшие продавали их по 20 копеек за штуку, а у перекупщиков цены быстро возросли до 2 рублей. Пока весть о кладе дошла до уездной власти, большая часть его содержимого успела разойтись по рукам, и в областное правление поступило только 8 монет³². Из отчета Археологической комиссии за 1887 г. явствует, что в августе были найдены пять целых и 18 обломков золотых хорезмшахских монет, поступивших затем в Эрмитаж³³.

В конце этого же года в Московское археологическое общество поступили от Ф. В. Пояркова из Токмака две намогильные гальки (кайраки) с арабскими эпитафиями. Протокольная запись по этому поводу предлагает чтение на одном кайраке имени Абу Махмуда-ходжи и отмечает, что «по форме и величине они современны (? — М. М.) несторианским, но как попали мусульмане на одно кладбище с несторианами, трудно объяснить; вероятно они погибли во время чумы»³⁴. Судя по изображениям, приведенным в книге, эти кайраки не старше XIII в. На плохо исполненных и трудно читаемых, но поддающихся разбору надписях трех кайраков (хотя в протоколе говорится о двух) нет имени Абу Махмуда. Приурочивание их к несторианскому кладбищу, может быть, является случайным недоразумением, так как Ф. В. Поярков об этом не пишет. Находки же мусульманских кайраков, не столь многочисленных, как несторианские гальки, имели место на городище Бурана и позднее, но не на месте его несторианского кладбища.

Новое посещение Бураны В. Д. Городецким осенью 1888 г. позволило ему внести в сделанное им прежде описание поправки (например, в ориентировке по странам света) и дополнения. Наиболее существенными являются производившиеся им обмеры, при которых высота башни в сохранившейся над поверхностью земли части была определена в 10 сажен 2 аршина 1/2 вершка (без указания, с какой стороны). На территории городища им насчитано 6 «курганов» (т. е. возвышенных площадей) от когда-то значительных

руин. При этом с западной стороны от башни четыре, а с северной — два. Кроме керамических черепков В. Д. Городецким ничего найдено не было³⁵.

Находки между тем продолжались. В 1889 г. Ф. В. Поярков препроводил в Археологическую комиссию найденный у башни небольшой медный кубик, видимо игровой, наподобие костяного, поступивший затем в Русский исторический музей³⁶, а в Московское археологическое общество было доставлено еще десять надгробных галек с несторианских кладбищ близ Пишпека и Токмака, о чем доложил первого декабря на заседании общества М. В. Никольский. Возможно, что здесь вкралась некоторая неточность, так как пишпекское кладбище было в полном распоряжении Н. Н. Пантусова. Последний собирал надгробные несторианские гальки до отправки их в центральные научные учреждения в уездном управлении. Среди камней, доставленных Н. Н. Пантусовым, один имел вместо изображения обычного несторианского креста высеченный рисунок, напоминающий своим видом канделябр.

Одновременно в Петербурге и в Москве шла интенсивная работа по дешифровке и анализу эпитафий несторианских галек, добытых как на пишпекском, так и на буранинском кладбищах, нашедшая отражение в ряде специальных трудов³⁷.

Результатом опубликования обработанного материала было решение продолжать исследования несторианских кладбищ Джэтысу, что вновь было поручено Н. Н. Пантусову. Тот осенью 1892 г. возложил это на А. М. Фетисова, получившего у населения за свои археологические вскрытия и сохранявшееся в народе еще в первые два десятилетия после победы Великого Октября прозвище «чичкончи-тюря» («мышинный господин»)³⁸. Главное внимание и на этот раз было уделено кладбищу близ Пишпека, а основной целью ставилась добыча новых надгробных галек с эпитафиями. На кладбище же у Бураны было обнаружено еще пять крупнозернистых и выветрившихся галек. С трех из них были сделаны фотографические снимки уже в г. Верном, куда эти камни тогда же были перевезены. Кроме раскопок могил, А. М. Фетисовым, как говорили М. Е. Массону в свое время жители Токмака, были произведены небольшие вскрытия и на городище Бурана, к западу от башни. В предоставленном Н. Н. Пантусовым отчете в Археологическую комиссию об этом упоминаний нет³⁹.

Раскопки у городища Бураны, удостаивавшиеся посещения приезжих специалистов, и внимание к башне семиреченской администрации сделали руины древнего города местом весенних и летних прогулок. Там стали устраиваться празднества («гапы» и саили»), а осенью 1892 г. токарское купечество разбило у башни садик и учредило от себя охрану памятника, для чего был нанят специальный сторож.

Как уже упоминалось, в 1894 г. появилась опубликованная в Ташкенте, а затем и в Петербурге под разными названиями статья Н. Ф. Петровского об идентичности Бураны с упоминаемым Мухаммедом Хайдаром городищем Мунора. Почти одновременно в Томске вышел также уже упоминавшийся выше труд В. М. Флоринского о первобытных славянах. В нем автор пытался провести параллель между болгарскими столпами, башней Бурана, минаретами Саурана, Узгенда, башнями около Кабула и буддийскими ступами. По его мнению, «отнесение болгарских столпов к мусульманской эпохе следует признать ложной теорией; построение столпов, а может быть и самое название их, по всей вероятности, ведет свое начало из Центральной Азии». А так как на этих памятниках нет балкончика для азончи и места для колоколов христиан, то «можно утверждать, что как болгарские столпы, так и башня Бурана, строились не в качестве минаретов, следовательно, не арабскими зодчими». В отношении же всех упомянутых среднеазиатских минаретов В. М. Флоринский пришел к выводу, «что они развились из индийской стопы на началах буддийских идей и принадлежат к памятникам религиозного значения»⁴¹.

Летом того же 1894 г., проездом к Иссык-Кулю и р. Или, городище Бурана посетил востоковед В. В. Бартольд, осмотревший его в сопровождении Е. П. Ковалева и учителя русско-туземной школы в Токмаке В. П. Ровнягина⁴². Будущий академик засвидетельствовал, что характер постройки башни Бураны и особенно орнамента заставляют предположить ее возведение мусульманами. Надпись же на левой стороне от окна башни является образчиком того арабско-сирийского шрифта, который встречается в Семиречье на некоторых надгробных камнях. В своем отчете В. В. Бартольд отметил, что находящийся внутри четырехугольного укрепления высокий холм, по определению С. М. Дудина высотой до 3 сажен, по-видимому, сложен из сырцовых кирпичей. Около башни видны были следы древних могил. Самое поселение около Бураны, по мнению В. В. Бартольда, не отличалось обшир-

руин. При этом с западной стороны от башни четыре, а с северной — два. Кроме керамических черепков В. Д. Городецким ничего найдено не было ³⁵.

Находки между тем продолжались. В 1889 г. Ф. В. Пояров препроводил в Археологическую комиссию найденный у башни небольшой медный кубик, видимо игровой, наподобие костяного, поступивший затем в Русский исторический музей ³⁶, а в Московское археологическое общество было доставлено еще десять надгробных галек с несторианских кладбищ близ Пишпека и Токмака, о чем доложил первого декабря на заседании общества М. В. Никольский. Возможно, что здесь вкралась некоторая неточность, так как пишпекское кладбище было в полном распоряжении Н. Н. Пантусова. Последний собирал надгробные несторианские гальки до отправки их в центральные научные учреждения в уездном управлении. Среди камней, доставленных Н. Н. Пантусовым, один имел вместо изображения обычного несторианского креста высеченный рисунок, напоминающий своим видом канделябр.

Одновременно в Петербурге и в Москве шла интенсивная работа по дешифровке и анализу эпитафий несторианских галек, добытых как на пишпекском, так и на буранинском кладбищах, нашедшая отражение в ряде специальных трудов ³⁷.

Результатом опубликования обработанного материала было решение продолжать исследования несторианских кладбищ Джэтысу, что вновь было поручено Н. Н. Пантусову. Тот осенью 1892 г. возложил это на А. М. Фетисова, получившего у населения за свои археологические вскрытия и сохранявшееся в народе еще в первые два десятилетия после победы Великого Октября прозвище «чичкончи-тюря» («мышинный господин») ³⁸. Главное внимание и на этот раз было уделено кладбищу близ Пишпека, а основной целью ставилась добыча новых надгробных галек с эпитафиями. На кладбище же у Бураны было обнаружено еще пять крупнозернистых и выветрившихся галек. С трех из них были сделаны фотографические снимки уже в г. Верном, куда эти камни тогда же были перевезены. Кроме раскопок могил, А. М. Фетисовым, как говорили М. Е. Массону в свое время жители Токмака, были произведены небольшие вскрытия и на городище Бурана, к западу от башни. В предоставленном Н. Н. Пантусовым отчете в Археологическую комиссию об этом упоминаний нет ³⁹.

Раскопки у городища Бураны, удостаивавшиеся посещения приезжих специалистов, и внимание к башне семиреченской администрации сделали руины древнего города местом весенних и летних прогулок. Там стали устраиваться празднества («гапы» и саили»), а осенью 1892 г. токмакское купечество разбило у башни садик и учредило от себя охрану памятника, для чего был нанят специальный сторож.

Как уже упоминалось, в 1894 г. появилась опубликованная в Ташкенте, а затем и в Петербурге под разными названиями статья Н. Ф. Петровского об идентичности Бураны с упоминаемым Мухаммедом Хайдаром городищем Мунора. Почти одновременно в Томске вышел также уже упоминавшийся выше труд В. М. Флоринского о первобытных славянах. В нем автор пытался провести параллель между болгарскими столпами, башней Бурана, минаретами Саурана, Узгенда, башнями около Кабула и буддийскими ступами. По его мнению, «отнесение болгарских столпов к мусульманской эпохе следует признать ложной теорией; построение столпов, а может быть и самое название их, по всей вероятности, ведет свое начало из Центральной Азии». А так как на этих памятниках нет балкончика для азончи и места для колоколов христиан, то «можно утверждать, что как болгарские столпы, так и башня Бурана, строились не в качестве минаретов, следовательно, не арабскими зодчими». В отношении же всех упомянутых среднеазиатских минаретов В. М. Флоринский пришел к выводу, «что они развились из индийской стопы на началах буддийских идей и принадлежат к памятникам религиозного значения»⁴¹.

Летом того же 1894 г., проездом к Иссык-Кулю и р. Или, городище Бурана посетил востоковед В. В. Бартольд, осмотревший его в сопровождении Е. П. Ковалева и учителя русско-туземной школы в Токмаке В. П. Ровнягина⁴². Будущий академик засвидетельствовал, что характер постройки башни Бураны и особенно орнамента заставляют предположить ее возведение мусульманами. Надпись же на левой стороне от окна башни является образчиком того арабско-сирийского шрифта, который встречается в Семиречье на некоторых надгробных камнях. В своем отчете В. В. Бартольд отметил, что находящийся внутри четырехугольного укрепления высокий холм, по определению С. М. Дудина высотой до 3 сажен, по-видимому, сложен из сырцовых кирпичей. Около башни видны были следы древних могил. Самое поселение около Бураны, по мнению В. В. Бартольда, не отличалось обшир-

ностью, так как выше несторианского кладбища в руслах реки и арыков не находят никаких предметов. С христианского кладбища все встреченные ранее на поверхности и выкопанные надгробные камни были ко времени посещения им городища уже увезены, но водой иногда вымывались из земли вместе с обломками посуды и монетами целые гальки с крестами. У населения В. В. Бартольд видел одну золотую монету с куфическими письменами, которая у киргизов служила тогда чем-то вроде амулета и считалась «лекарством против разных болезней, особенно горловых»⁴³.

Сведения о развалинах Бураны не прошли и мимо открывшегося в конце 1895 г. в Ташкенте Туркестанского кружка любителей археологии⁴⁴. На страницах издававшихся им «Протоколов» за первый же год его деятельности было помещено краткое описание городища Бурана и башни, выполненное В. П. Ровнягиным и присланное им в Ташкент вице-председателю кружка Н. П. Остроумову, который и зачитал его на очередном заседании 28 октября 1895 г. Из составленного описания, в ряде случаев конкретнее всех предшествующих, явствует, что пространство внутри стен буранинского городища («расположенного в 12 верстах к югу от Токмака») в то время было еще усеяно обломками жженных кирпичей и битой старинной керамической утварью. К северо-западу от него, в сторону развалин городища Ак-Пешин, В. П. Ровнягин отметил небольшие холмики-курганы; в этом он находил подтверждение того, что Бурана и Ак-Пешин представляют остатки одного крупнейшего города, развалины которого тянулись в длину с юго-востока на северо-запад верст на 15 и в ширину верст на 5. Бурану он считал аристократической частью города, а Ак-Пешин собственно городом с цитаделями, частными домами и тянувшимися в разные стороны улицами. Как строительную особенность самой буранинской башни В. П. Ровнягин отметил разницу в составе растворов внутренней кладки и наружной облицовки («цемент внутри глинистый, а при облицовке известковый»). Кроме общего описания башни, он указал на ее высоту (77 футов), диаметр основания (до 20 футов) и высоту призматического основания (до 13 футов). Башня охранялась, к входу в нее была приставлена лестница. Вокруг башни, как это было видно на присланной им Н. П. Остроумову фотографии, был разбит садик. В заключении В. П. Ровнягин отметил, что киргизские предания о Буране и Ак-Пешин-

не очень разноречивы, но все осведомители относят историю Бураны к глубокой древности ⁴⁵.

К вопросу о башне Бурана Туркестанский кружок любителей археологии возвратился еще раз на заседании 16 октября 1897 г., заслушав доклад об узгенских памятниках. Вице-президент кружка Н. П. Остроумов обратил внимание собравшихся на сходство узгенской «башни» с башней Бурана. При этом он «высказал предположение, что обе они служили минаретами при мечетях, в настоящее время уже разрушившихся, и что, может быть, сооружение их относится к одному и тому же историческому периоду». Разрешить вопрос о более точном определении этого периода в то время кружку не представлялось возможным ⁴⁶.

В 1897 г. вышел из печати упоминавшийся выше отчет В. В. Бартольда о поездке в Среднюю Азию в 1893—1894 гг. В нем автор привел подробный разбор исторических сведений о долине реки Чу и сопоставил их с результатами своих наблюдений на месте, как бы подводя итоги предшествующих работ по изучению городища Бурана. При этом он отказался от высказанного им раньше предположения о нахождении Баласагуна, столицы караханидов, а затем и каракытайских гурханов, на месте развалин Бурана ⁴⁷. Ему казалось, что, если только известия о нахождении Баласагуна в долине реки Чу соответствуют действительности, то «его с большей степенью вероятности можно отождествлять с Ак-Пешиним, причем Бурана в таком случае могла составлять какое-нибудь загородное предместье... Для окончательного решения вопроса о Баласагуне мы не имеем достаточно данных» ⁴⁸.

Одновременное появление нового труда Д. Хвольсона о несторианских надгробиях из Семиречья ⁴⁹ исчерпало к тому времени материал о христианских гальках Джетысу. На этом остановилось и непосредственное изучение городища Бурана, на долгое время прекратился приток свежих вещественных материалов; охладел интерес, возбужденный новизной открытия христианских средневековых памятников. Внимание столичных ученых и местных краеведов было отвлечено на разрешение других вопросов. Стадия предварительного исследования Бураны была завершена.

Прежний интерес к объекту постепенно остыл и у местного населения. По традиции еще справляли саль у Бураны. Выезжали туда иногда и на прогулки. В теплое время проводились очередные гапы. Но уже мало обращали внимания

на новые находки. Некоторое время спустя прекратилась и охрана минарета. Исчезла приставная лестница. Разросшийся было садик с 1900 г. подолгу оставался без полива и начал чахнуть. Ко времени работ в районе Бураны перед первой мировой войной Чуйской изыскательской партии Отдела земельных улучшений по орошению в Семиреченской области у самого минарета остались только два полузасохших ствола и несколько таких же погибавших деревьев на месте бывшего сада⁵⁰. Вскоре и они были срублены жителями села Покровского после волнений в Туркестане в 1916 г.

Мероприятия по охране и изучению Бураны в первые годы Советской власти

В таком положении застала городище Бурана революция 1917 года.

Первое время соблазн использовать кирпич с минарета стал заметно усиливаться у токмакского населения, а в 1919 г., благодаря полной безнаказанности такого рода поступков он принял угрожающий характер. Это было частично приостановлено стихийно пробудившимся с революцией интересом широких кругов общественности ко всему окружающему. В местной прессе стали появляться небольшие заметки и воззвания, бившие тревогу о судьбе Буранинского минарета, у которого в ту пору начали усиленно разбирать уцелевшие ряды кладки верхних частей⁵¹. Возглас «Спасите башню Бурану!» нашел отклик в среде токмакского учительства, решившего принять на себя заботу об охране памятника и учредившего надзор за городищем. В это время на городище Бурана было зарегистрировано несколько случайных находок.

Так, в 1921 г. вешними водами было вымыто несколько экземпляров медных очень плохой сохранности монет XII в. чекана династии Илеков⁵². Тогда же Т. Миргиязовым была отмечена сделанная еще в 1915 г., но оставшаяся в ту пору не зарегистрированной в литературе находка большого медного котла на трех ножках, концы которых были оформлены в виде пасти ящероподобного дракона. Котел в 1922 г. попал к местному меднику, употребившему его на изготовление нескольких кумганов. К этому же периоду относятся и популярные заметки о городищах Чуйской долины, в том числе о Буране и его башне, помещенные в различных периодических ташкентских и казанских изданиях на узбекском и та-

тарском языках. Их автор Т. Миргиязов был тогда учителем в Токмаке.

Несмотря, однако, на инициативу некоторых токмакских жителей в деле охраны Бураны⁵³, случаи использования ее жженым кирпичем для частного строительства продолжали повторяться еще до конца 1922 г., о чем тогда же был поставлен в известность Туркомстарис. В принятом ЦИК и СНК Туркеспублики постановлении от 27 марта 1923 г. за № 52 башня Бурана была включена в число наиболее ценных в историческом и археологическом отношении памятников и передана для охраны в ведение общетуркестанского комитета.

Уже в 1924 г. по заданию Туркомстариса (вскоре переименованного в Средазкомстарис) В. Д. Городецким снова была осмотрена башня Бурана и в полевом отчете отмечено, что вокруг ее городища есть следы пригородной окружной стены в виде отдельных отрезков оплывших валов. Одновременно он посетил городище Ак-Пешин. В следующем 1925 г. им совместно с профессором-арабистом А. Э. Шмидтом осуществлена специальная экспедиция для выяснения исторической топографии дельты реки Чу и западного побережья Иссык-Куля, в частности, маршрутов, отмеченных в арабских средневековых источниках. При посещении городища Бурана был собран некоторый подъемный материал в виде фрагментов утвари. Общая площадь бывшего города, окруженного стенами, от которой сохранялись следы в виде оплывших валов, была определена В. Д. Городецким примерно в 20 кв. км. По его мнению, Бурану следовало отождествлять с упоминаемым средневековыми арабскими географами городом Невакетом, а развалины Ак-Пешина с остатками Пенджикета⁵⁴.

В том же 1925 г. по поручению Средазкомстариса специальный осмотр башни Бураны с целью выяснения состояния и необходимых мер для обеспечения ее сохранности осуществлялся профессором-искусствоведом Б. П. Денике и архитектором М. М. Логиновым. Исследование сопровождалось довольно подробной фотофиксацией наружного вида этого памятника. Б. П. Денике по архитектурным формам и орнаментации башни Бурана указал на тесную связь ее с минаретом Узгена, минаретом XII в. в Бухаре, минаретом в Термезе (423 г. х. — 1031 г. н. э.), башнями XI—XII вв. в Хорасане и предложил датировать семиреченский памятник XI—XII⁵⁵. Позднее Б. П. Денике относил башню Бурана более

определенно к памятникам XII в., а ее орнаментацию сравнивал с декором мавзолея Юсуфа ибн Кутайира в Нахичевани (1162 г. н. э.)⁵⁶.

Первоочередные ремонтно-реставрационные работы на башне Бурана начались в 1927 г. Ответственным за эти работы был М. М. Логинов. В отличие от других подобного характера заданий по линии Средазкомстариса работа на Буране не сопровождалась уточненными обмерами и изготовлением детальных чертежей. Главное внимание было направлено на восстановление нижней части башни, разрушенной местными жителями почти на трехметровую высоту от современного уровня земли. В пустые гнезда восьмигранного основания тогда было вложено двадцать новых арched балок взамен утраченных средневековых бревен. По-видимому, эти балки служили не только для горизонтальной перевязки рядов кирпича основной кладки и связи ее с наружной декоративной облицовкой; весьма возможно, здесь мы сталкиваемся с одним из приемов строительства, ослабляющих действие на строение столь частых в Средней Азии землетрясений⁵⁷. После того была восстановлена кладка ствола, причем все сохранившиеся части орнаментальной облицовки были сохранены и только тщательно закреплены. В верхней части остова башни был заложен кирпичом наиболее разрушенный участок. Этот ремонт, обошедшийся в 3366 рублей, потребовал изготовления 30000 жженных кирпичей, соответствующих средневековым размерам. Для их обжига на месте была сооружена специальная печь.

Ремонтно-реставрационным работам Средазкомстариса в 1927 г. на Буране, как и на всех памятниках других районов, предшествовало выяснение технического состояния их нижних частей, что было сопряжено с необходимостью заложения хотя бы незначительного шурфа у основания объекта. Осуществление при этом обязательного археологического надзора, оправданного при такого рода работах, Самкомстарисом⁵⁸ было поручено М. Е. Массону.

В середине августа по завершении археолого-топографического обследования древнего Тараза (Аулиеата, ныне Джамбул КазССР) М. Е. Массон вместе с М. М. Логиновым и коллектором Т. Миргиязовым выехал на Бурану для археологического надзора за намеченным шурфом у основания башни. В течение двух дней длилось вскрытие небольшого участка нижних частей минарета, за то же время М. Е. Массон в общих чертах ознакомился с самим городищем, изготовил кро-

ки (на основе комплексной съемки) и сделал некоторые дополнительные наблюдения, не отмечавшиеся предшествующими исследователями.

Городище Бурана расположено на равнине с плоским рельефом. В четко различимой главной своей части (шахристан или шахри-дарун) оно имеет ориентированный по сторонам света почти правильный четырехугольник, обнесенный оплывшими теперь стенами. Более длинные, вытянутые по прямой линии вдоль северного и южного фасов, сохранились на 570 м, а более короткие — на восточном и западном фасах — имеют около 520 м. Таким образом, площадь всего буранинского шахристана несколько превышает 28 гектаров, т. е. близка по размерам к таковому средневекового городища Сайрама. Некогда высокие земляные стены шахристана имеющие ширину в оплыве до 20 м, были сложены из мощных пахсовых блоков. В пролетах же ворот стены были сложены из сырцовых кирпичей (это заметно на западном фасае). Для большей устойчивости и удобства фланкирующего обстрела осаждавших шахристан врагов с наружной стороны через некоторые неравные промежутки (но не менее чем 40 м) устраивалось до десятка и более выступавших наружу башен, примыкающих вплотную к стенам каждого фаса. На их наличие указывают теперь кое-где сохранившиеся на земляных валах оплывы. В юго-западном углу шахристана к городским стенам примыкало какое-то фортификационное сооружение.

Городских ворот было несколько. В южном фасае их предположительно было двое, причем одни располагались ближе к юго-западному углу шахристана. В западном фасае ворота находились ближе к северной стене внутреннего города; в северной стене почти точно в середине. Восточная стена подверглась наибольшему разрушению водой горного сая Бурана. Последствием особенно многоводного сая, по словам местного населения, был разлив Бураны в конце семидесятых годов прошлого столетия. В 1927 г. от восточного фаса городской стены еще сохранились жалкие отрезки уплощенных валов на протяжении 25 м, 70 и 80 м с юга на север. В этой части ворота были примерно в середине. На основании сказанного можно предположить, что дошедшие до нас в руинах стены шахристана с их воротами возводились с учетом планировки уже сложившегося здесь населенного пункта.

Внутренняя планировка шахристана Бураны определяется в основном начинавшимися от городских ворот улицами,

ведущими к главному центральному месту, возможно, базару. С восточной стороны от него находился комплекс каких-то зданий: то ли культового, то ли административного характера, связанных с местопребыванием правителя. Вообще же без специальной археологической разведки определить это было невозможно. Близ северо-западного угла шахристана в микрорельефе усматривается обведенный стенами участок (70×60 м), который, возможно, указывает на местонахождение некогда крупного средневекового караван-сарая.

Шахристан снабжался водой каналом, выведенным из Бурана-сая. Ложе главной магистрали, теперь в виде овражистого русла, начинается от юго-восточного угла шахристана, протекает через его центральную часть и выходит за его пределы в середине северного фаса, близ ворот. Ответвлением и одновременно спускным водосливом служило русло канавы, проходившей близ минарета и у северо-восточного угла шахристана и впадавшей в речку Бурана.

В свое время шахристан был, видимо, сравнительно густо застроен зданиями из сырцовых и жженных кирпичей разных стандартов, встречающихся почти повсеместно как в кусках, так и в целом виде. Интересно отметить наличие продолговатых кирпичей размером 27×13,5×4 см — 26×13×4 см. Среди подъемного материала попадались многочисленные фрагменты неполивной и глазурованной утвари, в том числе черепки так называемых «симоб-кузаха» (сосуды для ртути), осколки разнообразной стеклянной посуды; разноцветные, иногда довольно крупные мастиковые и бирюзовые бусины; куски окислившихся или проржавевших железных предметов, среди которых оказался отрезок цепи из трех крупных продолговатых колец. В конце 1927 г. после закрытия ремонтных работ киргизами было выкопано несколько целых и обломков золотых монет общим весом 18 г. Они принадлежали хорезмшахскому чекану начала XIII в.⁵⁹

По мере развития сколько-нибудь значительного феодального города Средней Азии, подле него начинал складываться пригород — рабад. Иногда в зависимости от направления наиболее оживленных торговых путей, для большей защищенности от нападения врагов или более удобного топографического расположения, часть рабада с какой-нибудь стороны от шахристана проявляла особую жизнеспособность, сказывавшуюся в планировке городского типа. В Самарканде, например, к X в. таковая сложилась на территории к юго-западу от тогдашнего шахристана (ныне городище Афра-

сиаб). Его обжитая и оформленная по-городскому площадь в ту пору в 1,5 раза превосходила размерами самаркандский шахри-дарун. Когда же площадь в XI в. оградили особой стеной, он превратился в «шахри-бирун» (т. е. «внешний город»), этот термин в специальной научной литературе иногда заменяется обозначением «шахристан № 2». Вместе с тем сплошь и рядом не только территорию собственно пригородов, но и весь прилежащий район культурных земель обносили дополнительной, особой внешней стеной «городской округи», причем делали это как в пору рабовладельческого общества, так и при феодализме.

У городища Бурана следов густо застроенного пригорода-рабада с городской планировкой в микрорельефе явно не проступало. Небольшой разведочный стратиграфический шурф, заложенный у обрыва правого берега магистрального канала примерно на 80 м севернее ворот шахристана, и наблюдения микрорельефа прилегающей поверхности показали, что здесь на некотором протяжении лежит сплошной культурный слой в виде сброса брака, получаемого при обжиге разнообразной керамической утвари в печи (или в печах) конца XI—XII вв. Отсюда были взяты фрагменты большой глазурованной чаши — касы с типичным коричневым орнаментом, нанесенным по желтоватому фону, ряд фрагментов крупных корчаг-хумов, больших и малых кувшинов-куза, разных типов баночек, крынок, горшков с ушками для подвешивания при ношении, венчиков крышек так называемых «глиняных столов» и др.⁶⁰

Под этим слоем керамического брака залегают погребения людей, скелеты которых вытянуты с востока на запад. Черепа их обращены на запад. Над одним из этих погребений, детально не вскрывавшихся, был найден продолговатый жженный кирпич, на лицевой поверхности которого имеется изображение креста, грубо выдавленного по сырой глине пальцем. В отличие от четырехконечного орнаментального креста несторианских надгробных галек, крест на кирпиче шестиконечный с нижней косой перекладиной. Его появление в Семиречье, может быть, следует связывать с проживанием здесь в свое время какого-нибудь пилигрима из других восточных христианских общин. Такого рода кресты на археологических местных памятниках христиан встречаются и в других районах Средней Азии. Во всяком случае, очевидно, была пора, когда на землях северной части пригорода Бураны, в непосредственной близости от ворот шахристана, у идущей от них

большой дороги к берегам реки Чу, местные средневековые христиане хоронили своих покойников. Затем, по-видимому, захоронения им здесь были запрещены, а несторианской общине отвели под их кладбище свободный, должно быть, участок в южной пригородной части, примерно в 1 км к юго-западу от южных ворот шахристана.

Как отметил уже в 1924 г. В. Д. Городецкий, вокруг четырехугольного городища Бурана кое-где были видны остатки былой внешней стены в виде оплывших валов. Для проверки этого сообщения М. Е. Массоном на второй день пребывания были проделаны пешеходные маршруты по трем направлениям от северо-западного угла шахристана. Один отрезок земляного вала бывшей окружающей стены был отмечен примерно в 2 км к северо-западу, второй — в 1,5 км к северо-востоку и третий — к юго-востоку на расстоянии около 4 км от исходной точки⁶¹. Один из местных информаторов убежденно говорил, будто в натуре есть худшей сохранности остатки второй стены городской округи. За недостатком времени проверить это, как и установить полную протяженность отмеченных следов первой внешней стены, тогда не имелось возможности.

Наметившиеся выводы о прошлом городища Бурана, полученные в результате общего археолого-топографического ознакомления, нуждались в сопоставлении с данными о каком-нибудь другом крупном городище в ближайшем районе Чуйской долины. Таковыми были намечены находящиеся в 6 км к северо-западу от Буранинского минарета и примерно в 8 км от теперешнего Токмака⁶² развалины городища под названием Ак-Пешин⁶³ или Ак-Бешим⁶⁴. Их осмотр археологической группой на обратном пути из Бураны в Токмак при ограниченности имевшегося времени был проведен за четыре часа. Кроме беглого ознакомления с развалинами тогда была сделана комплексная съемка схематического плана центральных частей городища и заложен небольшой стратиграфический шурф в 300 м к западу от первоначального шахристана для проверки наблюдения, что и с этой стороны к нему прилегал заселенный пригород.

Развалины Ак-Бешима красноречиво свидетельствуют о двух крупных периодах развития города. В конце первого он состоял из шахристана площадью свыше 20 гектаров, высокой цитадели в его юго-западном углу и пригорода, обнесенного, по словам окрестного населения, кольцом внешней стены,

отстоящей в некоторых местах от шахристана на расстоянии чуть ли не 1,5 км. Остатки ее легко различимы в виде оплывшего вала. Система укреплений первоначального шахристана, мощь профиля его стен, наличие значительных фланкирующих выступов былых башен — все это убеждает, что, возможно, древними строителями придавалось большое значение обороне города от врагов. Судя по подъемному керамическому материалу, это имело место незадолго до завоевания Средней Азии арабами. По мере интенсивного роста города значительную часть обжитого рабада, примыкающую к шахристану с восточной и юго-восточной сторон, на грани I и II тысячелетий н. э. пришлось обвести новой высокой глинобитной стеной с круглыми башнями, особо обозначенными в южной части, и обращенной к хребту Киргизского Ала-Тоо. Так сформировалась новая городская территория шахри-бируна площадью около 50 гектаров. Почти в середине его находится прямоугольная территория (300×235 м), окруженная стеной с девятнадцатью башнями, из которых две на северном фасе устроены по бокам от ворот. Их подлинное назначение можно будет установить лишь при археологическом вскрытии.

Даже кратковременное попутное ознакомление с городищами Бурана и Ак-Бешим, расположенными рядом и сформировавшимися в средние века на одном из бывших путей в Кульджу, позволило отметить в истории их развития ряд далеко не совпадающих этапов. Историческая топография и подъемный археологический материал наглядно свидетельствуют, что Ак-Бешим сложился раньше Бураны, до арабского завоевания Средней Азии, и оформился как полноценный раннефеодальный город с цитаделью, мощным шахристаном и рабадом. После некоторого зстоя, а возможно даже упадка, Ак-Бешим в пору развитого феодализма снова начал расти и оформил в рабаде шахри-бирун, обнесенный особой стеной. Встречающиеся на поверхности, правда, немногочисленные археологические находки XIV в. преимущественно в виде фрагментов керамической утвари являются показателями, что жизнь на Ак-Бешиме продолжалась в какой-то мере и после монгольского завоевания.

Оформление города на месте Бураны произошло значительно позже. В пору развитого феодализма это нашло отражение только в виде прямоугольного в плане шахристана. При наличии стен городской округи нет и намека на оформление шахри-бируна. Хотя кое-где на поверх-

ности встречаются единичные экземпляры глазурованной керамики и кирпичей X в. и старше, но наиболее интенсивная жизнь города приходится на XI—XII вв. Город при этом был далеко не заурядным и отличался интенсивным строительством различных зданий из жженого кирпича. Представители господствующих классов пользовались известным благополучием, нарушавшимся временами, но, видимо, ненадолго. Об этом свидетельствуют находки из ценных металлов. Больше всего зарегистрировано находок золотых динаров, иногда разрубленных на куски и принадлежащих в основном хорезмшахскому чекану первой четверти XIII в. С этим временем связан верхний культурный слой городища, а с первыми годами монгольского завоевания начался новый период быстрого и окончательного замирания. В последующие столетия городу временами придавалось явно особое административное значение.

Отождествление Бураны с городищем Мунора, упоминаемым в XVI в. Мухаммедом Хайдаром Гурагани, общепризнано в среде современных ученых. В этой связи особый интерес представляет сообщение этого автора о виданной и прочитанной им на плите эпитафии «славного имама», «совершеннейшего шейха», «знатока как ветвей, так и основ законоведения» столичного ученого имама Мухаммед-факиха Баласагунского. Конкретно учитывая общую историческую ситуацию, думается, что в передаче слова сотен в дате смерти этого ученого шейха (как 711 г. х., соответствующего 1311/12 г. н. э., вместо 611 г. х., приходящегося на 1214/15 г. н. э.) допущена ошибка при разборе надписи на памятнике или при переписке рукописи. Мухаммед-факих удостоен был звания духовного главы такого важного в административном отношении пункта, как Бурана, в XII в., а скончался он в начале следующего столетия, незадолго до монгольского завоевания Средней Азии.

В XI—XII вв. правительственную администрацию заставили уделить Буране особое внимание какие-то обстоятельства, что ощущается, в частности, по судьбе тамошней христианской общины. Об этом свидетельствует упомянутый выше факт ликвидации ее кладбища у городских ворот северного фаса стены шахристана. Община отнюдь не была сколько-нибудь значительной. На ее кладбище в южной части пригорода при многолетних исследованиях было найдено лишь несколько более трех десятков намогильных галек с крестами и соответствующими эпитафиями. Показательно, что в них

упоминается только один схоластик Кубук, учитель Ушина и священник Кутлук, а все остальные надгробные гальки принадлежат более или менее рядовым лицам. При этом обращают на себя внимание особенности в начертании букв и наличие некоторых выражений, отличающих буранинские эпитафии от таковых же с памятников несторианского кладбища в районе Пишпека. По-видимому, это связано с более поздним функционированием последнего. Самая ранняя дата на его надгробных гальках 1261 г., т. е. когда Бурана уже перестала существовать как видный населенный пункт. Подавляющее большинство галек (несколько сот) приходится на XIV в. В эпитафиях 1338—1339 гг. указывается, что жители города умирали от страшной эпидемии чумы, начавшейся в Китае в 1334 г. Позднее она проникла в страны Европы, где от нее погибло около 24000000 человек, т. е. почти четверть всего тогдашнего населения. В Семиречье эта чума в какой-то мере отразилась, безусловно, не только на крупной несторианской общине, но вообще на всем оседлом и кочевом населении области.

Однако не одна чума была причиной замирания города. Известно, что местность в долине реки Чу не особенно пострадала и в пору монгольского нашествия, поскольку ее жители в основном подчинились завоевателям без особого сопротивления⁶⁵. Между тем, по недостаточно еще всесторонне изученной общей политико-экономической обстановке, уже во второй четверти XIII в. начался упадок городской и вообще оседлой культурной жизни, в результате которого жители долин рек Чу и Талас покинули города.

Убедительного ответа на вопрос, что это был за город — работы на Буране 1927 г. не дали. По-прежнему непоколебимым оставалось высказывание В. Томашека, что именно в окрестностях Токмака была столица тюркского хакана, но без точной локализации ее местоположения⁶⁶. В. В. Бартольд когда-то считал, что в окрестностях Токмака следует искать город Сарыг⁶⁷. Позднее, после посещения Бураны, он в своем отчете о поездке в Среднюю Азию в 1893—1894 гг. с рядом оговорок высказывал предположение о тождестве городища Бурана с Баласагуном и одновременно допускал, что оно может быть загородным предместьем последнего, если только тот находился на месте Ак-Бешима⁶⁸. Небезынтересным оставалось и мнение, высказанное В. Д. Городецким после его совместной поездки с А. Э. Шмидтом по Семиречью в 1925 г. и заключавшееся в отождествлении городища Бура-

на с Невакетом. В приводимой в арабских источниках различной транскрипции названия этого города можно предполагать указание авторов на «процветание», «богатство», в другом начертании — можно перевести как «новый город», учитывая относительно более позднее его формирование по сравнению с другими городами долины. Как выяснилось лишь много позднее из оставшейся в свое время неопубликованной рукописи В. Д. Городецкого, аргументация в части признания Бураны за Невакет строилась на указании Н. I. de Goeje расстояния между этим городом и Пенджикетом в один фарсах. Более убедительного отождествления Бураны с каким-либо средневековым городом отряду Среднеазиатского музея в 1927 г. получить не удалось.

Зато ряд новых наблюдений и фактов дало обследование самой башни этого городища. Для выяснения состояния нижних ее частей и выявления их возможных деформаций по договоренности с архитектором М. М. Логиновым с восточной стороны у выступающего угла восьмиугольного основания минарета был заложен небольшой стратиграфический шурф. Постепенно он был доведен до глубины 1,8 м от уровня современной поверхности земли. При этом выяснилось, что ряды кладки башни, находящиеся ниже современной поверхности, были разрушены добытчиками кирпичей не менее, чем наружные. Одновременно убедились, что в кладку при сооружении памятника наряду с хорошо изготовленными кирпичными плитками попадали и «недожиг» и «пережиг», и при этом не целые, а разбитые на куски. Размер целых кирпичей $25,3 \times 25,3 \times 4,5$ см. Скреплявшие их растворы были различными: так, швы внутренних рядов (толщиной от 18 до 24 мм) лишь в нижней части заполнялись тонкой прослойкой в 2—4 мм алебастрово-лессового раствора (ганчхак), наложенного непосредственно на кирпич, и следом — значительно более толстым слоем земляного раствора, на который укладывали следующий ряд кирпича, имевшего сверху вновь тонкий слой ганчхака и т. д. Только в наружных рядах кладки употреблялся сплошной алебастровый раствор с примесью кусочков толченых кирпичей и лишь отчасти земли⁶⁹.

На глубине 1,5 м был обнаружен слой сплошной кладки в один ряд кирпичей, поставленных на ребро и уложенных «в елку». Измерения показали, что внешний край этой кладки выступает наружу от лицевой поверхности граней восьмиугольного основания более чем на 30 см. Ниже начиналась каменная кладка на растворе с примесью угля, которая пос-

тепленно расширялась и понижалась на расстоянии около 0,5 м от края кладки и поставленных на ребро кирпичей; она оказалась облицованной правильно выточенными продолговатыми каменными плитами (30×15 см), положенными «рустиками» с разделкой швов двумя бороздками. Всего в этом месте шурфа сохранилось 4 ряда кладки на высоту, считая со швами, 0,65 см. Уровень ее нижнего ряда лежит на глубине около 1,8 м от современной поверхности земли. Бутовая кладка с ее фасадной плиточной обшивкой принадлежит более широкому, чем восьмиугольная часть башни, основанию в виде стилобата.

В плане оно может быть квадратным (или квадратным со скошенными углами) либо правильным восьмиугольником. Промежуток в 0,45 м между рядом кирпичей, стоящих ребром, и четвертым рядом каменной облицовки, вероятно, также был задекорирован, вернее всего такими же плитками. Наблюдения показали, что над вертикально стоящими кирпичами на одном уровне с ними прежде находилось не менее пяти рядов кирпичей, уложенных плашмя.

Полученные результаты были признаны М. М. Логиновым достаточными для ведения изначальных ремонтных работ сезона. Для получения более детальных данных, в том числе глубины прочного фундамента, необходимо производство значительных по масштабу земляных работ с расчисткой нижних частей вокруг всего памятника, затраты на которые не могли быть произведены на сумму, отпущенную Средазкомстарисом на ремонт Бураны. За отсутствием дополнительных ассигнований дальнейшие земляные работы были перенесены на будущее.

Расчистка непосредственно примыкающих к минарету (при заложении описанного незначительного стратиграфического шурфа) культурных наслоений показала, что они состоят сплошь из строительного мусора разных возрастов. В верхнем слое до 20 см мощностью были встречены кости животных, главным образом баранов. Ниже стали попадаться фрагменты керамической посуды преимущественно неглазурованной и отчасти зеленой поливы. На глубине 1 м начали встречаться крупные куски корчаг-хумов, черепки глазурованной утвари XI—XII вв. и одиночные фрагменты утвари. Последние лежали на откосе бутовой кладки. При частичной расчистке в отвале минарета небольшой старой ремонтной кладки был встречен поливной керамический черепок XI в. Это могло служить намеком, что в указанном столетии

под влиянием толчков землетрясений памятник уже нуждался в ремонте, хотя возможно, что черепок попал в замаску щели, образовавшейся позднее.

Когда появились первые мусульманские минареты для возглашения с них призывов на молитву, точно не установлено. Как известно, на первых порах их сооружение в некоторых частях сложившегося арабского халифата встречало иногда даже известный протест, как недопустимое подражание языческим культовым башням и христианским колокольням. Но уже в первых веках широкого распространения ислама в разных районах, где он стал господствующей религией, появилось несколько типов минаретов. Одни из них, в частности, в Средней Азии представляли собой самостоятельные сооружения в виде круглых в плане башен, иногда очень крупных размеров.

В Туркестане вопрос о минаретах был поставлен перед местными краеведами еще в 1909 г.⁷⁰ При этом трудности в их изучении часто возникали сразу же в связи со сложностью определения даты создания тех или иных объектов. Коснулось это и башни Бурана. Еще в 1926 г. такой активный исследователь среднеазиатской архитектуры, как Б. Н. Засыпкин, утверждал, что следующим за минаретом Куны Ургенча (который он датировал XI в.) «надо поставить минарет в г. Бухаре XII в., минарет в кишлаке Узгенте и башню Бурану близ Токмака Пишпекского района, около того же времени»⁷¹.

По поводу заключения Б. Н. Засыпкина необходимо сделать некоторые уточнения. Датировка XI в. сохранившегося в Куны Ургенче минарета основана на найденной в земле в 1900 г. в пределах этого городища свинцовой плите с надписью, что некий минарет построен хорезмшахом Абу-л-Аббасом Мамуном II в 401 г. х. (1010/11 г. н. э.). Где точно находились развалины этого минарета, не установлено. Есть достаточно оснований полагать, что надпись относится не к стоящему до сих пор на городище Куны Ургенч минарету, а к другому, который высылся там еще в конце XIX в.⁷²

Не вызывает никаких сомнений приводимая автором «Китаб-и Мулла-заде» датировка 521 г. х. (1127 г. н. э.), в котором при Арслан хане Мухаммеде сыне Сулеймана в Бухаре у Масджиди-Калян был отстроен большой минарет, известный в народе под названием «Башни смерти»⁷³. Что же касается минаретов Узгена и Бураны, то сооружение их нельзя датировать «около того же времени» (т. е. началом

второй четверти XII в.), так как они возведены намного раньше и отнюдь не одновременно. Узгент, лежавший на оживленной торговой дороге из Ферганы через Ош в Кашгар, уже в X—XI вв. являл собой зажиточный по тому времени городской административный пункт. До наших дней в нем сохранились от феодальной поры стоящий отдельно полуразрушенный минарет и расположенные впритык один к другому три мавзолея. Южный имеет две даты — 582 г. х. с указанием разных месяцев. Одна из них не совсем точно опубликована в 1897 г. Туркестанским кружком любителей археологии — 1186/7 г. н. э. вместо 1187 г.⁷⁴ Вторая — с указанием месяца мая 1186 г. х. — прочитана М. Е. Массоном в 1927 г. на месте. Тогда же из-за невозможности достать лестницу в связи с охватившим район активным басмаческим движением М. Е. Массону удалось издалека с земли заметить на портале Северного мавзолея в персидской надписи только дату «в день среды четвертого месяца раби-И 547 г. х.» (середина 1152 г. н. э.), а в арабской надписи имя караханидского правителя тюрка Тогрул Кара-хакана Хусейна сына Хасана сына Али.

Что касается наполовину сохранившегося крупного узгенского минарета, то у коридора его внутренней лестницы плоское перекрытие выполнено напуском кирпичей. Вся наружная поверхность ствола минарета покрыта сплошными, примыкающими друг к другу резными орнаментальными поясами, среди которых характерен узкий поясok, состоящий только из кружков с углублением в середине. Он является кирпичной трактовкой орнамента «сосочек», распространенного на памятниках XI—XII вв. Наряду с ним в наружной декорации, кроме фигурной кирпичной кладки, имеет место алебастровый прорезной орнамент. Заслуживает внимания, что кирпич узгенского минарета больше всего напоминает кирпич Северного мавзолея. На основании сказанного и с учетом истории Узгена (Узгенда), сооружение минарета можно отнести к середине или ко второй половине XI столетия.

На минарете городища Бурана употреблен квадратный жженный кирпич (в среднем $25,3 \times 25,3 \times 4$ или 5 см). Перекрытия ведущей на верх внутренней лестницы хотя и сделаны, как на минарете Узгена, напуском кирпича, но другим приемом, при котором в разрезе получается не плоскость, а сводчатый подъем. В наружной облицовке ствола минарета все декоративные кирпичные пояса фигурных кладок чередуются с широкими гладкими поясами из простых строитель-

ных кирпичей, уложенных горизонтальными рядами. Совершенно отсутствует декорировка алебастровыми орнаментами гнезд наружных узорных поясов, как это имеет место в узгенском минарете.

Бухарский минарет 1127 г. по сравнению с Буранинским и Узгенским являет признаки архитектурного прогресса. На Бухарском минарете применен квадратный кирпич крупного размера — $28 \times 28 \times 5$ см. Внутренний лестничный ход на вершину минарета перекрывает настоящий арочный свод, а внутри прохода наличествуют орнаментальные выкладки из кирпичиков. На наружной поверхности самого ствола минарета встречается резной кирпич, в том числе в поясах надписей. Весь пояс верхней надписи выложен из крупных керамических плит ($54 \times 31 \times 6$ см), покрытых зеленой глазурью. Приведенных фактов вполне достаточно, чтобы признать за башней Бурана более раннее происхождение в ряду трех упомянутых минаретов.

Что касается даты сооружения буранинского минарета, то М. Е. Массону первоначально казалось, что его можно отнести к X в. Это нашло отражение в представленном им Средазкомстарису по возвращении в Ташкент рукописном предварительном полевом отчете. Камеральная обработка всех полевых материалов 1927 г. с привлечением археолого-топографических данных и стратиграфических наблюдений культурных наслоений городища, не говоря уже о приведенных выше сопоставлениях строительной техники аналогичных памятников Узгена и Бухары, привели М. Е. Массона к заключению, что минарет Бураны, вероятнее всего, был возведен в 30—40-х гг. XI в. Это время приходится на пору правления в Семиречье и Восточном Туркестане караханидского государя Арслан-хана Сулеймана (1031/2—1056). При этом заслуживает внимания, что работавший с М. Е. Массоном коллектор Т. Миргиязов, коренной житель Токмака, подробно передавая один из вариантов местной легенды о сооружении башни Бурана Арслан-ханом, сообщил бытующие в народе некоторые детали из истории правления этого государя. В частности, Т. Миргиязов упоминал, что Арслан-хан получил власть в Восточном Туркестане и в Семиречье после смерти отца, что он враждовал со своим братом, правившим в Таласе (Джамбул) и Исфиджабе (Сайрам), и что под конец жизни был им разбит, низвергнут и захвачен в плен. Все эти факты засвидетельствованы историческими письменными источниками и связаны именно с именем Арслан-хана Сулейма-

на. Нельзя попутно не вспомнить, что Арслан-хан Сулейман, несмотря на свои победы над карахытаями, на которых он навел большой страх, не сумел поддержать авторитет главы государства среди прочих правителей династии Караханидов. Если бураинский минарет действительно был сооружен по его распоряжению, то, может быть, созданием такого видного памятника он преследовал цель как-то воздействовать на психологию современных ему караханидов, недоверчиво и даже враждебно относившихся к нему как главе династии. Впрочем, это опять-таки только домысел, а подлинное решение, кто был настоящим создателем минарета Бурана, для М. Е. Массона оставалось под вопросом⁷⁵.

Завершение первых ремонтно-охранительных работ на башне Бурана осуществлялось Средазкомстарисом в 1928 г. под руководством Н. М. Бачинского. Тогда была настлана железная крыша над уцелевшей верхней частью минарета, выведена на 3 м наружу водосточная труба, а во входном проеме, ведущем к внутренней винтовой лестнице, установлена и наглухо забита дверь. В связи с ликвидацией в Ташкенте в 1929 г. Средазкомстариса как органа среднеазиатского масштаба все последующие мероприятия по охране и изучению памятников Бураинского городища осуществлялись научными организациями Киргизской ССР.

II. ИСТОРИЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО ИЗУЧЕНИЯ И ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ БУРАНЫ (1930—1980)

Охрана Бураны в годы довоенных пятилеток и в период Великой Отечественной войны

Трудности восстановительного периода в стране, нехватка в Средней Азии археологов и полное их отсутствие в Киргизии, а также закрытие Средазкомстариса на несколько лет затормозили начавшиеся работы по изучению и реставрации памятников архитектуры в крае. Ни создание Киргизского научно-исследовательского института краеведения в октябре 1928 г. (на базе Государственного музея Киргизской ССР), ни Инспектура по охране памятников старины и искусства не смогли обеспечить работу по научному исследованию культурного наследия⁷⁶.

В специально организованной комплексной экспедиции Академии наук СССР по обследованию производительных сил Киргизии работал археологический отряд под руководством С. А. Теплоухова, целью которого было изучение древних рудных разработок и установление связи с новейшими геологическими исследованиями⁷⁷. Понятно, что прикладные задачи в археологии этого периода⁷⁸ на несколько лет отодвинули проблемы реставрации памятников зодчества и изучение исторического прошлого края.

Тем не менее в 1929 г. в долине р. Чу проводит разведочные работы А. И. Тереножкин, командированный в Киргизию Институтом истории материальной культуры АН СССР. Он обследовал ряд поселений, в том числе Бурану, снял на план центральные развалины городища⁷⁹. Однако сведения по итогам этой работы очень скудны. Большинство памятников не было описано. Собранный материал был передан во Фрунзенский краеведческий музей, где сохранился частично⁸⁰.

С середины 30-х годов начался важный этап в развитии советской исторической науки. Он ознаменован рядом мер, направленных к перестройке исторической науки на новом

этапе жизни советского общества. С организацией Комитета наук при СНК Киргизской ССР в 1937 г. научные исследования в области истории и археологии приобретают плановый характер⁸¹. Отразилось это и на судьбе Бураны.

Летом 1937 г. на Буранинское городище выезжает специальная экспедиция Комитета наук и Киргизского педагогического института в составе: Б. М. Зима, И. А. Чеканинский и фотограф Ф. И. Бальдерман. Ими была проведена подробная фотофиксация памятников, проведены разведочные работы близ башни и сняты на план центральные развалины Бураны. Сведения о проведенных исследованиях опубликованы в газетных заметках, но планы не сохранились и в научной печати не были отражены⁸².

Значительное место в историографии исследуемых памятников занимают труды Семиреченской археологической экспедиции, организованной Комитетом наук при СНК Киргизской ССР и Ленинградским отделением Института истории материальной культуры АН СССР (1938—1940 гг.). С именем ее руководителя А. Н. Бернштама, уже в начале 30-х годов ведшего исследования в области тюркологии и археологии, связано дальнейшее изучение городищ Чуйской долины, в том числе Буранинских развалин и городища Ак-Бешим. Экспедицией были получены обширные материалы, характеризующие оседлоземледельческую культуру долины, в том числе архитектуру, строительное ремесло, искусство и идеологию. В 1938 г. Буранинский минарет заново обмерила Л. Г. Розина⁸³.

По материалам Семиреченской экспедиции был опубликован ряд монографий, статей и брошюр, в которых частично отражена история изучения Бураны, приводится краткий историко-археологический очерк края с привлечением письменных источников⁸⁴. А. Н. Бернштам считал, что развитие городов Чуйской долины шло в общем русле с градостроительством в Мавераннахре в связи с согдийской колонизацией Семиречья в середине и второй половине I тысячелетия н. э. В частности, вслед за В. В. Бартольдом, городище Ак-Бешим было сопоставлено с историческим Баласагуном, а Бурана — с его предместьем — Кирмирау. Однако за городище А. Н. Бернштам принял лишь центральный четырехугольник, а остальная территория, раскинувшаяся за пределами основного укрепления, осталась вне поля его зрения. Поэтому наблюдения А. Н. Бернштама на Буране были впоследствии пересмотрены.

В трудный период войны при общем спаде научно-исследовательской работы и частичном свертывании ее в стране на территории Киргизии продолжают археологические исследования. Именно на годы войны приходится «новая веха в изучении исторического прошлого киргизского народа»⁸⁵, ознаменовавшаяся учреждением в 1943 г. Киргизского филиала Академии наук СССР и последующей организацией ряда экспедиций Института языка, литературы и истории КирФАН СССР совместно с эвакуированными сотрудниками Ленинградского отделения Института истории материальной культуры АН СССР.

В публикациях 40-х годов А. Н. Бернштам приводил небезынтересные сведения о Буране. Сохранившийся минарет он связывал с «классическим памятником караханидской культуры» и считал, что он мог быть построен в месте, тяготеющем к центру политической власти Караханидов, которым являлся Баласагун, а Бурана — его рибатом⁸⁶.

На городище Ак-Бешим Семиреченской экспедицией было заложено несколько шурфов и раскопов, затронувших верхние слои памятника. Основные работы были сосредоточены на территории, примыкавшей к шахристану с востока и получившей в публикациях название «киданьского квартала», так как здесь были найдены постройки с черепицей, характерной для областей Маньчжурии и Амура. А. Н. Бернштам считал эти находки одним из доказательств того, что Ак-Бешим есть Баласагун, и расширение его происходило при каракиданах в юго-восточном направлении. Кроме того, большие завалы строительного материала в верхних слоях городища, по мнению автора, — это результат погрома Баласагуна каракиданами при взятии его хорезмшахом Мухаммедом в 1210 г.⁸⁷

Вскрытые остатки буддийской часовни в монастырском комплексе А. Н. Бернштам также отнес ко времени господства в Северной Киргизии киданей, а сооружение ее связал с приглашенными из Восточного Туркестана строителями или местными мастерами, копирующими образцы религиозных построек Восточного Туркестана того времени, т. е. XII в.⁸⁸ В одной из последних своих работ он пересмотрел датировку часовни, отнеся ее сооружение к раннему средневековью — IX в.⁸⁹ Основанием к тому послужили результаты археологических работ на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг. (см. ниже, с. 42—44).

В 1946 г. появилась первая специальная работа — небольшая популярная брошюра, посвященная Буране⁹⁰. В ней А. Н. Бернштам, используя имеющиеся архитектурно-искусствоведческие сведения Б. П. Денике, М. Е. Массона и Н. М. Бачинского, приводит краткую историю появления минарета в предместье Баласагуна в связи с интенсивным строительством мусульманских культовых сооружений пришедшими к власти Караханидами.

В монографическом исследовании о памятниках архитектуры Киргизии⁹¹ А. Н. Бернштам в отдельной главе рассматривает Буранинский минарет на фоне историко-культурных процессов, протекавших в Притяньшанье в средние века. Описание памятника сопровождается краткой справкой об истории его изучения и аналогиями в приемах декорации фигурной кладкой кирпича, характерных для памятников Средней Азии первой половины XI в. К этому времени он относит и сооружение Буранинского минарета.

В годы Великой Отечественной войны памятники архитектуры исследовались по линии Союза советских архитекторов. Производятся новые обмеры минарета, фиксируется техническое его состояние, делаются графические прорисовки орнаментов (авторы В. Е. Нусов, А. А. Голованев, В. И. Купцов)⁹². Этот материал послужил основой для дальнейших работ по реставрации памятника.

Изучение Буранинского комплекса в послевоенный период

Продолжение исследований на Буране приходится уже на послевоенный период в истории изучения и охраны памятников Киргизии, продолжавшийся до 60-х годов. Этот этап характеризуется подъемом среднеазиатской археологии в целом, развертыванием археологических работ Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции, а также планомерным изучением памятников зодчества и подготовкой их к реставрации⁹³, осмыслением и накоплением научных данных по истории и теории архитектуры в целом по Средней Азии.

В октябре 1948 г. было принято специальное постановление Совета Министров СССР «О мерах по улучшению охраны памятников истории и культуры СССР» (за № 3898), поднявшее на более высокий уровень дело охраны, изучения и реставрации памятников во всех республиках Советского

Союза. Соответствующее постановление правительства было принято в 1951 г. в Киргизии.

В первое послевоенное десятилетие по договору Управлений по делам архитектуры Киргизской и Узбекской ССР сотрудниками Узбекских специальных научно-реставрационных производственных мастерских была составлена подробная проектно-сметная документация на реставрацию и частичную консервацию памятников зодчества Киргизии. Работы возглавлял Б. Н. Засыпкин; в составе группы архитекторов работали С. Б. Неумывакин, К. С. Крюков, В. Е. Нусов и фотограф Е. Н. Юдицкий. Материал рабочей группы архитекторов частично использован при последующих публикациях Б. Н. Засыпкина и В. Е. Нусова, но в основном отложился в архивах⁹⁴.

На этот период приходится выпуск обобщающих трудов по архитектуре и монументальному искусству Средней Азии и Казахстана. В них получают освещение конструктивные и художественные особенности построек средневекового Киргизстана, в том числе Буранинского минарета в связи с общими проблемами по истории искусства Средней Азии. Архитектурные памятники Северной Киргизии Г. А. Пугаченкова относит к Северотуркестанской архитектурной школе средневекового зодчества⁹⁵. Характер строительных материалов некоторых древних построек Киргизии, в том числе Бураны, исследует Н. С. Гражданкина⁹⁶. В коллективной работе с ее участием⁹⁷ приводятся сведения о находке на Буранинском городище («в развалинах зданий у селения Дон-Арык Чуйского района») керамических плит XI—XII вв. с покрытием голубой глазурью и геометрическим рисунком белой и вишневой глазурью при разграничении цветов нарезкой. По мнению авторов, они использовались для выстилки полов или облицовки панелей в парадно оформленном здании⁹⁸.

Большой вклад в изучение зодчества средневекового Тянь-Шаня и Семиречья, как и в первые годы Советской власти, внес Б. Н. Засыпкин. Активно занимавшийся изучением памятников архитектуры Средней Азии и заложивший основы истории среднеазиатской архитектуры⁹⁹, Б. Н. Засыпкин написал книгу по заказу Управления по делам архитектуры при Совете Министров Киргизской ССР. По словам самого автора, в ней он попытался отразить научные достижения в изучении архитектурного наследия народов Киргизстана для дальнейшего использования его в создании «новых высокохудожественных произведений социалистической архи-

тектуры, наделенных национальными чертами и особенностями»¹⁰⁰. Труд Б. Н. Засыпкина остался неопубликованным. В Центральном государственном архиве Узбекской ССР хранятся его полевые материалы, зарисовки к проектам реставрации средневековых памятников республики, дневники и наброски, в их числе и рукопись «Выдающиеся памятники архитектуры Киргизии (историко-архитектурный очерк. Фрунзе, 1954)» под редакцией кандидата архитектуры Ш. Е. Ратия. Первая глава рукописи посвящена башне Бурана¹⁰¹, в которой дан глубокий анализ строительных, конструктивных и архитектурно-художественных особенностей наземной части минарета. В своих исторических экскурсах Б. Н. Засыпкин ссылается на публикации А. Н. Бернштама, при этом добавляет к истории города Баласагуна (городище Ак-Бешим) и его предместья (Бурана) факт гибели от сильного землетрясения, о чем, по мнению автора, свидетельствуют характерные разрушения минарета: утраченная верхняя часть башни, разрушения поверхностного слоя цокольной части, что обычно происходит при сейсмических колебаниях¹⁰².

Б. Н. Засыпкин отмечает для Бураны некоторые «архаичные» конструктивные и декоративные приемы, которые позволили автору датировать сооружение началом XI в. К такому относится: выкладка кирпича без шпильки, пропилки или обтески, прокладка бревен в цоколь минарета для улучшения связок кладки в радиальном направлении; довольно однообразные мотивы и композиции орнамента в оформлении восьмигранного основания и ствола минарета. На основе сравнительного анализа всех сохранившихся минаретов Средней Азии автор прослеживает постепенную эволюцию формы, пропорций, художественно-декоративных приемов и относит Бурану к памятникам, открывшим «новую страницу в истории построения минаретов» в Средней Азии. Как наиболее древнее из башенных сооружений мусульманского времени оно вносит новое в архитектуру Средней Азии — монументальность и высоту, притом в зоне активной сейсмичности. Этим Б. Н. Засыпкин объясняет мощное основание памятника и его конический профиль.

По своей композиции, как полагает Б. Н. Засыпкин, Буранинский минарет близок Термезскому, но в отличие от последнего имел иную разработку: восьмигранное основание, снабженное прямоугольными нишами со стрельчатыми арками, коническое, разбитое на орнаментальные пояса тело; не сохранившаяся надпись, по мнению автора, должна была

проходить в верхней части (с датой постройки и именем мастера); новым в минарете была также разработка геометрического орнамента по мотиву «вертушки» — предвестника гирьков, получивших в дальнейшем широкое распространение в зодчестве Средней Азии. Отличает Бурану и «ажурность» декоративной кладки, где до 70% составляет углубленный фон, отсутствующий в других минаретах XI—XII вв. Первоначальная высота минарета, по мнению Б. Н. Засыпкина, была не менее 40 м.

Вместе с узбекскими учеными в работах по обследованию памятников Киргизии участвовали и местные архитекторы. Так, в 1951 г. В. Е. Нусов исследовал фундамент Бураны путем закладки шурфов с восточной и западной сторон цоколя. Эти работы им были впоследствии продолжены, а результаты подытожены в ряде статей и публикаций, вышедших в 1961—1963 гг.¹⁰³, на чем остановимся ниже.

На послевоенный период приходится комплексное изучение древней истории и этногенеза киргизов Киргизской археолого-этнографической экспедицией (КАЭЭ) Академии наук СССР и Академии наук Киргизской ССР. По итогам археологических работ Чуйского отряда КАЭЭ (1953—1955 гг.) на городище Ак-Бешим опубликован ряд статей и отчетов, где краткие сведения приводятся и о Буране. Если в начале Л. Р. Кызласов, опираясь на мнение А. Н. Бернштама, считал Ак-Бешим развалинами города Баласагуна¹⁰⁴, то после раскопок на городище он пересмотрел эту точку зрения.

О Буране он пишет, что «основателями этого небольшого городка и его архитектурных сооружений были караханидские тюрки, пришедшие сюда в X в.»¹⁰⁵ За остатки древнего города автор вслед за А. Н. Бернштамом принял лишь его центральные развалины.

На городище Ак-Бешим в те годы проведены значительные раскопочные работы, сделана инструментальная съемка центральных и глазомерная — всех остальных развалин, пересмотрены материалы, добытые в 1938—1940 гг. Стратиграфический шурф на основной части памятника — цитадели — выявил культурные слои на глубину 8,5 м, нижние из которых датируются керамикой и согдийскими монетами V—VI вв., а верхние — IX—X вв. В восточной части шахристана были вскрыты остатки христианской (несторианской) церкви с кладбищем, датированные VIII в. За пределами центральных развалин в разных частях памятника раскопаны еще несколько объектов, оказавшихся остатками буддий-

ских храмов VI—VIII вв., раннесредневековым некрополем с оссуарными и хумными захоронениями в наусах и склепах и замком VI—VII вв.¹⁰⁶

В конечном счете Л. Р. Кызласов предложил иные хронологические рамки жизни на поселении, сужая их с V по X вв.; в караханидское время город уже лежал в развалинах. Восточную часть центральных укреплений он считает мало застроенным рабадом, примыкавшим к шахристану, а окружающее их большое пространство со следами застройки и ограниченное с трех сторон длинной стеной — округой. Л. Р. Кызласов отрицает возможность миграции старого города, располагавшегося на месте Ак-Бешима, на новое — Бурану — ввиду незначительной территории последнего и отсутствия на нем керамики XIII—XIV вв. Поэтому, полагает автор, ни то, ни другое городище не может быть сопоставлено с историческим Баласагуном.

Работавший в составе Чуйского отряда Киргизской археолого-этнографической экспедиции П. Н. Кожемяко продолжил археолого-топографические исследования на поселениях Чуйской долины и в последующие годы. Его научные выводы по топографии городищ Бурана и Ак-Бешим отличаются от выводов Л. Р. Кызласова, что нашло отражение в публикациях П. Н. Кожемяко¹⁰⁷.

Стратиграфические разрезы и шурфы на большой серии городищ вместе с собранным вещественным материалом позволили ему составить общее представление о генезисе оседлоземледельческой культуры Чуйской долины, а также проследить формирование структурных частей большинства из этих городищ. П. Н. Кожемяко подтвердил наличие внешних стен для Буранинского городища, отдельные участки которых были отмечены в 1924—1925 гг. В. Д. Городецким и в 1927 г. М. Е. Массоном (см. выше, с. 26). Исследователь зафиксировал наличие вокруг центральных развалин почти всех чуйских поселений одного или нескольких колец «длинных стен», а также довольно плотную застройку внутри первых валов.

Буранинское городище изучалось П. Н. Кожемяко в 1954 г. Он уточнил структуру поселения, снял схематический план памятника с нанесением на него сохранившихся отрезков длинных стен по восточной и частично северо-западной границам древнего города; заложил пять стратиграфических шурфов, из них: четыре в пределах центральных развалин и один — в черте городской застройки, ограниченной первым

кольцом стен. На отрезках этих валов выполнено два разреза. Оба кольца идут почти параллельно друг к другу на расстоянии 350—400 м в северной и южной частях и 850 м — в восточном секторе. Внешний вал прослежен П. Н. Кожемяко на протяжении 15 км. Высота сохранившейся кладки 1,7 м, а ширина — 3 м. Разрез стены центрального укрепления показал, что она возведена из битой глины (толщина слоя 10—20 см) и имела ширину до 7 м.

М. Е. Массон в свое время отмечал достаточно густую заселенность шахристана. Однако по данным стратиграфических шурфов, заложенных П. Н. Кожемяко, застройка центрального четырехугольника не была сплошной. Максимальные наслоения зафиксированы в юго-западном углу (до 2,5 м) и севернее минарета (2,2 м); центральная часть внутреннего пространства, пересеченная магистральным каналом, была свободна от построек. Многочисленный керамический материал дает явное преобладание станковой посуды высокой техники изготовления, относящейся к X—XIII вв.

Бурагинское городище П. Н. Кожемяко особо выделяет в ряду поселений Чуйской долины. Его отличают своеобразие плана, отсутствие цитадели, слабые культурные наслоения внутри центрального укрепления, обилие глазурованной посуды. Возникновение и развитие поселения происходило на свободной площади и не ранее IX в. С X в., по мнению автора, наряду с такими городищами Чуйской долины, как Шиш-Тюбе, Степнинское, Краснореченское, Ак-Бешим, Бурана играла роль крупного торгового и ремесленного центра. Поселение существовало после гибели многих городов в результате монгольского нашествия и относится к самому последнему периоду существования оседлых поселений долины. «Совершенство посуды, наличие великолепного архитектурного памятника и редкий случай окружения городища двумя рядами длинных стен говорят за то, что поселение не было рядовым. Оно имеет все признаки значительного политического центра»¹⁰⁸. Однако автор воздерживается от исторической локализации памятника, считая, что этот вопрос на данной ступени изученности поселений Чуйской долины должен остаться открытым.

Интересны также сведения, содержащиеся в его работах и о городище Ак-Бешим. П. Н. Кожемяко пересматривает ранее сделанные выводы и предложения ученых-археологов о топографической структуре поселения, его стратиграфии и времени функционирования. В комплекс городища он

включает и одиночные холмы, окруженные длинной стеной, считая их городскими постройками. Автор отрицает наличие рабада на Ак-Бешиме, а в обеих частях центральных развалин усматривает шахристан города с мощными укреплениями и культурными напластованиями. Восточная часть его (шахри-дарун по М. Е. Массону, рабад — по Л. Р. Кызласову и киданьский квартал — по А. Н. Бернштаму) появилась в VII—VIII вв. Поскольку в подъемном материале встречается караханидская керамика, которая зафиксирована П. Н. Кожемяко во всех раскопчных объектах наряду с караханидскими монетами, то жизнь на поселении не замерла к X в., как констатировал Л. Р. Кызласов, а продолжалась вплоть до XII в.¹⁰⁹

По результатам работы Киргизской археолого-этнографической экспедиции на городищах Ак-Бешим и Бурана в научный оборот введен обширный и разнохарактерный вещественный материал, вызвавший интерес как у советских, так и зарубежных исследователей истории и культуры Центральной Азии. Рассмотрение этих вопросов не входит в задачу нашего обзора истории изучения памятников, отметим лишь, что уже ни одно серьезное исследование в области среднеазиатского буддизма, христианства (несторианства), ислама, истории искусства и архитектуры не обходится без упоминания этих памятников, без рассмотрения в общем контексте обобщающих трудов. Без преувеличения можно констатировать, что Ак-Бешим и Бурана стали всемирно известными.

На городищах собрана великолепная коллекция керамики, которой в трудах Киргизской археолого-этнографической экспедиции (т. IV) посвящена специальная работа В. И. Распоповой. Среди изделий средневековых гончаров особо выделены образцы посуды согдийских ремесленников, переселившихся в Семиречье и сохранивших традиции метрополии вплоть до VIII—IX вв. Рассмотрение массового керамического материала позволило ей уточнить дату начала «значительной согдийской колонизации» Семиречья не ранее V—VI вв.; основной приток согдийцев в Чуйскую долину приходится на VII и особенно на VIII вв.¹¹⁰, что в основном подтверждает выводы В. В. Бартольда и А. Н. Бернштама о переселении согдийцев в Семиречье.

Особенно большой научный интерес вызвали нумизматические находки. Кромеклада караханидских монет (из 76 монет второй четверти XI в.), определенных Е. А. Давидович¹¹¹, на городище Ак-Бешим собрана коллекция тюркеш-

ских монет. Хотя подобные монеты были известны давно и впервые надписи на них прочтены Ф. В. К. Мюллером как тюркские ¹¹², А. Н. Бернштам ввел их в оборот под общим названием тюргешских ¹¹³. Новое прочтение и интерпретацию ак-бешимским находкам дают О. И. Смирнова и А. М. Щербак, которые выделяют среди них три типа монет, выпускавшихся в первой половине VIII в. от лица тюргешских каганов и удельных правителей. Типологически они отличаются по размерам, изображениям и надписям-легендам на них. Наиболее распространенная легенда, написанная согдийским курсивным письмом на согдийском языке — «Божественного тюргешского хакана деньга». На монетах второго типа проставлялась вторая легенда, которую В. А. Лившиц читает как «тухсский тегин» (от названия одного из наиболее значительных в тюргешской конфедерации племен) ¹¹⁴. Монеты этого типа особо заинтересовали английского тюрколога Дж. Клосона, который читает эту легенду как «государь Токмака» и относит их к VIII—IX вв. Само городище Дж. Клосон идентифицирует с Суябом письменных источников ¹¹⁵, о чем он и доложил на проходящем в Москве XXV Международном конгрессе востоковедов (1960 г.).

Монеты третьего типа тюргешских монет с Ак-Бешима имеют легенду только на аверсе. Впоследствии О. И. Смирнова выделила еще четвертый тип тюргешских монет и несколько вариантных чтений легенд на них ¹¹⁶.

В связи с изучением этногенеза киргизского народа тщательным образом изучаются краниологические материалы с городищ Ак-Бешим, Краснореченского, с несторианских некрополей близ Пишпека и, по-видимому, с Бураны, поскольку материалы последних хранились вместе, «безотнositельно, на каком кладбище имела место та или иная могила» (см. с. 13). Серия черепов из раннесредневекового некрополя Ак-Бешима изучена Н. Н. Миклашевской, часть остеологического материала из несторианских кладбищ XIII—XIV вв. исследована Г. Ф. Дебецем. По данным палеоантропологии сделан вывод, что города долины в раннем средневековье населяли представители европеоидной расы Среднеазиатского междуречья вплоть до X—XIII вв. Не отмечается явной монголоидной примеси и в серии черепов несторианского некрополя. В них исследователи усматривают непосредственных потомков более древнего местного населения, восходящего к усуням, и пришельцев из западных районов Средней Азии ¹¹⁷,

Археологические работы на городище Ак-Бешим больше не проводились, зато более детальному изучению подверглись буранинские развалины, особенно минарет. Так, в 1956 г. на городище выезжает сотрудник Московского научно-исследовательского института теории, истории и перспективных проблем советской архитектуры А. М. Прибыткова. Ею исследовались и другие памятники Киргизии. В частности, ее статья о конструктивных особенностях среднеазиатских минаретов является своего рода продолжением исследования этой категории памятников, начатых М. Е. Массоном и другими историками архитектуры¹¹⁸. Сопоставляя имеющиеся метрические данные о минаретах, она приходит к выводу, что Бурана по высоте была близка Калян (Бухарский минарет 1127—1129 гг.), т. е. около 50 м. Автор поддерживает заключение Б. Н. Засыпкина о разрушении башни в результате землетрясения, хотя нижние ее части пострадали от проникновения грунтовых и поверхностных вод¹¹⁹. Принцип орнаментации минарета (чередование декоративных полос с обычной кладкой без разделяющих членений) свидетельствует о ранней дате возведения минарета — в конце X в. или в начале XI в.¹²⁰

В начале 1960 г. на Буране возобновляются работы Госстроем Киргизской ССР в связи с подготовкой памятника к реставрации, намеченной еще в 50-х годах. Вновь к минарету выезжает В. Е. Нусов и продолжает изучение фундамента. Отчета о незавершенных им работах не последовало. Общая глубина шурфов достигала 5 м, но глубина заложения фундамента так и не была выяснена. Он, в частности, отметил погребение человека близ фундамента на глубине 1,6—1,8 м, но другие данные археологических наблюдений были опущены¹²¹.

В результате раскопок В. Е. Нусовым установлено, что у башни Бурана фундамент сплошного сечения. Основание минарета выложено уступами, размеры которых колеблются от 21 до 80 и 95 см. Вскрытая нижняя часть фундамента сложена из булыжника с прослойками кирпича на лессовом растворе. Поверх булыжной кладки идет семь рядов тесаного камня на глиняном растворе, а затем — ряд кирпичей с длиной стороны 32 см при толщине 6 см, положенных на ребро. В. Е. Нусов указывает еще один размер строительного кирпича со сторонами 27,5 см при толщине 5 см для кладки цоколя; высота последнего составляет 3,85 м, хотя ранее она была более 4 м.

После расчистки культурного слоя лестничный проем оказался на высоте 5,3 м от древней поверхности. Винтовая лестница была разрушена на три четверти. При обмерах 1938 г. было около 40 ступеней, высота каждой из них равнялась 28—30 см¹²². Проход над лестницей перекрыт кирпичом внапуск и под углом. Автор отмечает, что после Великой Отечественной войны были заложены проемы, сделанные при ремонтных кладках Средазкомстариса. Архитектурно-художественное описание минарета приведено по работам Б. Н. Засыпкина, а сведения историко-археологического характера — по публикациям А. Н. Бернштама и П. Н. Кожемяко.

В эти же годы В. Е. Нусовым был составлен проект реставрации Буранинского минарета, но практические реставрационные работы не были проведены, во-первых, вследствие недостаточного фактического материала, получение которого возможно лишь при осуществлении широких археолого-архитектурных исследований вокруг минарета, а во-вторых, из-за отсутствия местной реставрационной базы.

60-е годы ознаменованы рядом правительственных постановлений об улучшении охраны памятников, о создании в стране республиканских добровольных обществ по охране памятников истории и культуры, о работе народных музеев и взятии на учет памятников, находящихся вне государственных хранилищ, о создании Всесоюзного Свода памятников истории и культуры народов СССР, а также о реставрации наиболее выдающихся памятников зодчества.

В 1966 г. в Киргизии создается Республиканское добровольное общество охраны памятников истории и культуры с городскими, областными и районными правлениями во главе с Центральным советом Общества. В 1968 г. начинают функционировать Специальные научно-реставрационные производственные мастерские при Министерстве культуры Киргизской ССР. В этот же год правительство республики приняло постановление «О мерах по обеспечению сохранности памятников, расположенных на территории Киргизии». Буранинский минарет вносится в государственные списки памятников союзно-республиканского значения.

Таким образом, новый этап в истории изучения Бураны совпал по времени с широким движением в стране за сохранение культурного наследия. Минарет, как выдающийся памятник средневекового зодчества, по-прежнему привлекает внимание историков искусства, археологов и краеведов. Он

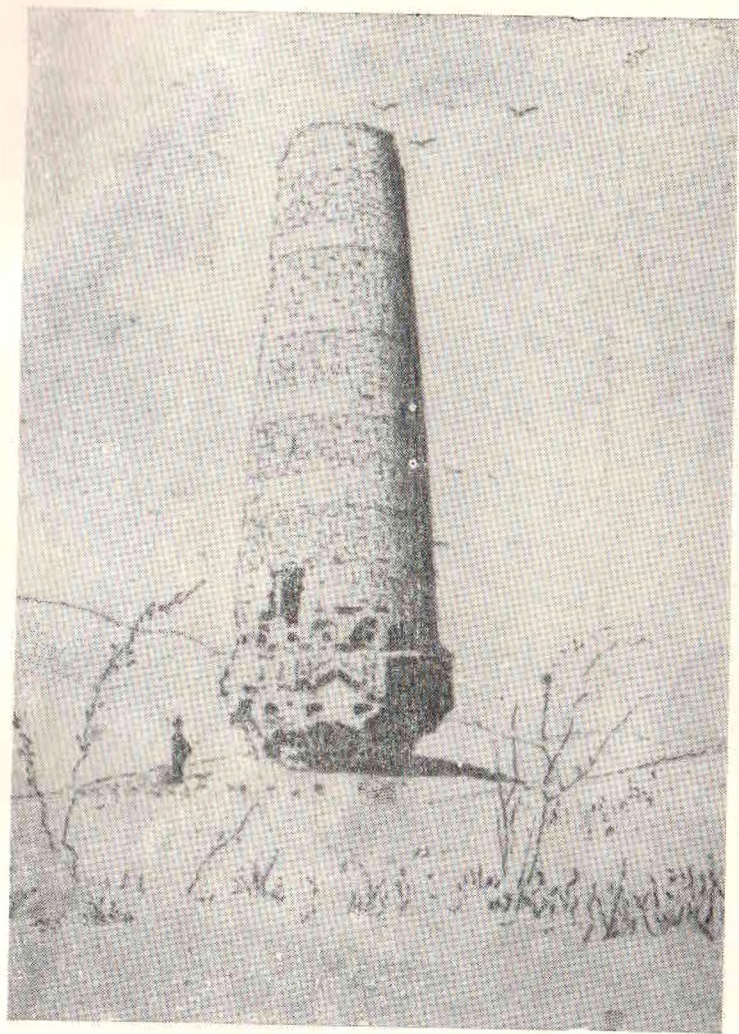

Рис. 1. Башня Бурана. Рисунок В. В. Верещагина. 1869 г.

Рис. 2. Башня Бурана. Вид с юго-востока. Фото 1891 г.

Рис. 3. Башня Бурана. Вид с юга. Фото 1915 г.

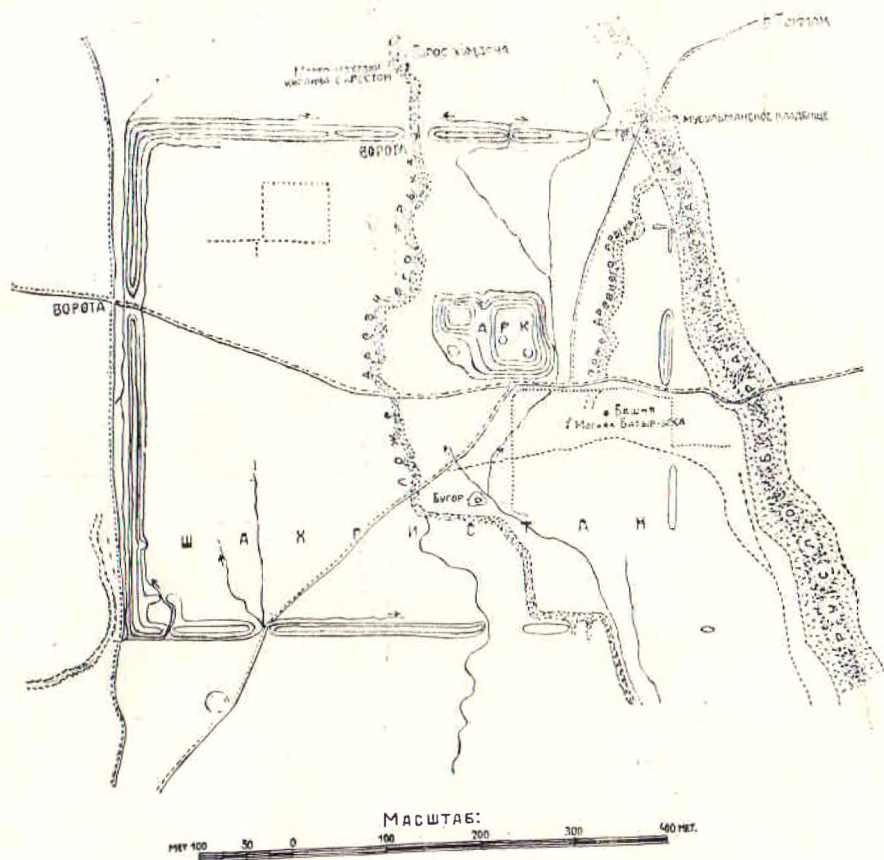

Рис. 4. Городище Бурана. Схематический план центральных развалин,
Съемка М. Е. Массона, 1927 г.

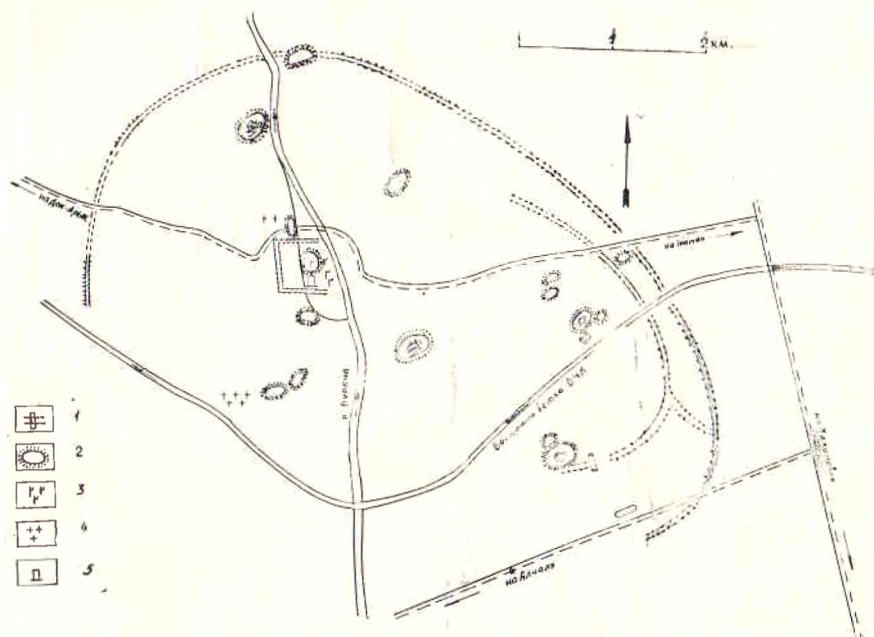

Рис. 5. Схематический план городища Бурага:
 1 — разрез крепостных стен; 2 — остатки строений; 3 — средневековое мусульманское кладбище; 4 — средневековые христианские кладбища; 5 — минарет.

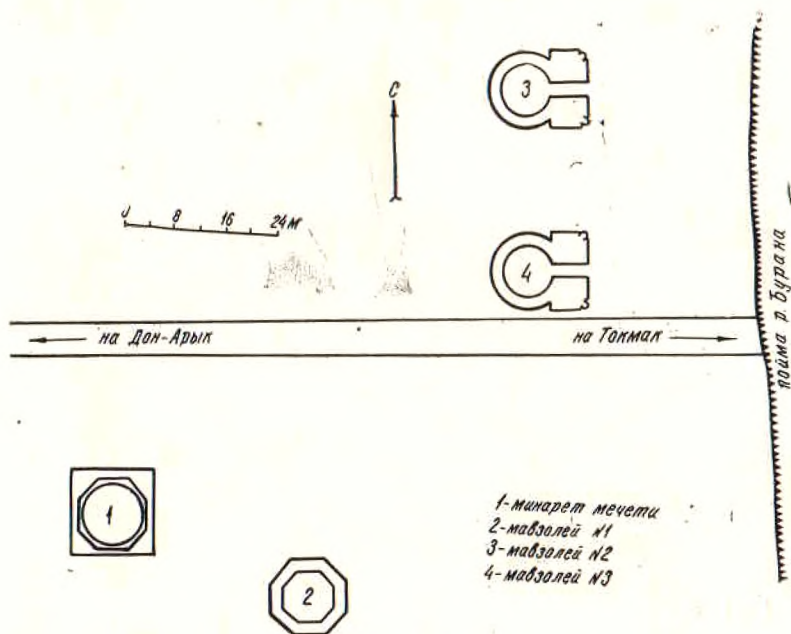

Рис. 6. План расположения архитектурных сооружений (центральные развалины памятника).

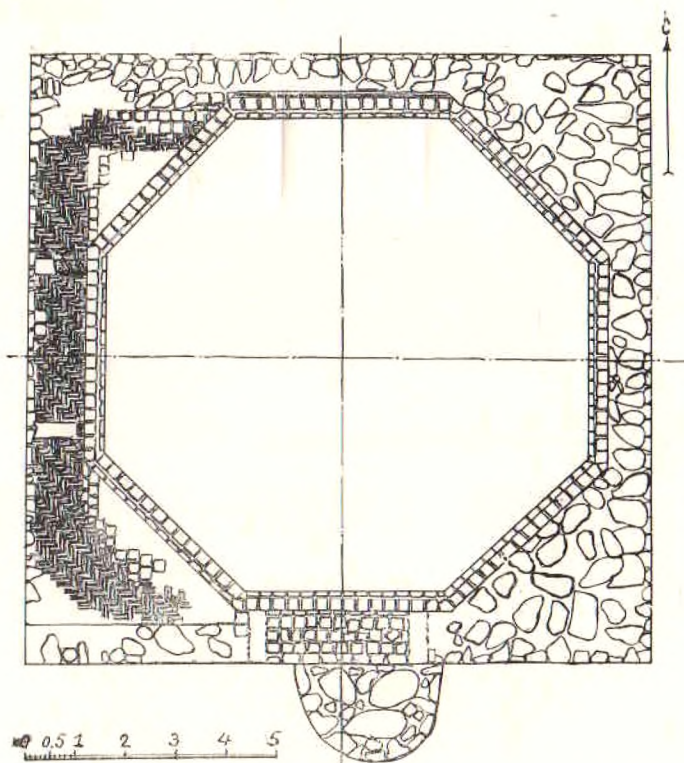

Рис. 7. План основания минарета, Раскопки 1970 г.

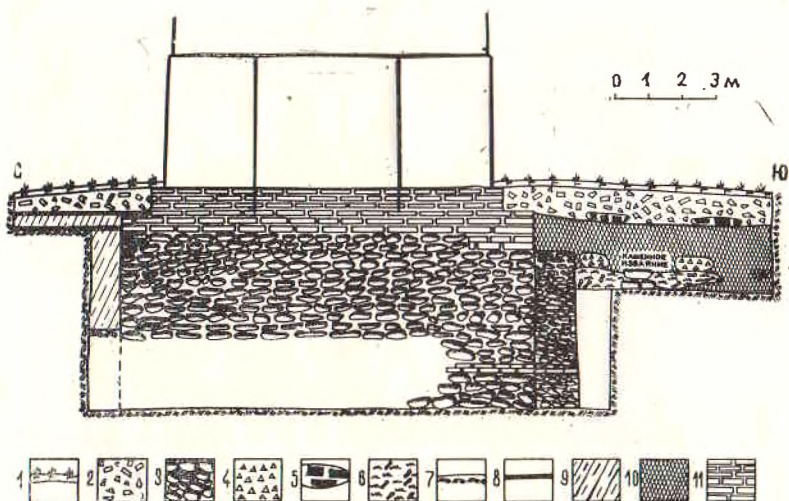

Рис. 8. Минарет. Разрез по основанию: 1 — дерновый слой; 2 — завал жженного кирпича; 3 — каменная кладка; 4 — скопление керамики; 5 — дерево; 6 — зола с косточками животных; 7 — материк; 8 — уровень пола; 9 — рыхлый слой глины; 10 — плотный слой глины; 11 — кирпичная кладка.

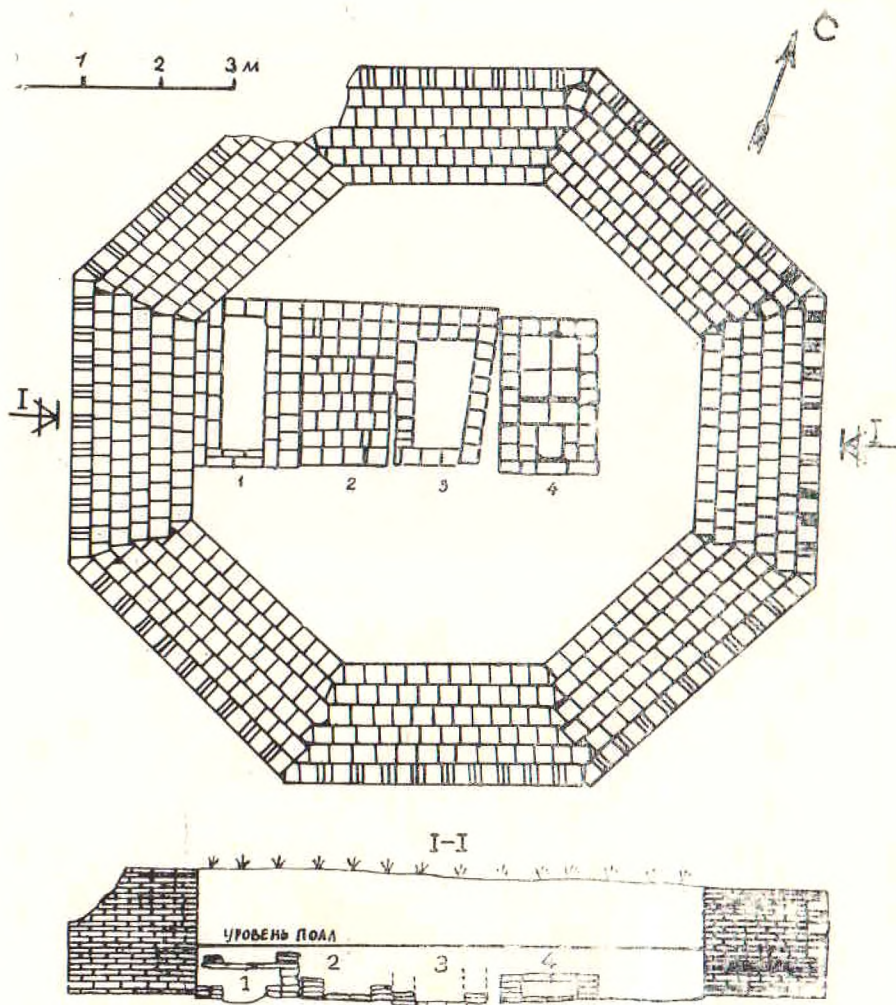

Рис. 9. План и разрез мавзолея № 1.

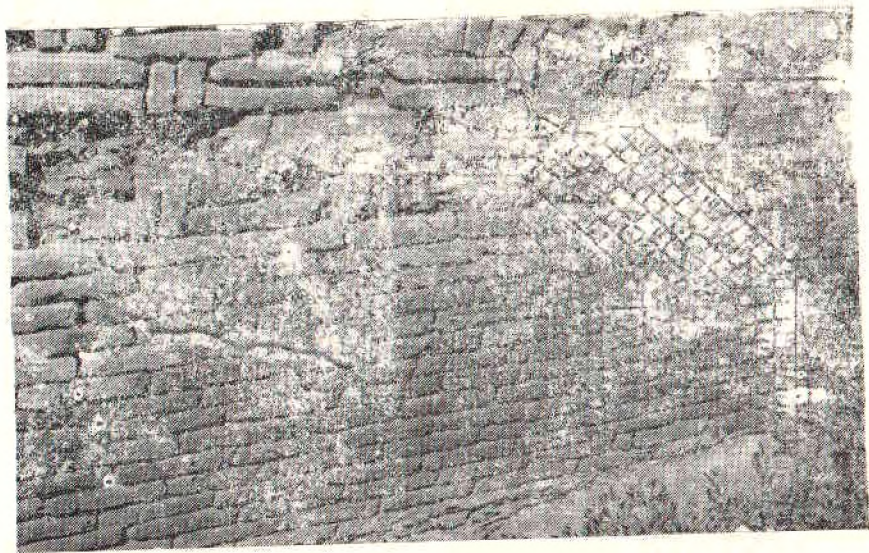

Рис. 10. Характер кладки мавзолея № 1.

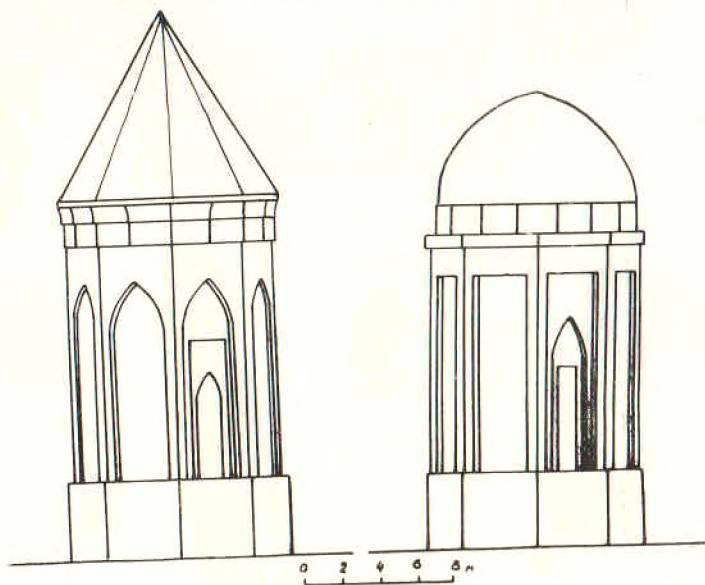

Рис. 11. Варианты реконструкции мавзолея № 1.

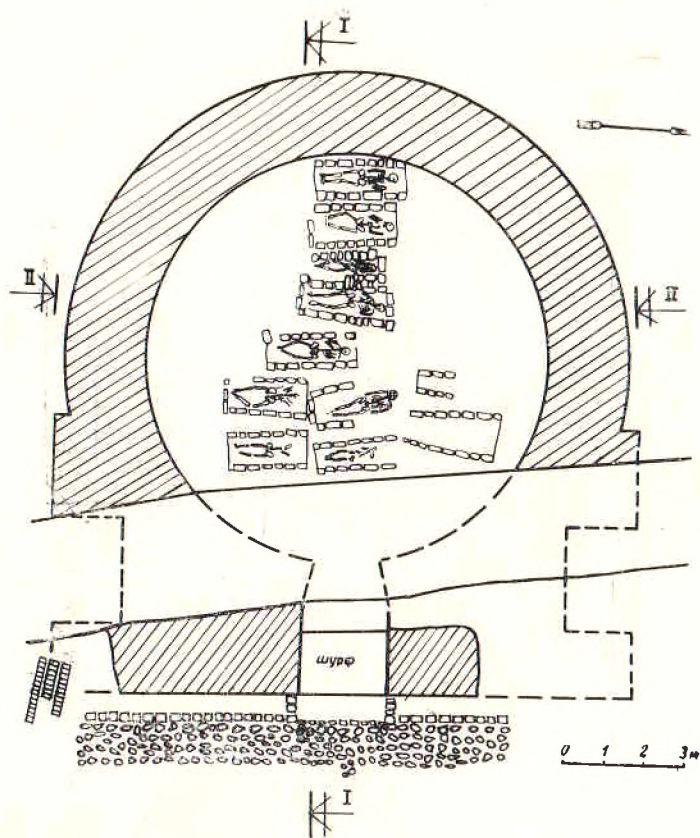

Рис. 12. План мавзолея № 2 (на уровне погребений).

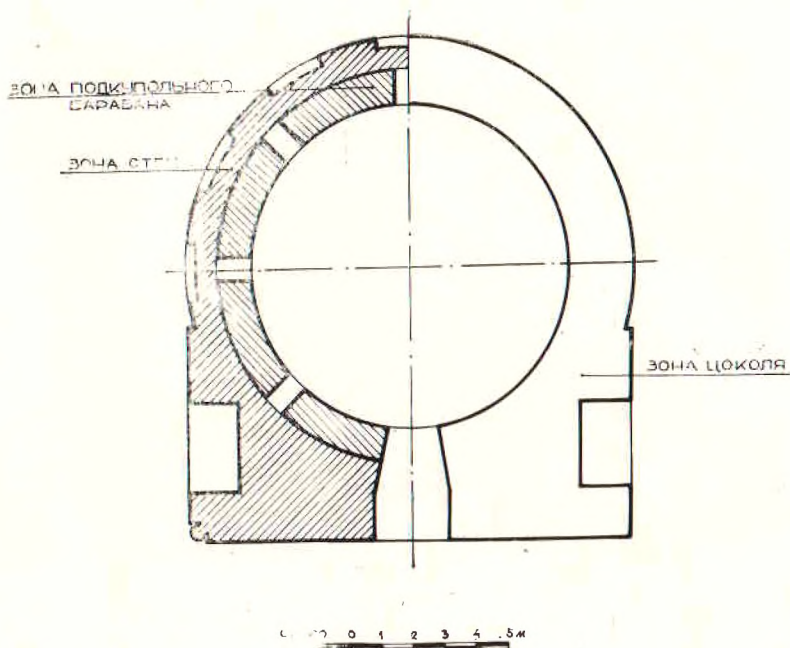

Рис. 13. План и графическая реконструкция мавзолея № 2.

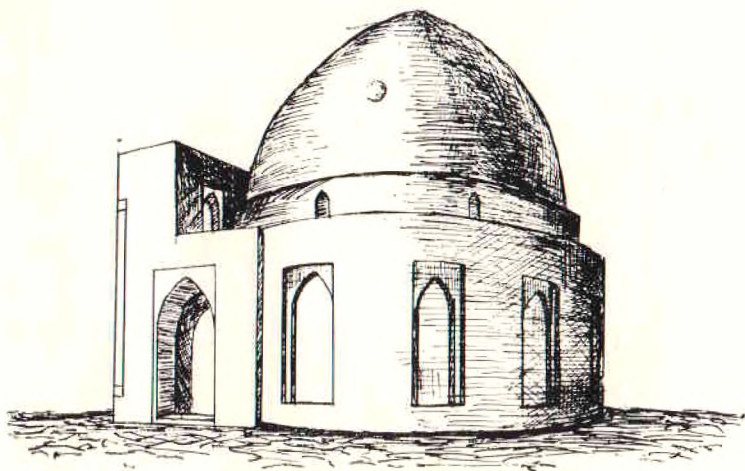

Рис. 14. Общий вид мавзолея № 2. Реконструкция.
Автор Г. А. Пугаченкова.

МАВЗОЛЕЙ № 2
ЕЕ РЕКОНСТРУКЦИЯ

БОКОВОЙ ФАСАД
1 ВАРИАНТ
СКУФЕЙ КЫПОЛА

БОКОВОЙ ФАСАД
2 ВАРИАНТ СКУФЕЙ КЫПОЛА

0 1 2 3 4 5 м

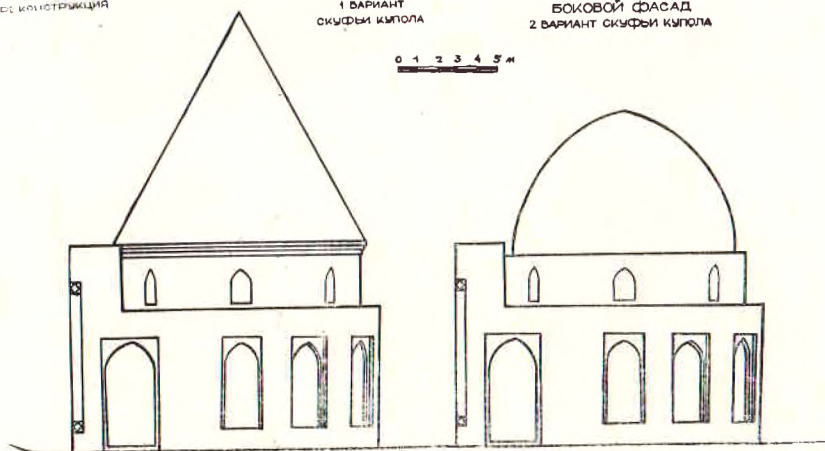
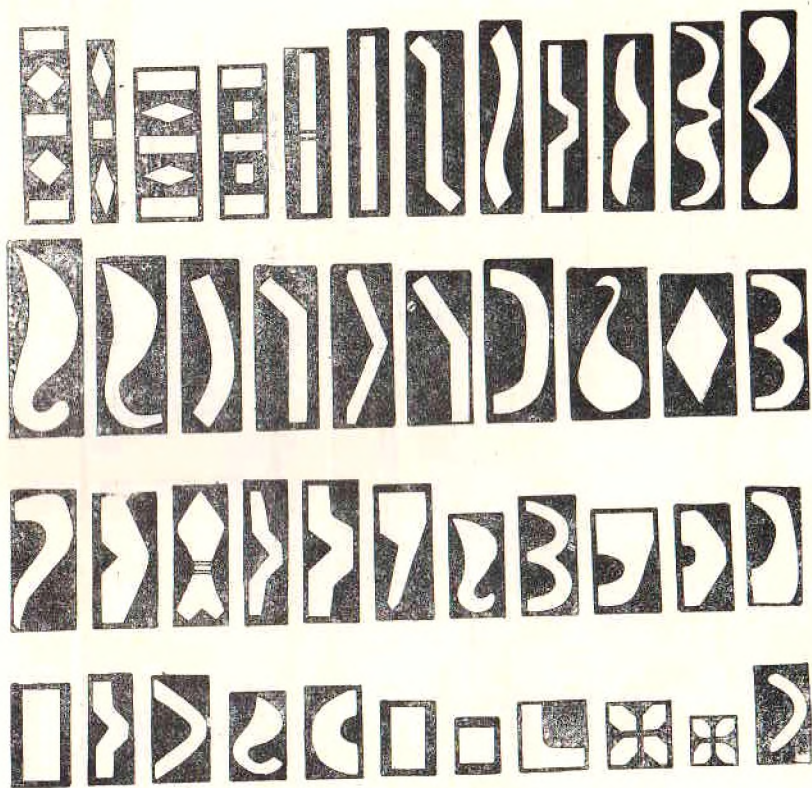
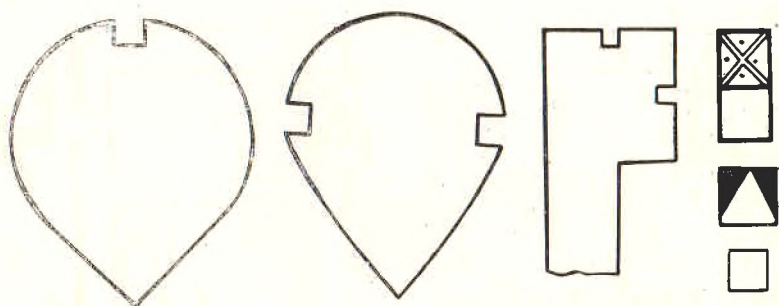

Рис. 15. Варианты реконструкции мавзолея № 2 (по Г. А. Пулаченковой)

Рис. 16. Архитектурная терракота Буранинского мавзолея № 1,

0 2 4 6 8 CM

Рис. 17. Резные фигурные кирпичики Буранинских мавзолеев.

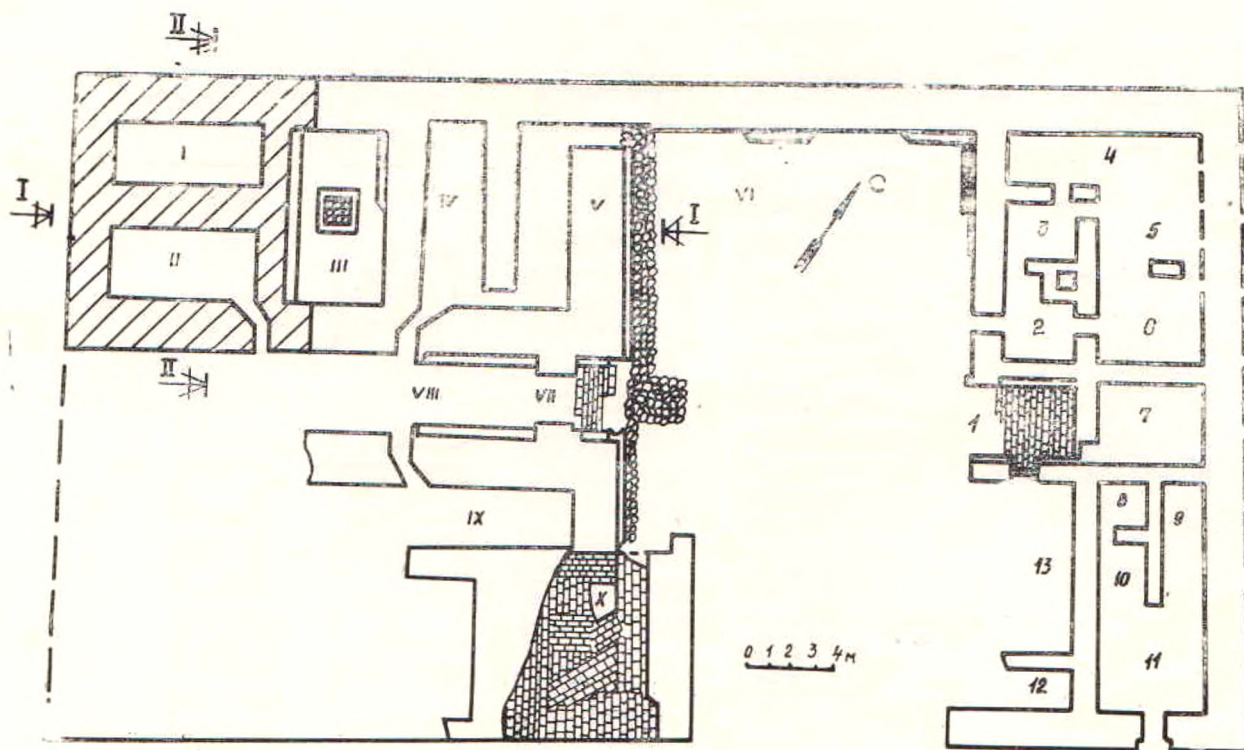

Рис. 18. План усадьбы в юго-восточном секторе городища.
Раскопки 1972—1974 гг.

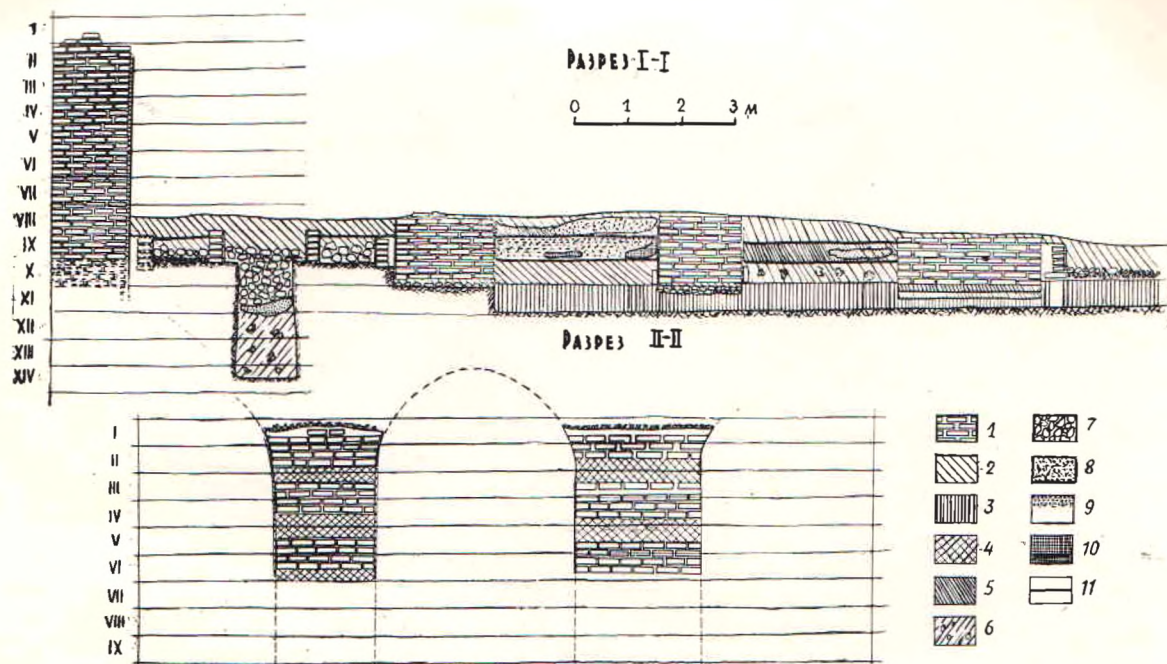

Рис. 19. Стратиграфический разрез раскопа в усадьбе:
1 — сырцовая кладка стен; 2 — рыхлый завал глины; 3 — уплотненный слой; 4 — пахса; 5 — плотный слой завала; 6 — завал кирпича, глины, керамики; 7 — каменная забутовка; 8 — песок; 9 — слой гальки; 10 — зола с углями; 11 — уровень пола.

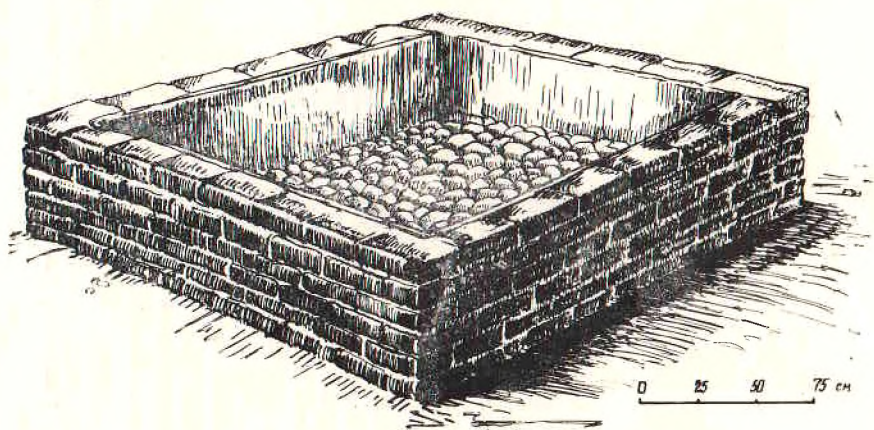

Рис. 20. Водосливное устройство в помещении 3.

Рис. 21. Серебряный дихрем нач.
XI в. Чекан Бухары,

Рис. 22. Намогильные кайраки с Бураны XII—XIII вв.

Рис. 23. Бурана. Часть экспозиции музея. На переднем плане остатки третьего мавзолея.

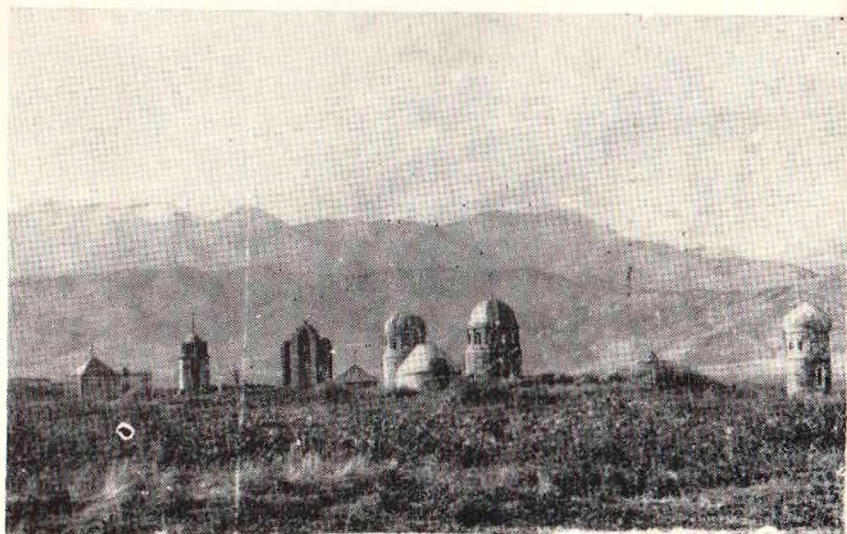

Рис. 24. Бурана. Гумбезы и мазары нового времени.

неизменно фигурирует в обобщающих трудах киргизских историков, в частности, в «Истории Киргизской ССР» (т. 1, Фрунзе, 1963 и 1968 гг.), научно-популярных изданиях Киргизского республиканского общества охраны памятников, альбомах по архитектуре и градостроительству Советской Киргизии¹²³.

Реставрационные работы на Буране и создание музея-заповедника

С 1970 г. Министерство культуры Киргизской ССР проводит археолого-архитектурные исследования в целях реставрации памятника силами Специальных научно-реставрационных производственных мастерских (СНРПМ) республики. Для раскопочных работ привлекается Узгенский отряд Киргизской археологической экспедиции Института истории АН Киргизской ССР под руководством Д. Ф. Винника (В. Д. Горячева, выполняя аспирантскую тему, принимала участие в полевых исследованиях на Буране в 1970—1971, 1972 и 1974 гг.).

Экспедиция работала в двух направлениях: с одной стороны, изучались нижние части минарета и выявлялись конструктивные связи его с несохранившейся мечетью, с другой — обследовалась вся территория городища в археолого-топографическом плане, для чего в различных участках (преимущественно в пределах центральных развалин) были выполнены обширные по площади раскопки, которые привели к открытию на Буране еще трех памятников монументальной архитектуры. В результате был получен новый материал, во многом расширяющий имеющиеся данные по истории сооружения минарета и городища в целом. Материал по итогам работ был опубликован частично¹²⁴.

Для выяснения конструкции подземной части башни с северной и южной сторон минарета было заложено два шурфа, переросших в раскопы, и траншеей оконтурена верхняя часть цоколя. Выяснилось, что основание минарета состоит из мощного четырехугольного в плане фундамента высотой 5,6 м и длиной каждой из сторон 12,3 м. Он выложен камнем с прослойками жженого кирпича, как это было отмечено В. Е. Нусовым. С юга к фундаменту был пристроен контрфорс (?) из камня и кирпича, в плане имеющий форму усеченного овала длиной 1,7—2 м и шириной 1,8—2,3 м. Три грани фундамента — западная, южная и восточная — выкла-

дывались впритык к стенам котлована, а северная часть, служившая, по всей вероятности, рабочей площадкой, была забита галькой, глиной и камнем¹²⁵. В засыпке котлована было обнаружено несколько фрагментов невыразительной керамики и две монеты: одна из них тюркешская VIII в., другая — танского времени¹²⁶. Эти находки попали в котлован вместе с землей и датирующего значения не имеют.

Восточная и северная стороны фундамента в верхней части на пять рядов кладки облицованы тщательно обработанным белым туфом на ганчевом растворе, ярко контрастирующим с кирпичной кладкой. Лицевые плоскости камня подтесаны под единый размер — $28-30 \times 12-13$ см, швы тщательно затерты. Таким образом, эта часть фундамента была обнажена и составляла своего рода стилобат (или первую ступень восьмигранного цоколя). Две грани фундамента были фасадными, а две другие — должны были примыкать к постройке, вероятно, мечети. Выстилка стилобата сверху сохранилась частично. С южной стороны — обычная кладка кирпича плашмя, размер его соответствует конструктивному — $25 \times 25 \times 4-4,4$ см. Западная плоскость вымощена более мелким форматным кирпичом с длиной сторон $23,5-24$ см при толщине $3,5$ см фигурной кладкой «в елку» на ганчевом растворе. По-видимому, это — следы ремонта минарета, прослеженные также в подкладке северо-западной, западной и юго-западной ступеней цоколя. Этот же формат кирпича был зафиксирован в кладках рухнувшего ствола минарета в северо-западной части раскопа. Можно предполагать, следовательно, что мелкоформатный кирпич употреблялся и в конструктивных кладках, по всей вероятности также ремонтного характера.

На уровне первой ступени цоколя было поднято две монеты чекана караханидов середины XI в. Датируют ли эти монеты период ремонтных работ, сказать трудно, но сам принцип «елочной» кладки, ставший излюбленным в среднеазиатском зодчестве с XI в. и как конструктивный прием при выведении криволинейных сводчатых оболочек¹²⁷, и как декоративная кладка¹²⁸, не противоречат этой дате¹²⁹.

Вторая ступень опоясывает восьмигранное основание минарета. Д. Ф. Винник считает ее цокольной частью; ширина ступени 40 см, высота 70 см. Для диаметра восьмигранного основания он приводит метрические данные: $10,4$ м — внизу и около 6 м — вверху, высота сохранившегося ствола — 22 м,

Дверной проем расположен на 5-метровой высоте, высота восьмигранного основания 4 м ¹³⁰.

Факт разрушения минарета от землетрясения, всего вероятнее от многочисленных толчков, подтвердился в процессе раскопок. Так, с северной и северо-западной сторон минарета были зачищены монолиты рухнувшей кладки с многочисленными мелкими трещинами кирпичей ¹³¹.

Культурные наслоения вокруг минарета, как это было отмечено и М. Е. Массоном в 1927 г., представляли собой рыхлую глину с обломками кирпича, керамики X—XIII вв., костей животных, золы и древесного угля. Слои перемешаны до двухметровой глубины. Погребения, очень потревоженные при позднейших захоронениях, были совершены в грунтовых ямах, частью — в сырцовых ящиках (которые иначе называют цистами), иные — в арчовых гробах соответственно мусульманскому обряду ¹³².

Интересное открытие было сделано близ южной грани цоколя на глубине 2,5 м. Здесь обнаружено каменное изваяние, принесенное, видимо, с тюркского могильника. Оно лежало вниз «лицом» на специально устроенном из камня и глины постаменте; вокруг изваяния зачищен мощный зольник с костями животных. Скульптура представляла собой грубо обработанный камень, на одной из сторон которого даны силуэтные очертания головы, лица и части тулова со следами грубых сколов — преднамеренного его повреждения. По всей вероятности, эта находка на месте основания минарета (а скорее всего мечети) связана с особым ритуалом, положившим конец языческим культам, и принятием тюрками-кочевниками новой религии. Из письменных источников известно о фактах массового обращения их в ислам и, в частности, тюрков Семиречья, кочевавших в окрестностях Баласагуна ¹³³.

У самой стены фундамента сохранились остатки очага и лепной посуды в мелких фрагментах, не поддающихся датировке, а также мощные зольные слои с костями животных ¹³⁴. В раскопе вокруг минарета на различной глубине поднято несколько медных монет караханидского чекана. У южной стены фундамента, рядом с предполагаемым контрфорсом, на глубине 2,1 м от современной поверхности извлечен клад медных монет, уложенных в лепной кувшинчик. Клад включал 5 целых и 5 фрагментов монет середины XI в. чекана Шемс ад-дауле Арслан-тегина ¹³⁵. Этот клад свидетельствует о том, что к середине XI в., когда был зарыт клад, минарет

не только стоял, но вокруг него уже образовался значительный культурный слой.

Вопрос о местонахождении мечети остался открытым. Предположение о расположении ее на месте высоких холмов в 70 м к северо-западу от минарета¹³⁶ раскопками не подтвердилось. Работы на одном из них, расположенном ближе к минарету, выявили комплекс жилых помещений X—XII вв. Основываясь на стратиграфических наблюдениях и вещественном материале, Д. Ф. Винник высказал предположение, что прекращение жизни на бугре относится к концу XII — началу XIII в.¹³⁷ Но не вызывает сомнения факт принадлежности подстилающих слоев этой жилой постройки монументальному сооружению дворцового типа, как и предполагали в свое время М. Е. Массон и П. Н. Кожемяко¹³⁸. По всей вероятности, здание было сооружено на высокой платформе, что весьма характерно для раннесредневековой архитектуры Чуйской долины.

В поисках остатков мечети Д. Ф. Винником были начаты раскопки на месте скопления жженого кирпича в 70 м к западу от минарета. Были выявлены помещения хозяйственного назначения, принадлежавшие, видимо, дворцовому комплексу. Находки из раскопа датируются X—XII вв.¹³⁹

В 20 м к югу от минарета начинался резкий спад культурных напластований и следов застройки не прослеживалось. Однако ранее сообщалось, что именно здесь, на «месте, где совсем не было никаких следов или контуров постройки» Ф. В. Поярковым обнаружено «довольно большое здание, заваленное массой кирпичных обломков»¹⁴⁰. Возможно, что остатки этого здания принадлежали мечети. К сожалению, никаких других данных о постройке в южной стороне городища мы не имеем. В результате археологических исследований можно предполагать, что либо мечеть была деревянной, какие, по сведениям письменных источников, имелись в Средней Азии в IX—X вв.¹⁴¹, либо от мечети ничего не осталось. Последнее представляется более вероятным, поскольку, во-первых, юго-западная сторона минарета предполагает наличие пристройки, во-вторых, буранинские постройки в гораздо большей степени пострадали от хищнического вывоза кирпича на строительные нужды, чем от природных стихий¹⁴².

В восточном секторе центрального четырехугольника городища были раскопаны остатки мемориального комплекса, состоящего из нескольких мавзолеев, два из которых были

вскрыты в 1970—1971 гг. Первый из них (раскоп 5) расположен в 24 м к юго-востоку от минарета, среди мусульманских могил разной сохранности и времени. Второй мавзолей (раскоп 6) находился на довольно возвышенной площадке у берега р. Бурана, в 70 м к северо-востоку от минарета¹⁴³. К сожалению, в результате хозяйственных работ здание было прорезано траншеей с севера на юг и значительно повреждена часть архитектуры. Судя по первоначальному рельефу, этот мавзолей не был здесь единственным¹⁴⁴.

Первый вскрытый Буранинский мавзолей, условно названный «восьмигранником», сохранился в цокольной части на высоту 1,8 м. Основание его не имеет фундамента и покоится на материке; стены выложены из жженого кирпича размером $23 \times 23 - 26 \times 4 - 5$ см на глиняном растворе. На метровой высоте от подножия начинается наружная облицовочная кладка спаренными кирпичиками на ганчевом растворе. Широкие, до 3 см, швы алебастровой промазки (это характерно и для минарета) играли связующую антисейсмическую роль, а также были эффектным контрастирующим декоративным элементом. Во внутренних кладках наряду с первосортным кирпичом употреблялся бракованный — переобожженный, что свидетельствует о местном изготовлении строительного материала¹⁴⁵.

Внешний диаметр восьмигранника 10,95—11,2 м, внутренний — 6,9—7,1 м, длина граней 4—4,2 м, толщина стен 1,55—1,7 м. Судя по многочисленным находкам декоративного убранства, мавзолей снаружи был украшен резной архитектурной терракотой и фигурными кирпичиками, внутри — росписями и резным шtukом. Поскольку декор дошел до нас в мелких кусочках, рассыпанных на большой площади и перемешанных в связи с позднейшими захоронениями, говорить о расположении его на плоскостях стен трудно. Лишь незначительный кусок штукатурки с росписью зафиксирован *in situ* над полом мавзолея, что предполагает наличие расписных панелей, резного ганчeveго фриза, красочное оформление ниш или панно. Многие куски шtukа несут следы подкраски в оранжево-красные тона по белой и серо-пепельной основе.

Орнаментальные мотивы резного шtukа не отличаются большим разнообразием. Повторение мотивов предполагает применение мастером трафарета наряду с некоторыми довольно многочисленными фрагментами, узоры которых резались от руки. Наиболее употребительным был мотив перлов («сосочков»), окаймляющих растительные панно. Некоторые

образцы дают возможность реконструировать растительные узоры в виде пальметт, розеток, трилистника, спиралей, цветков в сетке геометрических плетений. Резьба по алебастру выполнялась в разных планах: неглубокий рельеф пальметт и медальонов сочетался с глубокой резьбой обрамлений.

Архитектурная терракота мавзолея по технике исполнения напоминает штук — одинаково сочный рельеф дан в двух — трех планах, — но отличается большим разнообразием орнаментальных мотивов. Основная масса находок состоит из фрагментов кайм-бордюров с резьбой по граненой или овальной поверхности. Внутри многоугольных геометрических рам размещался мелкий растительный или сетчато-геометрический орнамент. Иногда рельеф бордюров, явно рассчитанный на смотровой эффект с расстояния, прорезался несколькими горизонтальными линиями разной глубины и ширины, создавая свето-теневую игру линий с кружевом мелких узоров.

Оформление архитектурной поверхности мавзолея было обогащено введением разнообразных фигурных кирпичиков. Большая их часть составляет строительную плитку с овальным срезом одного угла; применение этого кирпичика в кладках колонн и декоративных жгутах не вызывает сомнения. Квадратный кирпичик с обработанной стороной на торце, прямоугольный кирпичик с разделением глубокой бороздой на два квадрата, треугольник, срезанный на призматическом бруске — таковы формы резного кирпичика восьмигранного мавзолея.

В реконструкции усыпальница представляла собой сооружение с призматическим телом и шатровым или сфероконическим перекрытием. Этот архитектурный тип был одной из основных объемно-пространственных форм в монументальном зодчестве Средней Азии XI—XII вв.¹⁴⁶ Вскрытые остатки мавзолея предполагают вытянутые башенные (или близкие к башенным) пропорции. По аналогии с известными памятниками этого типа¹⁴⁷, вход в Буранинский восьмигранник располагался в центре орнаментальной рамы или стрельчатой арки, снабженной, судя по находкам с лекальным срезом кирпичей, трехчетвертными декоративными колонками. Вход в мавзолей располагался выше цоколя, сохранившегося на высоту 1,8 м от древнего уровня, но входа на цоколе не обозначено.

Второй мавзолей представлял собой сооружение порталъной композиции с круглым в плане помещением и куполь-

ным перекрытием объема. Остатки купола, рухнувшего, по всей вероятности, от сейсмических толчков, зачищены в западной части раскопа¹⁴⁸. Постройка, сохранившаяся в нижней части на высоту до 1,2 м, сложена из жженого кирпича того же формата, какой зафиксирован и в кладках минарета и первого мавзолея. Толщина стен 1,8 м, пролет усыпальницы — 10 м. Устои портала сохранились на длину 12 м при ширине 2,2 м. Углы его фланкировали трехчетвертные колонки (размеры установить невозможно), остатки одной из которых зафиксированы у южного угла. Портал был выдвинут вперед, образуя коридор длиной 5 м. По этим остаткам, а также путем привлечения аналогии Г. А. Пугаченковой сделана его графическая реконструкция¹⁴⁹.

Этот мавзолей также не имел фундамента, хотя, в отличие от первого мавзолея, был построен не на материковом лессе, а на подстилающем культурном слое. Шурф, заложенный в проходе между устоями, показал, что усыпальница сооружена на остатках жилого комплекса X—XI вв.

Как был оформлен мавзолей внутри, восстановить невозможно. Портал же, рухнувший на восток, имел довольно богатую отделку, сочетающую фигурную кладку кирпича, резные кирпичики и штук, в том числе с кувшинообразными надписями. Фрагменты ганчевой решетки — панджара (толщина стенок 1,5 см) — предполагают ажурно оформленные световые проемы, устроенные над куполом.

В отличие от первого мавзолея, декор (резной штук и кирпичики) выглядит менее изящным, довольно однообразны мотивы орнамента в ганче (бордюры с круглыми розетками — «сосочками», трилистники и стебли побегов). Штук приморазивался к черному телу стены, толщина его — 3—6 см. Резьба выполнялась в двух планах, достигая иногда 2,5—3 см глубины.

Резные фигурные кирпичики (более 30 видов резьбы) также, как и штук, были сосредоточены у входа на всем протяжении портала. Больше всего встречено кирпичей с лекальным срезом одного угла, применение их несомненно во фланкирующих и декоративных колоннах. Кирпич-маломерок с длиной сторон 21—22 см и с лекальным срезом одного угла, иногда с нарезкой посередине, употреблялся при выкладке декоративных рам, бордюров, жгутов.

Полуформатная плитка имела обработку торца в простейшем варианте: тщательно затертый прямоугольник, два квадрата, образованных глубокой поперечной линией. В бесчис-

ленном множестве представлены мелкие прямоугольные и квадратные плитки-клинышки. Среди орнаментальных мотивов чаще других встречаются четырехлепестковые цветы и звездочки, ромбики, угольники, Z-, Г-, С-, S-образные кирпичики в виде вопросительного знака, запятой; эти же мотивы в зеркальном изображении, «птицы в полете», а также фигурные скобки в разных вариантах. Тыльная сторона их имеет клиновидный подтес для связки с кладкой стены или слоем ганча.

Разнообразный и весьма характерный набор кирпичиков предполагает первоначальное употребление их в арабских надписях, сосредоточенных на портале. Подобные надписи с указанием даты и имен строителей, набранные из аналогичных изразцов, украшают, например, открытые в 1963 г. сельджукские мавзолеи Харакана второй половины XI в.¹⁵⁰

Аналогичен прием украшения плоскости стен «посажеными в известь» (т. е. ганч) резными кирпичиками. По мнению Давида Стронака, в стенах при строительстве были оставлены специальные выемки для последующего заполнения их кирпичными узорами, которые исполняли приглашенные мастера.

В обоих мавзолеях зачищено несколько десятков могил с захоронениями по мусульманскому обряду — в сырцовых ящиках, в деревянных гробах, на подстилках, в щелевидных могилах (между сырцовыми цистами). Детские могилки в сырцовых склепиках были зачищены на полу, вымощенном жженым кирпичом. Рядом располагались небольшие очаги и зольники, которые свидетельствуют о временном их обживании нищенствующими дервишами или совершении обряда поминовения.

Под полом второго мавзолея вскрыто 11 могил, устроенных в два яруса. Все они ориентированы по оси север-юг и располагались вплотную в средней части усыпальницы. Восемь из них представляли собой сырцовые ящики, перекрытые сверху арчовыми досками или брусьями. Доски подкладывались и под покойников. Два захоронения были совершены в деревянных гробах, установленных в могильной яме. Три погребения были в щелях между стенами могил; они также перекрывались плахами и наклонно поставленными кирпичами.

Таким образом, в обеих усыпальницах прослеживается единый обряд погребений. Подобная конструкция могил была широко распространена в Средней Азии и Южном Казах-

стане в средневековье. Многочисленны аналогии и деревянным гробам, и подстилкам, применение которых при захоронениях на территории Киргизии и других районов Средней Азии отмечено с древнейших времен¹⁵¹.

Такова общая характеристика остатков мавзолеев, открытых на Буране. По композиционно-планировочным и декоративным приемам они стоят особняком среди известных памятников Киргизии и сопредельных областей Казахстана и Узбекистана. Первый мавзолей по характеру архитектуры можно приблизить к постройкам башенного типа Хорасана и прикаспийских областей XI—XII вв.¹⁵² Аналогией ему могут служить упомянутые выше сельджукские мавзолеи близ Хисар-и Армани, датированные 460 г. х. (1067—68 гг.) и 486 г. х. (1093 г.). Они имеют высоту 13 м при диаметре восьмигранника 10,4 м¹⁵³. Несколько меньших размеров третий сельджукский мавзолей, расположенный у с. Димавенд и датированный третьей четвертью XI в.¹⁵⁴

Второй Буранинский мавзолей с порталом и массивным цилиндрическим корпусом находит аналогии с памятниками средневекового Машада. Декоративное убранство узорной кладкой кирпича и резными изразцами в сочетании со штукатуркой также весьма характерно для зодчества западных областей Средней Азии. Из памятников Северотуркестанской архитектуры этого времени подобный декор отмечен на мавзолее Кара-хана XI в.¹⁵⁵ Зато декор восьмигранного мавзолея Бураны, а именно резной штукатурки и терракота, имеет широкие параллели в архитектуре XI—XII вв. как в Киргизии, так и в Средней Азии в целом.

По технике исполнения и мотивам орнаментов терракота близка к резьбе по сырой глине и ганчу из жилых комплексов Краснореченского городища¹⁵⁶, Афрасиаба¹⁵⁷, Алтын-тепе в Кашкадарье¹⁵⁸ и других памятников. Однако буранинскую терракоту нельзя сравнить, например, с изящной резьбой Узгенских мавзолеев XII в. или подобным декором из дворцового комплекса в с. Сретенка и городища Кара-Джигач XII—XIII вв., хотя они относятся к одному региону¹⁵⁹. По стилистическим признакам наиболее близки архитектурная терракота и кирпичные облицовки из медресе Тамгач Богра-хана и зданий под № 37 и 38 из ансамбля Шах-и Зинда в Самарканде, датированные второй половиной XI — началом XII в.¹⁶⁰ Здесь же в усыпальницах XI—XII вв. зафиксированы полихромные клеевые росписи по штукатурке, аналогичные росписям буранинского восьмигранника, а также

спаренная кладка в сочетании с резными кирпичиками и шtuком.

Таким образом, по своим архитектурно-пространственным формам и по декору Буранинские мавзолеи можно датировать второй половиной XI — началом XII в. Возможно, что порталный мавзолей был построен раньше восьмигранника, на что указывают как подстилающие слои, так и менее изящный в своем исполнении архитектурный декор и отсутствие в нем резной терракоты.

В первом мавзолее вместе с погребениями были найдены монеты, которые отнесены М. Е. Массоном к середине и второй половине XI в. По-видимому, они и датируют время строительства усыпальницы. Архитектурная терракота украсила здание позднее, возможно, во время ремонта уже в XII в.

Открытия на Буране вызвали большой резонанс среди историков, археологов и архитекторов. Итоги полевого сезона 1970 г. позволили руководителю Киргизской археологической экспедиции П. Н. Кожемяко высказать более уверенное предположение о тождестве Бураны с историческим Баласагуном, о чем было доложено на Всесоюзной конференции по изучению средневекового города Средней Азии и Казахстана в ноябре 1970 г. (г. Фрунзе)¹⁶¹. Разделил это мнение и руководитель Буранинского отряда Д. Ф. Винник¹⁶². О. Караев выступил с докладом о местонахождении Баласагуна. Он сделал сводку сведений из средневековых арабо- и персоязычных источников, пересмотрев ранее высказанное мнение о том, что этот город находился севернее трассы торгового пути и не был идентичен Ак-Бешиму. Без сомнения, этому послужили новые открытия на Буране. Как и А. Н. Бернштам, О. Караев считает это городище предместьем города, находящегося на месте Ак-Бешима¹⁶³.

В конце 1971 г. Б. Д. Кочнев опубликовал небольшую статью на страницах «Литературного Киргизстана» под названием «Где же стоял Баласагун?». В ней приведены краткие исторические сведения о городе, перевод и комментарии к найденным в 1965 г. на городище кайраку с арабским текстом эпитафии и кладу золотых монет, ныне хранящихся в Киргизском Государственном историческом музее. В кладе оказались монеты разного времени и чекана: одна монета принадлежала чекану сельджукского султана Гияс ад-Дина Мухаммеда (начало XIII в.); большую часть клада составляли динары караханидского государя Ибрахима ибн

Хусейна (конец XII в.) и монеты хорезмшаха Мухаммеда (1200—1220 гг.). Клад был зарыт, по мнению автора, незадолго до нашествия монголов, в городе, игравшем крупную экономическую и политическую роль в государстве Караханидов, каковым мог быть Баласагун. В пользу гипотезы о тождестве Бураны с Баласагуном Б. Д. Кочнев приводит и такой факт, как наличие на его территории несторианского кладбища XIII—XIV вв.¹⁶⁴

Открытия на Буране были вкратце отражены в готовящейся к выпуску монографии В. Е. Нусова об архитектуре Киргизии с древнейших времен до наших дней, хотя некоторые сведения о Буране автором были продублированы¹⁶⁵. В одном из выпусков еженедельника «Культура Киргизстана» по итогам работы 1970—1971 гг. был опубликован материал, в котором с учетом сведений письменных источников и локальной нумизматики предложена схема развития Баласагуна¹⁶⁶, получившая дальнейшую разработку в публикациях В. Д. Горячевой¹⁶⁷. В частности, в отличие от руководителей Буранинской экспедиции, она допускает возможность миграции бывшей столицы тюрков («город тюргешского кагана», он же — Орду или Ордукент) с местности Ак-Бешим вверх по речке Буранинке, ближе к горам, где с X в. складывается новый город, получивший в источниках название Куз-Орду (Кара-Орду, Куз-Улуш) или Баласагун. Формирование его могло происходить вокруг ханского заповедника — курука, где с принятием новой религии отстраивается целый комплекс мусульманских построек.

Все последующие годы на Буране продолжают археологические работы, хотя итоги их опубликованы частично. В 1972 г. Д. Ф. Винник, продолжая исследования в связи с реставрацией памятников, вскрыл еще один мавзолей — третий, расположенный рядом со вторым в восточной части центральных развалин. Как и ранее вскрытый, он состоит из круглой в плане усыпальницы и портала, обращенного на восток. Внутренний диаметр помещения составляет 10,5 м, внешний — 13,3 м. Стены сохранились на высоту до 2,2 м. С северной и южной сторон, по мнению Д. Ф. Винника, имелись узкие оконные проемы. В центре устроен вход — вестибюль шириной 2,4 м и длиной 3,35 м. Общая длина портала 14,7 м, ширина — 2 м. С южной его стороны сохранились остатки колонны. У места соединения портала с круглым помещением — четырехугольная в плане камера, размером 2,28×2,3 м

и $2,28 \times 2$ м (т. е. остатки ниш, как и во втором мавзолее. — В. Г.).

Портал мавзолея был украшен фигурными кирпичиками. У основания его проходила отмостка из жженных кирпичей по всему периметру. Под полом мавзолея расчищено 28 могил, устроенных в три яруса. Могилы грунтовые, края их обложены сырцовым кирпичом и перекрыты арчовыми плахами. Одно захоронение совершено в арчовом гробу, доски которого по углам скреплены железными скобами. Д. Ф. Винник считает, что, как и предыдущие, этот мавзолей был фамильной усыпальницей и датирует его XI в.¹⁶⁸ Однако не со всеми определениями Д. Ф. Винника можно согласиться.

Вышеописанный третий мавзолей совершенно аналогичен второму. Он также представлял собой постройку портално-цилиндрического типа. Хотя автор раскопок допускает, что портал могла фланкировать одна колонна с южной стороны, но такого не могло быть; не найдено — не значит не было. Архитектура остатков мавзолеев настолько гармонична и пропорциональна, что отсутствие одной колонны при наличии другой не представляется возможным. По-видимому, и световые проемы были решены иначе. Узкие щелевидные надцокольные окна были не типичны для мемориального монументального зодчества Средней Азии того времени.

Конструктивные приемы в архитектуре Средней Азии XI—XII вв. строились на геометрической основе. «Развитие архитектурных форм протекало по единой системе, охватывавшей собой решения задач и в пространстве и на плоскости. Геометризм построений, исключавший произвольные выдумки зодчих,— таков был главный источник стилового единства всего искусства Средней Азии рассматриваемой эпохи»¹⁶⁹.

При цилиндрическом корпусе мавзолея, в древности перекрытого куполом, возрастала функция портала, поскольку он включал парадное оформление лицевой стороны здания. Вскрытые остатки портала достаточно массивны и являются прочным основанием для входной арки. Пролет помещения в 10,5 м велик и переход к куполу мог быть осуществлен только с помощью подкупольных конструкций. При подобной архитектурной композиции здания высота внешнего купола едва ли была меньше 5 м; если учесть, что подкупольные конструкции составляли около 1,5—2 м по высоте, то при принятой Д. Ф. Винником общей высоте в 8 м, на стены остается около метра. Между тем, они даже до наших дней со-

хранились на высоту 2,2 м. Первоначально же, в соотношении к диаметру интерьера, они достигали не менее 5—7 м. Таким образом, общая высота здания достигала по крайней мере метров 12-ти.

На территории центральных развалин Буранинского городища Д. Ф. Винником обнаружены следы других монументальных построек, назначение которых пока не выяснено. На площади, окруженной длинной стеной, раскопки вскрыли постройки производственного и хозяйственного характера, сохранившиеся стены которых достигали высоты 2 м. На вскрытых объектах собран обильный материал, представленный поливной и неполивной керамикой, монетами, изделиями из стекла, металла и камня. Совокупность всех данных, полученных при раскопках Буранинского городища, позволила автору еще раз ставить вопрос о тождестве его с Баласагуном¹⁷⁰.

Параллельно с группой археологов на Буране работали реставраторы Министерства культуры Киргизской ССР, возглавляемые Б. В. Помаскиным. Им написана специальная статья, в которой обобщен опыт реставрационных работ на Буране¹⁷¹. Вскрытые объекты архитектуры попутно готовились к консервации и частичной реставрации. Принимались меры по закреплению того, что сохранилось в аутентичном виде, проектом реставрации предусматривалось восстановление орнаментальных композиций восьмигранного цоколя и верхней части ствола минарета, в большей части заложенных гладкой кладкой в период ремонта памятника в 1927—1928 гг. Изучение особенностей конструктивных и орнаментальных кладок минарета позволило авторам проекта отработать методику, обосновать композиционные решения для восьми граней цоколя и восстановить орнаментуку четырех ниш.

Б. В. Помаскин датирует минарет второй половиной X в. Он считает также, что нижняя часть минарета была в виде восьмигранного цоколя с наклонными гранями высотой 5,4 м, это и было учтено при реставрации, которая закончилась в 1974 г. Внутри минарета восстановлены ступени винтовой лестницы, поднят цоколь, частично восполнен декор и кладка ствола башни; осуществлена гидронизоляция памятника, укреплены древние части кладки на «современном более жестком растворе»; к минарету была пристроена легкая винтовая металлическая лестница для подъема наверх и забетонирована площадка вокруг. Остатки вскрытых мавзолеев законсер-

вированы с частичной докладкой стен и порталов до максимально вскрытой высоты памятников. В целом, однако, нельзя признать, что работа выполнена с полным учетом научных данных. Например, при восстановлении второго Буранинского мавзолея не получили отражения трехчетвертные колонки, фланкировавшие портал, основания ниш, конструкции могил и ряд других деталей.

В 1972 и 1974 гг. на городище Бурана проводились охранные работы Института истории АН Киргизской ССР. В зону строительства ирригационной сети и освоения новых участков земли колхоза «Алчалу» попадала часть холмов, в том числе остатки средневековой усадьбы в юго-восточном секторе городища. Специально образованная группа в составе Буранинского отряда Киргизской археологической экспедиции провела раскопки на холме ¹⁷², имеющем в плане размеры 70×80 м. Развалины расположены в 2,8 км от центрального четырехугольника, близ первого кольца длинного вала и параллельно ему.

Большая часть построек усадьбы к моменту раскопок была повреждена, однако четко прослеживались следы хауза в южном углу двора и въезд в нее с юга-востока. Наиболее высокой оказалась северо-западная жилая часть усадьбы, где было вскрыто двадцать различного назначения помещений и внутренний дворик, разделяющий планировку помещений на две половины — парадную и хозяйственную. Выявлено два периода обживания дома с перестройками и ремонтами здания в течение XI—XII вв. Судя по характеру строительных завалов, постройка была одноэтажной.

Юго-западный парадный комплекс включал десять помещений, которые располагались по обе стороны от широкого коридора протяженностью 28 м и шириной 4 м. Одним концом коридор выходил во дворик с мощенными камнем дорожками. Мощные стены (1,6—2,3 м в ширину и до 4 м в высоту) и узкие длинные комнаты предполагают сводчатые перекрытия. Угловые проемы в помещениях были оформлены стрельчатыми арками. Полы некоторых из помещений были выстланы жженым форматным кирпичом со стороной 25 см при толщине 4,5 см; стены оштукатурены и побелены алебастром.

Северо-восточная хозяйственная часть усадьбы включала 11 небольших помещений и кладовых. Здесь они размещались вокруг айванного зала, открытого во внутренний дворик. Внутренние плоскости стен были украшены резными

ганчевыми штукатурками, фигурной кладкой панелей, пол выстлан жженым кирпичом. Большое скопление дерева, камышовые пятна тлена, а также тонкие стены (иногда менее метра) свидетельствуют о плоском древесно-каркасном перекрытии этой части здания.

Внешние стены имеют комбинированную кладку из битой глины и сырцового кирпича, характерную для зодчества Средней Азии с древнейших времен. Здание не имело фундамента. Ограда усадьбы сделана из битой глины с большой примесью гальки — характерный грунт материка городища; ширина стены в кладке 1,2 м. В целом жилая часть усадьбы составляла 1550 кв. м и принадлежала крупному феодалу.

С первым периодом обживания дома связано устройство дымового обогрева с помощью канов — каналов, проходящих вдоль стен в виде полых суф. Подобная система отопления зафиксирована А. Н. Бернштамом в жилой части буддийского монастыря IX—X вв. Ак-Бешимского городища, где узкие каналы были проложены в центральной широкой стене и под полом¹⁷³. Наличие подобных систем отопления известно для средневековой жилой архитектуры Семиречья, Хорезма, Казахстана¹⁷⁴. Широкое распространение каны имели и в древнемонгольских городах XII в.¹⁷⁵

Основную часть находок во всех помещениях составляет глиняная посуда, характерная для XI—XII вв. Началом XI в. датирует усадьбу и найденный на полу одного из помещений серебряный дирхем чекана Бухары 413 г. х. (1022—23 гг.), битый в правление Абу Мансура Мухаммеда Арслан-хана (ибн Али)¹⁷⁶.

Раскопанный дом в усадьбе относится к числу памятников средневековой монументальной жилой архитектуры Средней Азии. Он как будто напоминает замок земледельческой аристократии поры раннего средневековья. Его ещё окружают глинобитные стены и различные хозяйственные помещения, но уже утрачены такие элементы замка, как стилобат, бойница, многэтажность. Из всех вскрытых до настоящего времени усадеб на городищах Киргизии буранинская постройка наиболее монументальна. Она несомненно принадлежала крупному феодалу-землевладельцу, имевшему, по-видимому, в частной собственности обрабатываемые внутри городских стен земли. Именно это своеобразие чуйских поселений позволило исследователям считать их «аграризированными». Обширные площади города в несколько десятков квадрат-

ных километров были заняты усадебной застройкой и обрабатываемой землей и обнесены длинным валом¹⁷⁷.

Знакомство с топографией Буранинского городища позволило нам зафиксировать в разрезах арыков и речки отдельные выходы шлаков и изделий ремесленного производства, в частности, городского медника, продукция которого в виде кумганов и узкогорлых кувшинов вывезена в Токмакский городской историко-краеведческий музей. Мастерская медника располагалась на правом берегу речки Бурана, в юго-восточном секторе городища, неподалеку от центральных развалин, и в настоящее время уже размыта. В пойме реки и пересыхающем летом русле в большом количестве встречаются монеты, жернова и зернотерки, керамика, стекло, металлические изделия, украшения.

Последующие исследования на Буране осуществлялись Буранинской археологической группой Иссык-Кульского отряда КАЗ Института истории¹⁷⁸. В 1975 и 1976 гг. городище обследовалось в археолого-топографическом плане. В результате было нанесено на план Бураны еще четыре усадьбы в пределах первого кольца длинных стен, отдельные отрезки валов, собран подъемный материал.

Остатки усадеб — торткулей расположены на расстоянии 1,6—3 км от центральных развалин. В плане они прямоугольны, с размерами сторон соответственно 30×38, 50×60, 30×70, 40×50 м. Шурфы и небольшие раскопы выявили в этих усадьбах культурный слой до 4 м толщиной и характерный для X—XII вв. материал.

Молодыми исследователями был заново сделан разрез западной стены центрального четырехугольника, который уточнил ширину ее в кладке по основанию до 7,5 м; сверху стена сужается. Разрез вала внешней глинобитной стены в месте раскопок с южной стороны города показал ее толщину в 4,3 м при сохранившейся высоте 2,3 м¹⁷⁹. Сравнивая данные разрезом стен П. Н. Кожемяко (см. выше), можно предполагать, что в разных местах толщина городской стены была разной.

У южной стены центрального четырехугольника Буранинской группой в 1975—1976 гг. на площади в 320 кв. м были вскрыты остатки глинобитной постройки, верхний строительный горизонт дал керамический материал X—XIV вв. Стены здания сохранились на высоту 0,5 м. Большой интерес представила находка золотой монеты, определенной М. Н. Федоровым как чекан хорезмшаха Текеша. Среди подъемного ма-

териала раскопщиками встречены фрагменты согдийской посуды (что отмечается впервые для городища и может считаться случайным фактом. — В. Г.), бронзовые изделия и дирхем, битый от имени Арслан-хана Сулеймана ибн Юсуфа (424—447/1032—1056 гг.) в Куз-Орду, т. е. Баласагуне¹⁸⁰.

В первом выпуске «Вестника Академии наук Казахской ССР» за 1976 г. К. М. Байпаков публикует краткое сообщение со сводкой сведений о древних городах Суяб и Баласагун. С учетом новых данных раскопок на Буране он допускает локализацию Суяба на развалинах Ак-Бешима, а Баласагуна — на месте Бураны. Развивая высказанное Дж. Клосоном предположение об идентификации Суяба с Ак-Бешимом¹⁸¹, К. М. Байпаков полагает, что столичный город Суяб еще назывался Орду, а позднее был известен как Шуй, Шу, Урду; Баласагун, по мнению автора, был известен до X в. под названием Беклиг или Семекна¹⁸².

В следующем году Буранинская группа вела раскопки на аварином объекте в 100 м к юго-западу от шахристана. В плане это был округлый бугор размером 32×46 м при высоте 2,5 м. На площади в 140 кв. м вскрыто три строительных горизонта, нижний из которых насыщен неполивной керамикой X—начала XI в., костями животных и зольниками; средний представлен остатками глинобитной постройки с посудой и кирпичами XI—XII вв.; верхние слои сохранились частично в виде каменного фундамента постройки из жженого кирпича, размер сторон которого 25 и 50 см при толщине 5—5,5 см, с очажными пятнами и ямами. Здесь обнаружена посуда XIII—XIV вв.¹⁸³

О работах на Буране в 1978 г. в печати имеются лишь лаконичные сведения о том, что на Буранинском городище продолжена расчистка внутри четвертого мавзолея¹⁸⁴. Имеются в виду остатки построек, отмеченных в свое время М. Е. Массоном близ северо-западного угла шахристана. Он допускал здесь местоположение средневекового караван-сарая (см. с. 24). Раскопки на объекте продолжались и в следующем году (данные о них еще не публиковались), но назначение здания не выяснено.

В январе 1977 г. В. Д. Горячевой была защищена кандидатская диссертация, одна из глав которой посвящена исследованию Буранинского археолого-архитектурного комплекса с середины XIX в. до 1972 г. с краткой историей его изучения и введением новых археолого-топографических данных¹⁸⁵. В диссертации рассматриваются вопросы застройки средневе-

кового города, локализации Баласагуна; дополнена новыми данными ранее предложенная схема развития этого города. Основные итоги этого исследования подготовлены к печати в виде научно-популярного очерка на базе диссертации¹⁸⁶.

Первоначальный этап в жизни Баласагуна, по-видимому, связан со столицей тюркских каганов в Семиречье — Орду. Мы (В. Г.) также согласны с предшествующими исследователями, отождествляющими Ак-Бешим с Суябом. С середины X в. город приходит в упадок, население переселяется ближе к горам, вверх по реке Бурана, русло которой при впадении в р. Чу уже давно образовало глубокий, ныне сухой лог, пересекающий городище Ак-Бешим. Новый город формируется всего в 5—6 км, близ ущелья Шамси (или Замби — по Махмуду Кашгарскому)¹⁸⁷. Расстояние между двумя поселениями столь невелико, что в конце XIX в. они воспринимались как развалины одного большого города. По топографической структуре Ак-Бешим соответствует городам мавераннахрского типа раннего средневековья, исходная форма поселения — шахристан с цитаделью. На Буране нет ни традиционных проявлений замка — цитадели, ни густо застроенного шахристана. В ряду городищ Чуйской долины Бурана является своеобразным памятником.

Хотя Л. Р. Кызласов в свое время отрицал возможность перенесения старого города Ак-Бешима на территорию Бураны ввиду незначительности его размеров и отсутствия керамики XIII—XIV вв.¹⁸⁸, однако последующие исследования на обоих городищах позволили опровергнуть это мнение. Об огромных размерах Бураны свидетельствуют многие исследователи (В. П. Ровнягин, В. Д. Городецкий, М. Е. Массон, П. Н. Кожемяко) и топографические наблюдения последних лет; X в. не является конечной датой жизни Ак-Бешима, часть поселения функционировала вплоть до XII в.¹⁸⁹, а возможно и позже, как об этом сообщает М. Е. Массон.

Буранинские же развалины дают материал X—XIV вв. и относятся к последнему периоду существования поселений в Чуйской долине. Таким образом, можно предполагать, что на протяжении двух столетий оба города сосуществовали, но постепенно замирал один и расцветал другой. Подобное явление миграции крупных средневековых городов широко известно для городов Средней Азии: Самарканда, Ташкента, Мерва, Кеша и других.

Как же здесь данные археолого-топографических наблюдений согласуются со сведениями письменных источников?

Весьма интересно, что почти все средневековые авторы упоминают столицу Караханидского государства под названием Баласагун лишь с X в.¹⁹⁰ До этого в арабо- и персоязычных источниках (в частности, у Ибн Хордадбеха и Кудамы) отмечен «город тюргешского (тюркского) кагана» в 4 фарсах от большого селения Сарыг¹⁹¹ по дороге из Тараза на Иссык-Куль. Наряду с этим обозначением тюркской резиденции в Чуйской долине ал-Мукаддаси упоминает Орду, который тоже имел значение «ставки хана»¹⁹². Логично предположить, что здесь смысловое значение города-столицы передано как имя собственное.

Не менее спорны суждения о городе и топониме «Суяб» (по догадке В. Ф. Минорского, соответствует «Чу-аб», т. е. «река/вода Чу», где «су» — арабская передача местного «Чу») ¹⁹³. Некоторые источники называют его столицей тюркских хаканов и карлукских ябгу. Наиболее раннее сообщение о городе на реке Чу дает буддийский паломник Сюань Цзан, проехавший через Чуйскую долину в 629 г. к святыням Индии. Он помещает город в верховьях реки, если пройти 500 ли в северо-западном направлении от Прозрачного озера (Иссык-Куля. — В. Г.). «Суй-е Шуй»¹⁹⁴ — сборное место купцов из всех соседних стран»¹⁹⁵. Суяб (как и Баласагун), по мнению В. В. Бартольда, должен был располагаться близ Токмака.

Нельзя согласиться с А. Н. Бернштамом, который считал возможным сопоставлять Суяб с Новороссийскими городищами¹⁹⁶. Историко-топографическое изучение Чуйской долины, проведенное за последние годы киргизскими археологами в связи с составлением археологической карты республики, свидетельствуют о том, что развитых раннесредневековых поселений (которые можно было бы считать городом) восточнее современного Токмака нет. Новороссийские же городища находятся в глубине узкой долины р. Чон-Кемин, в 25 км от места слияния ее с р. Чу и в стороне от торговой международной трассы. Заложенные здесь в свое время П. Н. Кожемяко шурфы и раскопы отразили слабый культурный слой XI—XII вв., поэтому о существовании жизни на этом городище в более раннее время говорить не придется и его следует считать сооружением военно-оборонительного характера или летней резиденцией одного из караханидских владетелей¹⁹⁷.

Нельзя не отметить, что сведения о «столице тюркского кагана», Суябе и Орду очень противоречивы. У одних

авторов эти города фигурируют как разные столицы тюркских правителей в Чуйской долине, у других — подразумевается один город. Неопределенно указано и местоположение Суяба: в одних источниках — по левому берегу р. Чу, в других — по правому (или северному). Поэтому не исключено, что «столица тюркского хакана» у разных (и разновременных) авторов подразумевалась и под Суябом, и под Орду.

В колофоне манихейской рукописи VIII—IX вв. «Священная книга двух основ» в числе городов Семиречья, где имелись манихейские общины, упоминается и Ордукент¹⁹⁸. Это наиболее раннее сведение о городе — ставке в форме «Орду». Для второй половины X в. ал-Мукаддаси называет Орду маленьким и отмечает при этом крепостную стену, цитадель и ров, наполненный водой. Здесь же он пишет о Баласагуне, называя его большим и изобильным¹⁹⁹. Махмуд Кашгарский, который «пядь за пядью исходил... все или, селения и степи тюрков», называл Баласагун «Кеми-орду» — «малой ставкой» в отличие от столичного Ордукента-Кашгара. «Орду — город поблизости от Баласагуна. А Баласагун от этого также называется Куз-Орду», — писал в своем знаменитом «Словаре тюркских наречий» Махмуд Кашгарский. Здесь же он приводит и другое наименование Баласагуна — Куз-Улуш²⁰⁰. Современник Махмуда Кашгарского и уроженец города Баласагуна, автор первой тюркоязычной поэмы «Благодатное знание» («Кутадгу билиг») Юсуф Баласагунский, к сожалению, ничего не сообщает о родном городе, но также называет его Куз-Орду. По-видимому, в такой форме Баласагун был общезнаменит в второй половине XI в.

В монгольское время столица семиреченских караханидов и каракиданей называлась еще Каралыг, Гор-Балык (Куз-Балык), что соответствует тюркскому Куз-Орду²⁰¹. В дальневосточных исторических хрониках XII—XIV вв. город Баласагун известен под названиями Хосун-Орду, Гусы-элудо, Хусы ва-эрдо, что в переводе означает «Сильный город», или «Город гузов»²⁰². Анализом значения этих названий города занимались многие исследователи. Многообразие их объясняют по-разному. Н. И. Умняков и Х. Хасанов, например, считают древнейшим наименованием города Баласагуна «Бек-лиг» или «Беклидиг», упомянутый в сочинениях «Худуд ал-алам» (X в.) и у Гардизи (XI в.)²⁰³.

В. В. Бартольд полагал, что город получил название по материалу, из которого воздвигались постройки («балык» по-древнетюркски «глина») ²⁰⁴; С. П. Толстов видит в этом сло-

ве монгольскую форму *balgasun* от тюркского *balıg* в значении «город»²⁰⁵. Н. Махмудов объясняет топоним Баласагун как сокращенное звучание двух слов — «балик» с опущением конечного «к» и «саг-кун», что означает «сидящий по правую руку». Оба термина, по его мнению, дотюркского происхождения. Название города, таким образом, можно определить как «город бека», «город хана»²⁰⁶. К. М. Байпаков в указанной выше статье пишет, что этот ойконим — усложненный и осмысливался как «город Сагуна-Сегуна» по наследственному титулу «сенгун», который носили владетель Беклига (большого селения в стране тюргешей) и самые высокопоставленные лица киданей²⁰⁷.

Очевидно, что Куз-Орду (Баласагун) и Орду (ставка тюркских каганов) не были одним городом, но располагались так близко, что воспринимались (или именовались) во времена Махмуда Кашгарского (70-е годы XI в.) как один город. После XI в. город Орду в письменных источниках уже не упоминается, однако все эти топонимы сохранились в памяти народа, в его героическом эпосе²⁰⁸.

В работах В. В. Бартольда содержится подробная сводка исторических сведений о восточной столице Караханидов и киданей вплоть до XVI в. Однако некоторые дополнительные сведения о городе можно почерпнуть в работах советских и зарубежных востоковедов в связи с открытием и переводом новых извлечений из средневековых исторических источников²⁰⁹, а также памятников местной эпиграфики и нумизматических находок. Ниже приводим некоторые из них. Например, такие данные содержатся в «Географии» Махмуда ибн Вали (1634—1641 гг.): «Баласагун — из городов Туркестанзамина, известного [под названием] Моголистан. До монгольского нашествия был с чисто мусульманским населением. Из него вышло много ученых. Мустауфи говорит: [Баласагун] — страна обширная и приятная; из шестого-седьмого климатов. Климат его очень холодный. В некоторых летописях сообщается, что ширина его крепостной стены была в два с половиной [гязя]. [Баласагун] имел сорок соборных и двести будничных мечетей, двадцать ханака и десять медресе.

Народ Баласагуна — сунниты и из общества ханифитов. В том городе науки фикх и хадис были распространены больше, чем другие знания.

После нашествия монголов до тех пор, пока обычай монголов не повредили ему, был он благоустроенным и цветущим. И с тех времен до сегодняшнего дня он находится в

опустошенном и заброшенном состоянии. Некий путешественник-кашгарец, во время составления сей книги в Балхе, рассказывал: однажды правитель Кашгара вторгся в Моголистан, чтобы осудить и наказать калмыков. Спусти два месяца, следуя по направлению с востока на север, дошли до какой-то местности, где из-под песка на четыре-пять зир выступали крыши высоких зданий: минаретов, дворцов, арок, медресе и приметы их были видны с расстояния четырех фарсангов. Недалеко от той местности мы настигли калмыков [и между нами] приключилось сражение. Схватили из числа этих неверных много пленников и при возвращении, когда дошли до того места, где [раньше] мы увидели остатки зданий, у пленников спросили название этой местности. Они сказали: нам известно лишь то, что здесь [в прошлом] был город Баласагун. Во времена правления некоторых потомков Чингиз-хана осталась под песком, а в настоящее время в некоторых местах из-под песка иногда можно увидеть комнаты со всей домашней утварью: котлами, глиняными чашками, сосудами и вазами, а паласы и (прочие) пожитки исчезли. В некоторых же комнатах покоятся и люди. Словом, этот город в прошлом был одним из лучших городов этого края, но в настоящее время забыто (даже его имя)...»²¹⁰. Из источника следует, что Баласагун располагался в Северной Киргизии (Моголистан) к северо-западу от Кашгара на расстоянии двух месяцев пути каравана через перевалы Центрального Тянь-Шаня. Это описание города можно вполне отнести к развалинам Бураны, расположенной в широкой ложбине у подножия Киргизского Ала-Тоо, при ясной погоде видной далеко окрест на много километров. И хотя сведения Махмуда ибн Вали о количестве построек и достоинствах города несколько преувеличены, они дают интересный дополнительный материал по исторической топографии города и его окрестностей.

Свидетельства письменных источников существенно дополняют данные нумизматики. Археологически установлено, что ни на одном городище Чуйской долины, тем более за ее пределами (может быть, за исключением Краснореченского городища) не найдено такого обилия тюркешских монет, как на Ак-Бёшме. Известно четыре типа тюркешских хаканских монет, о чем изложено выше. Большая серия тюркешских монет в настоящее время собрана на Краснореченском городище, отождествляемом нами со второй каганской ставкой в восточной части Чуйской долины — Навекатом. В результа-

те стационарных археологических работ на городище за 1978—1983 гг. собрано более двух сотен монет, среди которых В. А. Лившиц, С. Г. Кляшторный и В. Н. Настич выделяют ранее неизвестные типы и подтипы. Новые находки тюркешских монет позволяют уточнить чтение легенд, выявить некоторые имена правителей-карлуков²¹¹.

Несомненно, что монеты отливались (реже чеканились) и более всего обращались на рынке в ставке хакана. Для караханидского времени ученым известно более 50 монетных дворов в государстве илеханов, но крайне редки находки монет с указанием монетного двора Баласагуна²¹². Зато имеется масса монет, битых в Куз-Орду (иногда читаются как Кара-Орду).

Как отмечалось выше, находки золотых монет и многочисленных кладов, в том числе динаров XII—XIII вв., зарегистрированные на Буране в гораздо большем количестве, чем на любом другом городище Семиречья, свидетельствуют о крупной экономической и политической роли этого города.

В пользу отождествления городища Бурана с Баласагуном могут свидетельствовать и местные эпиграфические памятники. Кроме известных сиротюркских надписей на несторианских надгробиях XIII—XIV вв., в пределах центральных развалин еще в конце XIX в. находили гальки с мусульманскими эпитафиями на арабском языке (см. с. 15). К настоящему времени известно 12 эпиграфических памятников арабского письма, хотя половина из них — поздние. Все буранинские кайраки исследованы и переведены В. Н. Настичем. На двух кайраках указаны даты, свидетельствующие об их изготовлении во второй половине XII в.; третий кайрак по стилистическим признакам письма датирован В. Н. Настичем XIII—началом XIV в., остальные — домонгольским временем, т. е. не позднее первой четверти XIII в.

Все эпитафии на надгробиях посвящены представителям духовного сословия — факихам-законоведам, муфтиям, имамам, проповедникам. Особо подчеркивается преемственность в наследовании духовных должностей и титулов. Упоминаются также достоинства усопших, их праведность и заслуги перед исламом; специально отмечены факты паломничества покойных в «святые» города Мекку и Медину.

Наиболее интересен в историческом отношении кайрак № 3, найденный при раскопках «четвертого мавзолея» Бураны М. Кубатбековым в 1979 г. (руководитель отряда В. П. Мокрынин)²¹³. Особое внимание привлекает нисба покойного шей-

ха — «ал-баласагуни», а также заметная близость содержания надписи этого кайрака тексту намогильника, описанного в «Та'рих-и Рашиди» (см. с. 8). Текст эпитафии начертан на продолговатой гальке длиной 64 см, шириной 13—26 см. Текст без обрамления, исполнен полукурсивным сульсом, опытной рукой каллиграфа: «Это могила шейха, имама славнейшего, благородства мира и веры, гордости спорящих, венца поучающих, прозываемого Мухаммедом, сыном законоведа ал-Умара ал-баласагуни, да озарит Аллах ложе его! Аминь».

В тексте эпитафии на кайраке из Муноры, описанной Мухаммедом Хайдаром, и в буранинском кайраке совпадают имена покойных, нисба и ряд титулов, в том числе «факих» — род занятий, более индивидуализированный, чем традиционное обозначение «шейх» или «имам». Совпадает имя Умар, хотя у Мухаммеда Хайдара это имя исполнителя эпитафии, а в новом кайраке — имя отца усопшего. Речь идет, безусловно, о разных намогильниках, посвященных разным лицам. Однако упоминание в обеих эпитафиях нисбы «ал-баласагуни» свидетельствует о многом²¹⁴.

Тождество Муноры с Бураной бесспорно; это мнение высказано давно и не вызывает возражений. Кроме того, в Чуйской долине (в пределах Киргизской ССР) находки кайраков зарегистрированы пока только на Буранинском городище²¹⁵. Поэтому несомненно, что сообщение в «Та'рих-и Рашиди» о городе Мунора относится именно к остаткам этого города. В пользу предложенной локализации Баласагуна свидетельствует наличие первоклассных памятников монументальной архитектуры Бураны.

Открытые в последнее время мавзолеи вместе с минаретом и несохранившейся мечетью составляли единый культовый ансамбль в центральной части вновь отстроенного Караханидами города в период принятия ими ислама. Как и в других столичных городах (Самарканд, Узгент, Бухара и др.), монументальные сооружения ансамбля Бураны — Баласагуна были призваны прославлять могущество Караханидского государства и его феодалов в лице правителей и духовенства.

Буранинские усыпальницы занимают особое место в средневековой архитектуре Тянь-Шаня и Семиречья, демонстрируя, с одной стороны, продолжение местной погребальной традиции, а с другой — высокие строительные и декоративные

приемы, выработанные в среде оседлого населения Средней Азии. Этот процесс взаимопроникновения художественно-эстетических идей и образов особенно явно проступает в наружных облицовках зданий, где главенствующую роль играют узорные кирпичные кладки в сочетании с резным штукатурным (ганчем) и архитектурной терракотой. И это еще раз свидетельствует о том, что традиции средневековой монументальной архитектуры культурных центров средневекового Киргизстана были тесно связаны со строительной практикой Ближнего и Среднего Востока эпохи феодализма, а предки киргизского народа внесли свой неповторимый вклад в развитие мировой художественной культуры и истории.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование Буранинских памятников продолжается... В декабре 1976 г. ЦК Компартии Киргизии и Совет Министров республики приняли постановление об организации литературно-этнографического музея «Гумбёз Манаса» и музея под открытым небом на базе Буранинского археолого-архитектурного комплекса. Выработаны мероприятия по дальнейшему изучению памятника, благоустройству территории центральных развалин и развертыванию здесь экспозиции.

Так, программа научных исследований на Буране рассчитана на многолетние широкомасштабные раскопки как на территории городища, так и на памятниках в округе. В итоге будут выявлены новые объекты средневекового зодчества, производственные и ремесленные комплексы, выяснены основные принципы городской планировки и благоустройства города, изучены вопросы фортификации, водоснабжения, особенности материальной и духовной культуры населения. Перспективный план работы по созданию музея под открытым небом предусматривает не только раскрытие культурного слоя, но и музеефикацию целых участков городской планировки, консервацию и реставрацию археологических памятников, изготовление архитектурных макетов и графических реконструкций жилых и общественных зданий, написание научных работ и популярных изданий. Очень скоро здесь будут развернуты экспозиции, раскрывающие новые страницы истории и культуры края.

О такой форме работы с памятниками старины и искусства мечтал В. И. Ленин на заре Советской власти, говоря о памятниках Московского Кремля: «Всю старину мы должны тщательно охранять не только как памятники старины и искусства, — это само собой, — но и как памятники быта и жизни древних времен. Сюда должны приходить экскурсии, здесь должны быть развернуты музеи, здесь должны даваться подробные объяснения посетителям...»²¹⁶.

Прошла эпоха в развитии советского музееведения и охраны культурного наследия. Музеи-заповедники, музеи под

открытым небом, народные музеи, крупные экскурсионно-туристские базы стали широко распространенными и испытанными формами изучения и пропаганды культурного наследия в нашей стране. Однако рост информированности советского народа предъявляет все более повышенные требования к работе с культурно-историческими ценностями, как и ко всей работе по коммунистическому воспитанию трудящихся.

В программных документах Коммунистической партии и Советского государства задача формирования нового человека определена как наиболее ответственная, благородная и сложная. Это особенно подчеркивается в развернутой концепции идеологической деятельности партии долговременного значения выдвинутой на июньском (1983 года) Пленуме ЦК КПСС. Пленум дал мощный импульс к совершенствованию массово-политической и идейно-воспитательной работы по всем направлениям. Особого внимания заслуживает вопрос о взаимодействии науки и идеологической практики, использования всего информационно-пропагандистского арсенала.

«Важным инструментом воспитания гражданственности, советского патриотизма, интернационализма было и остается воспитание историей. И хорошо, что в литературе, искусстве своего рода возрождение переживает историческая тема,— говорил на юбилейном пленуме правления Союза писателей СССР (25 сентября 1984 г.) К. У. Черненко. — Умение говорить о прошлом серьезно, взвешенно, с позиций марксистско-ленинского мировоззрения — вот что приносит, как показывает практика, успех в этом деле...»

Велика в этом роль советских музеев. Их научно-просветительская работа рассчитана на самые широкие массы трудящихся; через музеи и музейные коллекции ведется пропаганда достижений науки и техники, культуры и искусства. Действенными очагами пропаганды и агитации являются и сами памятники истории и археологии, которые советский народ унаследовал от прошлых поколений. «Но даже самая яркая и интересная пропаганда, самое умелое и умное преподавание, самое талантливое искусство не достигнут цели, если они не наполнены глубокими идеями, тесно связанными с реальностями сегодняшней жизни и указывающими путь дальнейшего движения вперед»²¹⁷.

Поэтому так важно повседневное совершенствование работы и музея под открытым небом на базе Буранинского археолого-архитектурного комплекса, в первую очередь — раз-

вертывание широких археологических исследований и реставрационных работ на памятнике, создание научных экспозиций с учетом современных требований идеологической работы. Подлинные экспонаты музея-заповедника — это остатки архитектуры, предметы быта и ремесла, тесно связанные с родной землей. С одной стороны, они показывают величие народа-творца, прославляют гений народных зодчих, воспитывают высокое чувство патриотизма, а с другой стороны — наглядно демонстрируют, каких небывалых высот достигла социалистическая культура. Изученные и отреставрированные памятники музея «Бурана» навсегда сохранят современное звучание.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 304.
2. Впервые такое истолкование термина «бурана» со слов учителя токмакской русско-туземной школы В. П. Ровнягина привел Н. Ф. Петровский в своей статье «Что такое древние развалины близ Токмака с башнею, известной под названием Бурана». (Туркестанские Ведомости, Ташкент, 1894, № 25). Его статья затем была перепечатана под заглавием «Башня Бурана близ Токмака». ЗВОРАО, т. VIII. 1894, с. 351—354.
3. Венюков М. И. Очерки Заилийского края и Причуйской страны. — Зап. РГО, 1861, кн. 4, 79—125; см. также: Венюков М. (И.). Путешествие по окраинам Русской Азии и записки о них. СПб., 1868, с. 168.
4. Ряд русских авторов, пересказывая содержание этой легенды, до недавнего времени необоснованно приписывал смертельный укус представителю семейства каких-то насекомых без точного указания их вида или неядовитому паукообразному насекомому — фаланге.
5. Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893—1894 гг. — ЗАН, VIII серия, т. 1, № 4, 1897 г., с. 40 (Соч., т. IV. М., 1966, с. 255).
6. Ответ консула Н. Ф. Петровского на заявление С. Ф. Ольденбурга. — ЗВОРАО, т. VII, 1983, с. 294.
7. В конце XVIII — начале XIX в. это название в русской транскрипции передавалось как Цуй. См.: Поездка (Ф.) Поспелова и (Т. С.) Бурнашева в Ташкент в 1800 г. — Вестник РГО, 1851, ч. 1, кн. 1, с. 12.
8. По принадлежавшей Н. Ф. Петровскому рукописи этого сочинения на кашгарском наречии — «Монара», так якобы руины города называли монголы.
9. Вельяминов — Зернов В. В. Исследование о Касимовских парях и царевичах. — ТВОРАО. т. X, 1864, с. 161—163.
10. См.: Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью, с. 38, прим. 4 (Соч., т. IV, с. 55, прим. 94.).
11. Подробную рецензию В. В. Бартольда на этот труд см.: ЭВОРАО, т. X, 1897, с. 215—226. (Соч., т. VIII, М., 1973, с. 63—73).
12. *Гунбаз* или *гунбад* — не только *свод* (как переводил В. В. Вельяминов — Зернов) или *купол*, но и купольное сооружение вообще. В данном случае в перечислении типов остатков сохранившихся построек на территории городища башенным минаретам и открытым медресе противопоставляются, видимо, крупные купольные сооружения.
13. Воронин и Нифантьев. Сведения о дикокаменных киргизах. — Зап. РГО, кн. V. СПб, 1861, с. 149.
14. Бартольд В. В. Отчет о командировке в Туркестан (1902 г.). — ЗВОРАО, т. XV, в. II—III, 1904, с. 273. (Соч., т. VIII. М., 1973, с. 207).
15. Чеканинский И. А. Рукописные материалы. — Рукоп. фонды отд. общ. наук АН КиргССР, инв. № 10, л. 106.

16. См. публикацию без подписи в газете «Туркестанские Ведомости», Ташкент, 1877, № 1, отдел «Известия и заметки».

17. См.: Археологические памятники в Семиречье и Кульджинском крае. — «Туркестанские Ведомости». Ташкент, 1879, 30 октября, № 43.

18. Смирнов В. Д. О колонне при реке Бурана в Токмакском уезде и соединенных с этим памятником легендах киргизов и сартов. — Труды IV Археологического съезда в России, т. 1. Протоколы, с. LXIV, пункт 4. Казань, 1884.

19. Об этом см.: «Туркестанские Ведомости». Ташкент, 1886, 7 января, № 1. Позднее в научной литературе открытие пишпекского христианского кладбища связывали с именем производившего там исследование старшего чиновника особых поручений при семиреченском военном губернаторе Н. Н. Пантусова.

20. Это письмо Ф. В. Пояркова было перепечатано в «Записках Восточного отделения Русского археологического общества», т. 1. 1886, с. 33. Позднее краткая выдержка из него о башне Бурана была помещена в компилятивный сводке И. Л. Кастанье. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. — Труды Оренбургской ученой архивной комиссии», вып. XXII. Оренбург, 1910, с. 265.

21. Далее Ф. В. Поярков приводит сведения об обнаруженных им «каменных бабах» из устья Кегеты. Две из них в 1885 г. находились во дворе у крестьянина селения Малый Токмак Кирьянова. Позднее их перенесли к зданию волостного управления, откуда они в 1924 г. были вывезены этнографом Ф. А. Фнелъструпом в Русский музей в Ленинграде.

22. Ядринцев Н. Археологические изыскания доктора Пояркова близ Токмака. — ЗАН, т. 52, кн. 2, 1886, с. 154—159.

23. Трутовский В. Н. О двух камнях с арабскими надписями, присланных Ф. В. Поярковым из Токмака. — «Древности Восточные», т. 1, вып. 1. М., 1888, с. 20.

24. При открытии несторианских кладбищ у Пишпека и Бураны на каждом из них предполагалось до 6000 захоронений: См.: Слуцкий С. С. Семиреченские несторианские надписи. — «Древности Восточные», т. 1, вып. 1. М., 1888, с. 3. Количество всех обнаруженных несторианских галек трудно поддается теперь учету.

25. Отчет Археологической комиссии за 1882—1888 гг. Доклад о действиях комиссии за 1886 г., СПб., 1891, с. CLIX.

26. Пантусов Н. Н. Христианское кладбище близ Пишпека в Чуйской долине. — ЗВОРАО, т. 1, 1888, с. 74.

27. В момент производства раскопок было высказано предположение, что доски являются остатками деревянных гробов. — «Туркестанские Ведомости», 1886, № 37.

28. Обнаружение в 119 могилах только одного крестика служит прекрасной иллюстрацией к свидетельству ездившего в Монголию в середине XIII в. послом от французского короля Людовика IX фламандца Виллема Рубруквиса (Вильгельма де Рубрука) об азиатских несторианах (Путешествие в восточные страны. СПб., 1911). Он обратил внимание, что христиане в городе Кайлаке пренебрегают крестом «по недостатку образованности» (с. 106). При описании креста без изображения распятого Христа, увиденного в помещении некоей девицы Херины в Каракоруме, В. де Рубрук отмечает, что «несториане стыдятся показывать Христа пригвожденным ко кресту» (с. 130). Этим же С. С. Слуцкий предлагал объяснить необычную форму несторианского креста на семиречен-

ских намогильных гальках, который в огромном большинстве случаев имеет вид украшения, лишь символически напоминающего о кресте как орудии позорной казни. Автор, хотя и указывал на возможность применения типа креста с завитушками под влиянием запада, но допускал также, что его рисунок мог быть заимствован на месте из орнамента турецких народов. (См.: С. С. Случкий Семиреченские несторианские надписи..., с. 66 и примечание на с. 20). Возможно, кресты на скале в Ургуте Самаркандской области были высечены не тамошними местными христианами, а пришлыми из других мест. В X в. Ибн Хаукаль встретил там много христиан из арабского Ирака.

29. Флоринский В. М. Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни, т. 1. Общая вступительная часть. Томск, 1894, с. 295—297.

30. ЗВОРАО, т. 1, 1886, с. 217.

31. Хвольсон Д. А. Предварительная заметка о найденных в Семиреченской области сирийских надгробных надписях.—ЗВОРАО, т. 1, вып. 2, 1886, с. 89; его же. Несторианские надписи из Семиречья, *ibid*, вып. 8, с. 217; его же. Дополнения и правки к статье «Несторианские надписи из Семиречья», *ibid*., вып. 4, СПб, 1887, с. 303. Открытие несторианских кладбищ нашло отражение в Туркестанской периодической печати. Ряд статей и заметок, посвященных этому вопросу, был помещен в газете «Туркестанские Ведомости» (Ташкент, 1886, № 1, 9, 18, 19, 37 и 46).

32. См. заметку за подписью «П. З.» в газете «Туркестанские Ведомости», Ташкент, 1887, № 37. Как установил покойный библиограф Е. К. Бетгер, псевдоним «П. З.» принадлежал П. Зенкову. Последний писал в указанной заметке, что он о «самой башне Бурана когда-то сообщал в «Туркестанских Ведомостях», подробно осмотрев всю местность». Так как в указанной газете этого сообщения нет, то или она осталась неопубликованной в делах редакции или была отпечатана в каком-то другом месте, о чем запамätывал сам автор. В приводимой же заметке № 37 очень интересно упоминание о находке киргизами на берегу реки Чу в провале золотого предмета вроде короны, браслетов и других золотых предметов, украшенных камнями.

33. Одну из монет этой находки 1887 г. получил от населения В. Д. Городецкий, по словам которого, клад был обнаружен в соседнем с «башней» ауле и заключал в себе много монет. См.: Флоринский В. М. Топографические сведения о курганах Семиреченской и Семипалатинской областях. — Изв. Томского университета, кн. 1. Томск, 1889, с. 48—49. В 1927 г. в Токмаке мне удалось у бывшего коллектора Милушина осмотреть две (из числа двадцати) плохого качества золотые монеты, вымытые в дореволюционное время большим селевым потоком в обрыве сая Бурана. Одна из этих монет оказалась сельджукидского чекана, выбитой в Герате. Вторая — принадлежала чекану хорезмшаха Абу-л Фатха Мухаммеда. См.: Массон М. Е. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии за время с 1917 г. по 1927 г. — Изв. Среднеазиатского комитета, вып. III. Ташкент, 1928, с. 289, № 31. Принадлежали ли эти две монеты кладу 1887 г. или были найдены позднее, установить мне не удалось.

34. Трутовский В. К. О двух камнях с арабскими надписями..., с. 20, табл. VI.

35. Флоринский В. М. Топографические сведения..., с. 48—49.

36. Отчет Археологической комиссии за 1889 г. СПб., 1892, с. 90, 124 и 125.

37. Слуцкий С. С. Семиреченские несторианские надписи..., с. 3; его же. К Семиреченским несторианским надписям. — «Древности Восточные», т. I, вып. II. М. 1891, с. 176; Корш Ф. Е. О турецком языке. семиреченских надгробных надписей. — «Древности Восточные», т. I, вып. I, М., 1889, с. 67; Chwolson D. Syrisch-Nestorianische Grabinschriften aus Semirjetschie..., «Memoires de l'Academie des Sciences de St.-Petersbourg, VII série. t. XXXVII. N 8, 1890; Марр Н. Я. Надгробный камень из Семиречья с армяно-сирийской надписью 1323 г. — ЗВОРАО, т. VIII, 1894, с. 344—349; Бартольд В. В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период. (По поводу семиреченских надписей). — ЗВОРАО, т. VIII, 1894, с. 1—32. (Соч., т. II, ч. 2. М., 1964. с. 265—302).

38. А. М. Фетисов кроме проведения раскопок, поручавшихся ему Н. Н. Пантусовым, осуществлял еще и самостоятельные археологические исследования: в 1889 г. кургана Ак-тепе в 12 верстах к северу от Пишпека, а в 1899 г. — ряда курганов, главным образом в долинах, лежащих по южную сторону Александровского хребта.

39. Отчет Археологической комиссии за 1892 г. СПб, 1894, с. 73—75. В коллекциях бывшего Русского исторического музея есть глиняные сосуды со сферическим дном, поступившие через Н. Н. Пантусова из раскопок у Токмака. Сосуды эти, так называемые «снимоб-кузача», представлены двумя типами: округлой формы и продолговатые.

40. Дата разбивки сада устанавливается наличием фотографии 1891 г., опубликованной в цитированном труде В. М. Флоринского (Первобытные славяне..., т. I, табл. XVI), на которой еще нет следов сада. На фотоснимках, сделанных С. М. Дудиным в 1893 г. (см.: Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию. 1893—1894 гг., табл. VI) и присланным в Туркестанский кружок любителей археологии в 1896 г. В. П. Ровнягиным, вокруг башни видны молодые, но не первого года древесные насаждения.

41. Флоринский В. М. Первобытные славяне..., с. 292, 301 и 303.

42. Первоначальным спутником В. В. Бартольда был петербургский художник С. М. Дудин, посетивший и кратко описавший Бурану в 1893 г. Его наблюдения были использованы В. В. Бартольдом с соответствующими ссылками при составлении им отчета о поездке в Среднюю Азию 1893—1894 гг.

43. Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию. 1893—1894 гг., с. 26—27 (Соч., т. IV, с. 44—45).

44. Устав кружка, утвержденный в Петербурге 19 октября 1895 г., и вышел, кроме того, отдельным изданием. Начало деятельности приурочено к 11 декабря 1895 г. См. брошюру: Открытие Туркестанского кружка любителей археологии 11 декабря 1895 г.

45. Ровнягин В. П. Описание башни «Бурана» близ Токмака. ПТКЛА за 1-й год его деятельности. Ташкент, 1896, с. 42—43. Изложенное Н. П. Остроумовым сообщением «принято собранием к сведению».

46. ПТКЛА, год II-й. Ташкент, 1897, с. 8.

47. Бартольд В. В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период, с. 1—32. (Соч., т. II, ч. 2, с. 265—302).

48. Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию, с. 40 (Соч., т. IV, с. 56—57).

49. Syrisch-Nestorianische Grabinschriften aus Semirjetschie Hrsg. und erklärt von D. Chwolson. — «Neue Foege», St.—Pbg., 1897.

50. См. фотографию, опубликованную в работе В. А. Васильева «Семиреченская область как колония и роль в ней Чуйской долины». Петроград,

1915, после с. 74. Между прочим, два из утраченных ныне планшетов съемки, производившейся в 1914 г. в крупном масштабе упомянутой Чуйской организацией, охватывали территорию городища Бурана. Последнее было зафиксировано слишком схематично, и даже положение минарета относительно стен «четыреугольника» отмечено очень неточно.

51. Особенно характерна по своему содержанию помещенная в газете «Голос Семиречья» (1919, 7 ноября, № 106) заметка за подписью инженера Сергея Кацмана. «В 10 верстах от Токмака стоит более тысячи пяти сот лет башня Бурана — единственный памятник находившегося там когда-то города. И вот теперь этот памятник разрушается. Разрушается он не от ветхости и не от старости своего существования. Нет, граждане, Бурана простоят еще столько же... Еще в прошлом году (1918. — М. М.) ее начали подкапывать у основания, а теперь какие-то злонамеренные неведьды, или как хотите назовите их, не довольствуясь этим, решили использовать для своих надобностей те кирпичи, из которых она сложена, и начали разбивать ее вершину. Таким образом этот чудесный памятник, если не принять мер, скоро исчезнет с лица земли. Не буду говорить об исторической и археологической ценности этого памятника, но скажу только: не нашими руками создавался, не нам бы его разрушать. Итак, надеюсь от лица всех понимающих значение этой башни, что на эти строки будет обращено должное внимание. Ибо наше Семиречье не может похвалиться обилием старинных памятников. Еще раз взываю: «Граждане, спасите башню! и да не будет мой голос голосом вопиющего в пустыне!».

52. Массон М. Е. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии за время с 1917 г. по 1927 гг., с. 288, № 25.

53. Мероприятия по охране памятников старины, проявившиеся в 1918—1919 годах в разных местах бывшей тогда Туркеспублики, не получили отражения даже в литературе, специально посвященной обзору охраны памятников Средней Азии. (Ср.: Умняков И. И. Охрана памятников старины и искусства в Советском законодательстве Средней Азии. — Изв. Средазкомстариса, вып. 1. Ташкент, 1926, с. 43; его же. Архитектурные памятники Средней Азии. Ташкент, 1929). В Самарканде в 1918 г., когда северо-восточный минарет медресе Улугбека вновь начал заметно наклоняться, грозя падением, частной инициативой инженеров была организована, как тогда говорили, «самостоятельная комиссия» по его поддержанию. Разработка проекта была поручена архитектору М. Ф. Мауеру. Временно наклонение минарета было приостановлено устройством деревянного корсета, пригнутого стальными тросами к системе деревянных якорей, вкопанных в землю. В следующем 1919 г. по инициативе художника О. К. Татевосяна была создана при Областном комиссариате народного образования Самаркандская комиссия по охране памятников, осуществившая ряд практических мероприятий до того, как в середине 1920 г. в Ташкенте энергичной деятельностью начальника Туркестанского Цуардела Д. И. Нечкина был учрежден центральный общереспубликанский орган. — Туркомстарис.

54. Это отождествление базировалось на расстоянии около 6 км между Бураной и Ак-Пешином с приведенным М. I. de Goeje в его переводе дорожника Кудамы расстоянием в 1 фарсах между Пенджикетом и Невакетом, что, по-видимому, является или опиской или типографской опечаткой (вместо «2 фарсахов» стоит слово «фарсах» в единственном числе). В арабском тексте Кудамы (у Ибн Хордадбека о Пенджикете нет) оно показано в 2 фарсахх. См.: Bibliotheca Geographorum Arabicorum, pars sexta. Lugeluni Batavorum, 1889, французский перевод, с. 158. Отчеты

В. Д. Городецкого о поездках 1924 и 1925 гг. не опубликованы. Краткие сообщения о полученных им результатах см.: Изв. Средазкомстариса, вып. 1, с. 29—30; Умняков И. И. Архитектурные памятники Средней Азии, с. 29.

55. Краткий предварительный отчет Б. П. Денике и М. М. Логина о поездке в Южный Казахстан и Северную Киргизию в рукописном виде представлен в Средазкомстарис 16 сентября 1925 г.

Более подробные данные приведены в статье: Б. П. Денике. Экспедиция Музея восточных культур в Среднюю Азию в 1927 г. — В кн.: Культура Востока. Сборник музея восточных культур, вып. 11. М., 1928. В указанной работе не все даты мусульманского летоисчисления достаточно основательно переведены на европейский календарь. В частности, это касается Термезского минарета, датированного автором 1031 г. н. э. Между тем строительный сезон помещенного в надписи на этом минарете 423 г. х. начинался 19 декабря 1031 г. н. э. и вернее было бы относить его сооружение к 1032 г.

56. Денике Б. П. Искусство Средней Азии. М., 1927, с. 15—16.

57. Наличие разного рода приемов, эмпирически вырабатывавшихся у бывших среднеазиатских зодчих, было не раз отмечено при работах Самаркандской комиссии по охране памятников. Между прочим, при ремонте мавзолея, построенного в окрестностях Самарканда на высоком гребне скалистой гряды Чупан-ата, археологическим шурфованием было установлено, что под фундаментом купольного здания мазара оказался вырубленный в скале котлован глубиной до 2,5 м, заполненный землей, явно служившей памятнику эластичной подушкой, ослаблявшей разрушительные действия подземных толчков.

58. Первой и самой крупной в Средней Азии работой такого порядка было обследование в 1920—1921 гг. нижних частей самаркандского медресе Улугбека, где было заложено 20 крупных стратиграфических шурфов, иногда на глубину до 9 метров от современной поверхности земли. Материалы об этом не опубликованы. Результаты других подобных работ нашли отражение в статьях: Массон М. Е. Краткое сообщение о результатах исследования фундаментов мавзолея Ходжа Ахмеда в группе Шахзинда в Самарканде в 1922 г. — Изв. ТОРГО, т. XVII, 1924; его же. Результаты археологического надзора за ремонтно-исследовательскими работами Самкомстариса на мавзолеях Гурамир и Аксарай в Самарканде в 1924 г. — Изв. Средазкомстариса, вып. 1. Ташкент, 1926.

59. Массон М. Е. Монетные находки..., с. 282, № 32.

60. Часть этих объектов, поступивших в 1927 г. в бывший Главный среднеазиатский музей, была тогда же там реставрирована.

61. При двухверстной съемке района Токмака в 1896 г. этот вал на карте отмечен не был. См. соответствующий планшет р. М — л. 19.

62. Об употреблении в монгольскую эпоху названия Токмак (в китайской транскрипции. T'o-huma); см.: Bretschneider E. Mediaeval Resarches from Eastern Asiatic Sources, vol. II. London, 1910, p. 161, примечание.

63. Название Ак-Пешин означает «место, покрытое высокой серой травой». См.: Тынышпаев М. Краснореченские развалины и город Бала-сагин. — Изв. ТОРГО, т. XVII, 1924, с. 186—187. Название «пешин» или «пешин» носит намаз, провозглашаемый несколько позднее полудня.

64. По В. П. Ровнягину, термин «Ак-Бешим» (правильно — Ак-Бешен) означает «Белый лоб», прилагался в качестве названия особого рода возвышенности; киргизы переводят еще как «Белый закат солнца».

65. Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана. СПб., (1914), с. 156, (Соч., т. III. М., 1965, с. 233).
66. ЗВОРАО, т. VIII, 1894, с. 15.
67. Бартольд В. В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период, с. 17. (Соч., т. II, ч. 2, с. 283).
68. Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью, с. 39—40 (Соч., т. IV, с. 56—57).
69. Массон М. Е. Рец. на кн.: Засыпкин Б. Н. Памятники архитектуры Средней Азии и их реставрация. Центральные Государственные реставрационные мастерские. — «Вопросы реставрации», вып. I. М., 1926. — Изв. Общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами, вып. I. Ташкент, 1928, с. 234.
70. Калмыков А. Д. Основные вопросы среднеазиатской археологии. Мечети. ПТКЛА, год XIV. Ташкент, 1910, с. 91.
71. Засыпкин В. Н. Памятники архитектуры в Средней Азии и их реставрация. — «Вопросы реставрации», вып. I, М., 1926, с. 159.
72. Кун А. Л. От Хивы до Газавата. — Материалы для статистики Туркестанского края. СПб., 1876, вып. IV, с. 213. Это предположение было высказано Н. Н. Вактурской при раскопках городища Куна-Ургенч в 1952 г. См.: Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. II, М., 1958, с. 183.
73. Названию своему минарет обязан сбрасыванию с него в прежние времена по распоряжению эмиров различных осужденных лиц, что в европейской и русской литературе отрицается многими авторами, но подтверждается рядом письменных источников. Так, в конце XVII в. один бухарский акробат с помощью изобретенных им скобок сумел взобраться по наружной поверхности минарета до его вершины. Присутствие в столице такого искусника показалось небезопасным. В интересах целостности казны и охраны частного имущества изобретатель был сброшен с минарета по распоряжению правившего в то время Субхан Кули-хана (1680—1701). О сбрасывании различных преступников упоминают многие европейцы, посещавшие Бухару (Борис, Скайлер, Шварц и др.). В 1871 г. так поступили, между прочим, с главой разбойничьей шайки Баба-ном. Последний раз такая же участь постигла вора, укравшего большую сумму денег у богатого бухарского купца.
74. ПТКЛА, год II. Приложение № 3. 1897, с. 7. Дата исправлена в 1924 г. чтением Ш. Рахими.
75. Представленная в 1930 г. А. Н. Бернштаму рукопись статьи М. Е. Массона о результатах его работ на городище Бурана в 1927 г. опубликована не была. См.: Бернштам А. Н. Архитектурные памятники Киргизии. М.—Л., 1950, с. 45, прим. I.
76. Культурное строительство в Киргизии. 1930—1941 гг. — Сб. документов и материалов, т. II. Фрунзе, 1972, с. 137—138.
77. Там же, с. 145.
78. Массон М. Е. Прикладные задачи археологии и их тематика в Средней Азии. Ташкент, 1937.
79. Тереножкин А. И. Археологические разведки по р. Чу в 1929 г.— ПИДО, 1935, № 5—6, с. 146—147.
80. Цит. по кн.: Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959, с. 13.
81. См.: История Киргизской ССР (С древнейших времен до наших дней), т. I. Фрунзе, 1984, с. 32—33.
82. См.: «Советская Киргизия», 1937, № 172; Чеканинский И. А.

Рукописные материалы. — Рук. фонд Отд. общ. наук АН Кирг. ССР, инв. № 10, лл. 106—107.

83. Архив ЛО ИА АН ССРСР, ф. 35, д. №. 184. Дневники.

84. Бернштам А. Н. Археологический очерк Северной Киргизии. — Фрунзе, 1941, с. 76; его же. Архитектурные памятники Киргизии. — М., 1950, с. 40—45, его же. Чуйская долина. — Тр. Семиреченской археологической экспедиции, 1950 (МИА, 14) с. 13, 47—55 и сл.

85. Шерстобитов В. П., Орозалиев К. К., Винник Д. Ф. Очерк исторической науки в Советском Киргизстане (1918—1960 гг.). Фрунзе, 1961, с. 37.

86. Бернштам А. Н. Археологический очерк..., с. 76; его же. Чуйская долина..., с. 13.

87. Там же, с. 13—14.

88. Там же, с. 51—55.

89. Бернштам А. Н. В горах и долинах Памира и Тянь-Шаня. — В кн.: По следам древних культур. От Волги до Тихого океана. М., 1954, с. 295.

90. Бернштам А. Н. Башня Бурана, Фрунзе, 1946.

91. Бернштам А. Н. Архитектурные памятники Киргизии. М., 1950.

92. До 1965 г. все материалы по реставрации и консервации памятников архитектуры Киргизии хранились в Госстрое Киргизской ССР (текущий архив, дело Г—1). После передачи функций охраны памятников архитектуры Министерству культуры Киргизской ССР, весь материал по акту был принят на хранение в Государственный исторический музей Министерства культуры Киргизской ССР. С образованием в республике специальных научно-реставрационных производственных мастерских эти материалы были переданы туда.

А. Н. Бернштам сообщает, что в 1938 г. по инициативе Союза архитекторов Киргизии проводились обмеры Бураны вместе с памятниками архитектуры Узгена и Гумбездом Манаса. Архитекторы В. Е. Нусов и И. Ф. Пришвина исполнили план, разрезы, прорисовку орнаментов (см.: А. Н. Бернштам. Архитектурные памятники..., с. 140), материалы тех лет не сохранились. В. Е. Нусов в своей брошюре «Памятники архитектуры Киргизии» (Фрунзе, 1963, с. 20) лишь упоминает об этом.

93. Это широко освещалось в печати. См.: «Советская Киргизия», 1949, № 26; 1950, № 93; 1952, № 186.

94. ЦГА Уз. ССР; ф. 2406, ед. хр. I, д. 163.

95. Пугаченкова Г. А. К проблеме возникновения «шатровых мавзолеев» Хорасана. — Материалы ЮТАКЭ, вып. I. Ашхабад, 1949, с. 72; Массон М. Е., Пугаченкова Г. А. Гумбезд Манаса. М., 1950; Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины девятнадцатого века. М., 1965, с. 186 и сл.

96. Гражданкина Н. С. Древние строительные материалы Туркмени. — Тр. ЮТАКЭ, т. VIII. Ашхабад, 1958, с. 35.

97. Гражданкина Н. С., Рахимов М. К., Плетнев И. Е. Архитектурная керамика Узбекистана. Ташкент, 1968.

98. Там же, с. 20.

99. Шишкин В. А. Борис Николаевич Засыпкин. — МИРАПУ, вып. I. Ташкент, 1967, с. 8.

100. ЦГА УзССР, ф. 2406, ед. хр. I, д. 163, лл. 2—3.

101. Там же, с. 3—16.

102. Там же, с. 8.

103. Нусов В. Е. Вопросы реставрации памятников архитектуры в Киргизии. — Тр. ФПИ, вып. 4. Фрунзе, 1961, с. 9—11; его же. Памятники архитектуры Киргизстана. Фрунзе, 1963, с. 16—17; его же. Архитектура Киргизии с древнейших времен до наших дней. Фрунзе, 1971, с. 16.

104. Кызласов Л. Р. Раскопки древнего Баласагуна. — Вестник МГУ, сер. общ. наук, 1953, № 11, с. 159—160.

105. Кызласов Л. Р. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг. — Тр. КАЗЭ, т. II. М., 1959, с. 236—237.

106. Кызласов Л. Р. Работы Чуйского археологического отряда в 1953—1954 гг. КСИЭ, вып. XXVI, 1957, с. 88—96; его же. Археологические исследования на городище Ак-Бешим..., с. 155—237; его же. Остатки замка VI—VII вв. на городище Ак-Бешим. — СА, 1958, № 3, с. 152—161; Зяблин Л. П. Второй буддийский храм Ак-Бешимского городища. Фрунзе, 1961.

107. Кожемяко П. Н. К исторической топографии средневековых поселений Чуйской долины. — Тр. ИЯЛИ АН Киргиз. ССР, вып. V, 1956; его же. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959; и др.

108. Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения..., с. 177.

109. Там же, с. 129—130.

110. Распопова В. И. Гончарные изделия согдийцев Чуйской долины. (По материалам раскопок на Ак-Бешиме, в 1953—1954 гг.) — Тр. КАЗЭ, т. IV. М., 1960, с. 129—163.

111. Давидович Е. А. Ак-Бешимский клад караханидских монет XI в. (Краткое заключение). — Тр. КАЗЭ, т. II. М., 1959, с. 242.

112. Цит. по кн.: Смирнова О. И. Очерки из истории Согда. М., 1970, с. 177 со ссылкой на: F. W. K. Müller. Uigurica, II. Berlin, 1911, S. 95, p. 1.

113. Бернштам А. Н. Археологические работы в Казахстане и Киргизии. — ВДИ, 1934, № 4, с. 172; его же. Тюркешские монеты. — Тр. ОВЭ, т. II, Л., 1940, с. 105—111.

114. Кызласов Л. Р., Смирнова О. И., Щербак А. М. Монеты из раскопок городища Ак-Бешим. — Ученые записки ИВ АН СССР, т. XVI. М. — Л., 1958; Смирнова О. И. О классификации и легендах тюркешских монет. — Там же; Лившиц В. А. Согдийский посол в Чаче. — СЭ, т. V., 1960, с. 84; его же. Согдийские документы с горы Муг, вып. II. Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии Лившица В. А. М., 1972, с. 28, прим. 49.

115. Clouston L. Ak-Beshim-Suyab. — The Journal of the Royal Asiatic Society of Britain and Ireland. London, 1961, p. 1—13; см. также: Тр. XXV Международного конгресса востоковедов, т. III. М., 1963.

116. Смирнова О. И. О классификации и легендах..., с. 536—539; её же. Сводный каталог согдийских монет. М., 1981, с. 400 и сл.

117. Миклашевская Н. Н. Антропологический состав киргизского народа. АКД, М., 1955; её же. История распространения монголоидного типа на территории Киргизии. — Тр. Таш. ГУ, т. 235. Ташкент, 1964. Цит. по обобщенной сводке палеоантропологических исследований в Средней Азии: Гинзбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972, с. 231—237.

118. Прибыткова А. М. Конструктивные особенности среднеазиатских минаретов X—XII вв. — В кн.: Архитектурное наследие, вып. 17.

М., 1964, с. 202; ее же. Строительная культура Средней Азии IX—XII вв. М., 1973, с. 212—213; и другие статьи.

Ср.: Массон М. Е. Краткая историческая справка о среднеазиатских минаретах. — Материалы Узкомстариса, вып. 2—3. Ташкент, 1933; Воронин Л. Н. Сооружения башенного типа в архитектуре Востока и их генезис. — Тр. Среднеаз. индустр. института. Строительный факультет, вып. 1. Ташкент, 1937, с. 71 и сл.; Шишкин В. А. Минарет в Джар-Кургане. — Тр. ИИА АН Уз. ССР, т. II. Ташкент, 1950, с. 58 и сл.; Воронина В. Л. Сырцовые минареты верховьев Заравшана. — Тр. АН Тадж. ССР, т. СХХ. Сталинабад, 1960, с. 55—59.

119. М. Е. Массон, ссылаясь на свидетельства очевидцев, писал об интенсивном вывозе жженого кирпича и выборке его с нижних частей постройки, что видимо, и послужило главной причиной разрушения цокольной части минарета. Б. Н. Засыпкин этот же характер разрушений приводит как факт, свидетельствующий о сейсмическом их происхождении.

120. Прибыткова А. М. Конструктивные особенности... с. 202.

121. Нусов В. Е. Памятники архитектуры Киргизии, с. 17.

122. По данным А. Н. Бернштама, ступени имели высоту до 40 см.: Бернштам А. Н. Архитектурные памятники Киргизии, с. 43.

123. История Киргизской ССР, т. I. Фрунзе, 1968, с. 190—191; Горячева В. Д. Декор в архитектурных памятниках Киргизии. — В кн.: Памятники Киргизстана, вып. 1. Фрунзе, 1970, с. 51—52; Кожемяко П. Н. Байыркы маданият эстеликтрин сактайлы. — Фрунзе, 1969. Курбатов В. В. Архитектура Советской Киргизии. Фрунзе, 1972, с. 6.

124. Винник Д. Ф. Работа Узгенского отряда. — В кн.: Археологические открытия 1970 года. М., 1971, с. 423—424; его же. Башня Бурана. — В кн.: Памятники Киргизстана, вып. 2. Фрунзе, 1975, с. 55—60. В описании Д. Ф. Винником памятников вкрались некоторые неточности. Так, фундамент минарета был сложен из камня, а не из жженого кирпича; восточная и северная грани его в верхней части облицованы, а не сложены обработанным туфом. Имеются разночтения и в характеристиках вскрытых мавзолеев. В настоящем тексте приводится описание основания минарета и мавзолеев с приложением чертежей по обмерам В. Д. Горячевой при участии ст. лаборантов отряда Л. М. Ведутовой и С. М. Громовой.

125. Ввиду близости высоковольтной линии, шурф был доведен лишь до 4-х метровой отметки.

126. Монеты определены проф. М. Е. Массоном. Им же отмечено, что эти монеты были в обращении на рынках северо-восточных областей Средней Азии и в караханидское время.

127. Пугаченкова Г. А. Своды в архитектуре Южного Туркменистана. — Тр. ЮТАКЭ, т. VIII. Ашхабад, 1958, с. 245; Godard A. Khorasan. — AI, t. IV, f. 1. Paris, 1949, p. 12, fig. 4.

128. Шишкин В. А. Археологические работы в мечети Магоки-Атари в Бухаре — Тр. ИИА АН УзССР, вып. 7. Ташкент, 1955, с. 53; Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. — Тр. ЮТАКЭ, т. VI. М., 1958, с. 332; Ремпель Л. И. Архитектурный орнамент Южного Туркменистана X—начала XIII вв. и проблема «сельджукского» стиля. — Тр. ЮТАКЭ, т. XII. Ашхабад, 1963, с. 260 и сл.

129. При ремонте минарета в 1927 г. М. Е. Массоном были отмечены частичные разрушения, относящиеся к XI в. (см. с. 30—31).

130. Винник Д. Ф. Башня Бурана, с. 60. Ср. данные: по А. Н. Бернштаму и Б. Н. Засыпкину нижний диаметр равен 8,85 м, верхний — 5,9 м

при высоте 21,6 м; по В. Е. Нусову нижний диаметр составляет 9,3 м, верхний 5,85—5,2 м, высота минарета — 21,67 м.

131. Побывавший на месте раскопок сотрудник Института сейсмологии АН Киргизской ССР Ч. Утиров обратил внимание на факт расположения минарета (и городища в целом) в межконусном пространстве рек Бураны и Шамси, близ флексуно-разрывной зоны (разлома). По разлому могла произойти разрядка напряжения при землетрясении, эпицентр которого находился в горах Киргизского Ала-Тоо, между Шамсинским и Иссык-Атинским ущельями.

132. Винник Д. Ф. Отчет о полевых исследованиях Узгенского отряда КАЭ в 1970 году. Фрунзе, 1971. Рукопись. Фонды Института истории АН Кирг. ССР.

133. Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья. — Соч., т. II. ч. I. М., 1963, с. 46.

134. Osteологический материал не прошел камеральной обработки и не определен.

135. Монеты определены М. Е. Массоном как чекан Шемс ад-дауле Арслана-тегина 30-х годов XI в. Е. А. Давидович относит аналогичные монеты к концу 50-х годов. См.: Давидович Е. А. Ак-Бешимский клад караханидских монет, с. 242.

136. Бернштам А. Н. Архитектурные памятники..., с. 42.

137. Винник Д. Ф. Указ. отчет за 1970 год, с. 31.

138. Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города..., с. 126.

139. Винник Д. Ф. Указ. отчет за 1970 год, с. 26—27.

140. Ядринцев Н. Археологические изыскания..., с. 158.

141. Например, о деревянной мечети Мох в Бухаре сообщает Мухаммед Наршахи. См.: Мухаммед Наршахи. История Бухары. Пер. с перс. Н. (С). Лыкошина, под ред. В. В. Бартольда. — Ташкент, 1897, с. 42. О мечетях на деревянных столбах городов Хорасана сообщает Макдис См.: МИТТ, т. I. М., 1939, с. 181.

142. Об этом сообщается в ряде работ, опубликованных в разное время. См.: Флоринский В. М. Первобытные славяне..., с. 296; Ровнягин В. П. Описание башни Бурана..., с. 42; Бартольд В. В. Отчет о командировке в Туркестан летом 1920 г. — Соч., т. IV, с. 254; и др.

143. Винник Д. Ф. Работа Узгенского отряда..., с. 423—424.

144. В 1978 г. территория вокруг второго мавзолея и открытого в 1972 г. третьего мавзолея спланирована бульдозером до основания памятников.

145. По всей вероятности, зафиксированный в 1927 г. М. Е. Массоном «сброс бракованной продукции керамического завода» является местом свалки строительного мусора при возведении построек в пределах центрального четырехугольника. Но не исключено расположение здесь кирпичеобжигательных мастерских.

146. Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История искусств Узбекистана, с. 226 и сл., рис. 57.

147. Например, в мавзолеях Южного Казахстана Козу-Корпеч, Бегиммунара — XI в. (См.: Пугаченкова Г. А. К проблеме возникновения «шатровых мавзолеев»..., рис. 4, 8); усыпальницах Хорасана и Азербайджана XI—XII вв. — (См.: Бретаницкий Л. С. К проблеме архитектурного стиля в связи с периодизацией истории архитектуры стран Переднего Востока. — Народы Азии и Африки, 1964, № 4, табл. I—II).

148. Характерно, что рухнувшие кладки буранинских построек находятся в завалах к западу и северо-западу от их оснований. Это, видимо,

признак того, что все они пострадали в одно время от землетрясения, эпицентр которого находился в указанном направлении (т. е. в горах).

149. От редактора: От мавзолея № 2 сохранились лишь цокольная часть, а кое-где кладки стен достигают по высоте 1—1,2 м. Тем не менее по этим остаткам, а также путем привлечения аналогий может быть воссоздана его графическая реконструкция.

В интерьере мавзолеей имеет цилиндрическую форму. Снаружи же цилиндр несколько далее полукругия переходит к прямым стенкам, каждая — с глубокой нишей. Главный фасад располагался с восточной стороны, где он выделен порталом (от него сохранились лишь небольшие участки кладок) с входным проемом по оси.

Общая композиция мавзолея реконструируется по аналогии с близкими по времени и архитектурному типу мавзолеем XI—XII вв. на кладбище Машад у городища Мешхеди-Мисриан (Северо-Западный Туркменистан. См.: Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры., с. 292 и сл.).

Исходя из того, что толщина куполов данной эпохи обычно равнялась 2—2,5 кирпичам у пяты (около 50—60 см) и сходилась на 1 кирпич в зените, а стены цилиндрического тела Буранинского мавзолея равны 2 м, то, следовательно, здесь должен быть переходный к куполу барабан. Он был выведен с отступом, сокращая толщину кладки до 1—0,8 м, и уже на нем был основан купол. Форма последнего — сферокопническая, но он мог быть и шатровым — коническим, поскольку подобный тип куполов также был распространен в средневековом зодчестве Средней Азии. В этом варианте барабан должен был бы иметь выносной кирпичный карниз. Силуэт шатра в виде равнобедренного треугольника.

Портал возвышался по отношению к цилиндрическому телу мавзолея. Что касается его разработки, то остатки кладок указаний на это не дают (если не считать наличия угловых колонок) и так как здесь возможен ряд вариантов, от его восстановления мы воздерживаемся.

Что касается цилиндрической части и боковых фасадов, то здесь больше оснований к воссозданию приемов их разработки. Упомянутые глубокие ниши на каждом из этих фасадов несомненно завершались стрельчатыми арками в прямоугольном обрамлении. На цилиндре также располагались глухие настенные арочки в прямоугольных рамках — судя по пропорциям, они скорее всего размещались на осях 12-гранника. Для освещения интерьера в подкупольном барабане были устроены окна — четыре или восемь.

В таком решении мавзолеей № 2 предстает на чертежах реконструкции. (Г. П.)

150. Seheer-Thoss S., Seheer-Thoss H. Design and Colour in Islamic Architecture. Afghanistan, Iran, Turkey. Introduction by D. N. Wilber. Smithsonian Institution Press City of Washington, 1968, p. 52. pl. 17—18.

151. Литвинский Б. А. Курганы и курумы Западной Ферганы. (Раскопки, погребальный обряд в свете этнографии). М., 1972, с. 73.

152. Godar A. Les Tours de Ladjim et de Resdjet (Masandaran). — AJ, t. 1, fasc. 1, — Haarlem, 1936, pp. 109—121, fig. 74—77; Pore A. SPA, vol. 3. — Tokyo—Meiji—Shobo, 1964—1965, fig. 357—359.

153. Seheer-Thoss S., Seheer-Thoss H. Op. cit, pl. 19—26.

154. Там же, p. 30, pl. 4—7.

155. См. например, декор мечети Талхатан-баба (последнее десятилетие XI — первое десятилетие XII вв.), мавзолея Аламбердара (нач. XI в.),

мавзолея Мунтасира и др. — Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры..., 248—274; Прибыткова А. М. Строительная культура Средней Азии, с. 37—39; Ремпель Л. И. Архитектурный орнамент Узбекистана. Ташкент, 1961, с. 152—160; Сеннигова Т. Н. Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972, с. 181.

156. Кожемяко П. Н. Раскопки жилищ горожан X—XII вв. на Краснореченском городище. — В кн.: Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. Фрунзе, 1967, с. 74—75; Горячева В. Д., Берналиев О. Раскопки Краснореченского городища. — В кн.: Археологические открытия 1978 года. М., 1979, с. 591.

157. Ахраров И., Ремпель Л. И. Резной штурк Афрасиаба. Ташкент, 1971, рис. 53—54, 60—61.

158. Лунина С. Б. Здание X—XI вв. на Алтын-тепе. — В кн.: Материалы по истории, исторнографии и археологии. Сб. научных трудов Таш. ГУ, № 517. Ташкент, 1976, с. 8—9.

159. Окладников А. П. Археологические исследования в Киргизии. — Вестник АН СССР. М., 1954, № 9, с. 52.

160. Немцева Н. Б., Шваб Ю. З. Ансамбль Шахи-Зинда. Ташкент, 1979, рис. 52, 57, 59, с. 45.

161. Горячева В. Д. Новые археологические данные по стратиграфии Буранинского городища. — В сб.: Средневековые города Средней Азии и Казахстана. ТД. Л., 1970, с. 29—30.

162. Винник Д. Ф. Работы Узгенского отряда..., с. 424.

163. Караев О. К. О местонахождении города Баласагуна. — В сб.: Средневековые города Средней Азии и Казахстана. ТД—Л., 1970, с. 58—60; его же. Арабские и персидские источники о киргизах и Киргизии. Фрунзе, 1968, с. 85. В последней своей монографии по истории Караханидского каганата О. Караев пишет совсем наоборот: «На наш взгляд, Баласагун находился в районе башни Бураны, а развалины Ак-Бешима — его предместье. Наиболее важными аргументами в пользу этого можно считать результаты археологических исследований В. В. Бартольда, А. Н. Бернштама и П. Н. Кожемяко...» (?) — См.: Караев О. История Караханидского каганата. (X — начало XIII вв.). Фрунзе, 1983, с. 226—227.

164. Кочнев Б. Д. Где же стоял Баласагун? — «Литературный Киргизстан, 1970, № 6. с. 98—102.

165. Нусов В. Е. Архитектура Киргизии..., с. 16—18.

166. Горячева В. Д., Винник Д. Ф. Баласагун жөнүндө маселеле карата. Фрунзе: Кыргызстан маданияты, 1971, № 12.

167. Горячева В. Д. О локализации города Баласагун. — В кн.: Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. Фрунзе, 1975, с. 130—141; ее же. К исторической топографии Баласагуна. — В кн.: Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. — ТД. Душанбе, 1977, с. 122—123.

168. Винник Д. Ф. Работы Буранинского отряда. — В сб. Археологические открытия 1972 года. М., 1973, с. 495—496.

169. Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История искусств Узбекистана, с. 231.

170. Винник Д. Ф. Работы Буранинского отряда..., с. 496.

171. Помаскин Б. Некоторые принципы реставрации минарета Бурана. — В кн.: Памятники Киргизстана, вып. 4. Фрунзе, 1980, с. 33—38.

172. Горячева В. Д. Раскопки усадьбы на городище Бурана. — В кн.: Археологические открытия 1974 года. М., 1975, с. 552—553; ее же.

Дома древней столицы. — В кн.: По следам памятников истории и культуры Киргизстана. Фрунзе, 1982, с. 55—59.

173. Бернштам А. Н. Чуйская долина..., с. 51. Дата постройки пересмотрена автором в работе: Бернштам А. Н. В горах и долинах Памира и Тянь-Шаня, с. 295.

174. Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1972, с. 273, рис. 179; Федоров-Давыдов Г. А. Курганы, идолы, монеты. М., 1968, с. 136, рис. на с. 134.

175. Древнемонгольские города. М., 1965, с. 67—68, рис. 29, с. 77, рис. 41, с. 117, рис. 104 и др.

176. Монета определена В. Н. Настичем.

177. Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины, с. 176—184; Петров К. И. Очерки социально-экономической истории Киргизии VI—начала XIII вв. Фрунзе, 1981, с. 155—156.

178. Аманбаева Б., Кубатбеков М. Пятый сезон работ на Буранинском городище. — В кн.: Археологические открытия 1975 г. М., 1976, с. 573—574.

179. Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения..., с. 129, рис. 34.

180. Сведения любезно сообщила Б. Аманбаева, монета определена М. Н. Федоровым. См.: Шестой сезон работ на Буране. — В кн.: Археологические открытия 1976 года. М., 1977, с. 578.

181. Clouston G. Ak-Beshim-Suyab, op. cit., с. 126—127.

182. Байпаков К. М. О древних городах Суяб и Баласагун. — Вестник АН КазССР, 1976, № 1, с. 70—73.

183. Кубатбеков М. Седьмой сезон работ на Буране. — В кн.: Археологические открытия 1977 года. М., 1978, с. 571.

184. Винник Д. Ф. и др. Исследования на Иссык-Куле и в Чуйской долине. — В кн.: Археологические открытия 1978 года. М., 1979, с. 590.

185. Горячева В. Д. Городские центры и монументальная архитектура средневековой Киргизии. Бурана, Узген, Сафид-Булан. — Автореф. канд. дисс. Фрунзе, 1976, с. 9—12.

186. Горячева В. Д. Средневековые городские центры и архитектурные ансамбли Киргизии. Бурана, Узген, Сафид-Булан. Фрунзе, 1983.

187. Цит. по кн.: Карасев О. Местонахождении города Баласагуна..., с. 58—59.

188. Кызласов Л. Р. Археологические исследования..., с. 236.

189. Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города..., с. 178.

190. Некоторые исследователи видят в названии города, транскрибированного как «город генерала Пейло» наиболее раннее упоминание Баласагуна. Однако это заключение не является бесспорным. В. В. Бартольд в свое время высказал большое недоверие к китайским источникам, видя в их текстах большие расхождения и противоречия относительно данного региона. См.: Бартольд В. В. Соч., т. II, ч. 2, с. 300—301.

191. А. Н. Бернштам отождествлял с Сарыгом письменных источников Краснореченские развалины. Однако развернувшиеся в последние годы (1978—1984 гг.) археологические исследования на этом городище позволяют руководителям Краснореченской экспедиции локализовать здесь город Невакет. См.: Байпаков К. М., Горячева В. Д. К вопросу о локализации Невакета. — Культура и искусство Киргизии. ТД, вып. 1. Л., 1983, с. 74—75.

192. Волин С. Сведения арабских источников IX—XVI вв. о долине

р. Талас и смежных районах. — Тр. ИИАЭ АН КазССР, т. 8. Алма-Ата, 1960, с. 74—80.

193. Hudud al-'Alam. The Regions of the World. A Persian geography 372 A. H. — 982 A. D. Transl. and expl. by V. Minorsky. London, 1937, p. 303, прим. 1.

194. Е. Шавани транскрибирует название города как «Суй-ши» и идентифицирует его с Суябом мусульманских источников (см.: Chavannes E. Documents sur les T'ou-kiue (Turcs) occidentaux. Recueillis et commentés par Ed. Chavannes. St. — Pbg., 1903 (сб. трудов Орхонской экспедиции, т. VIII, с. 10). В. Ф. Минорский указывает на ошибочное отождествление Суй-ши с Суябом (см.: Hudud al-'Alam..., p. 303).

195. Зуев Ю. А. Китайские известия о Суябе. — Изв. АН КазССР. Сер. ист., археол. и этногр., 1960, вып. 3. (4), с. 88; Бартольд В. В. О христианстве в Туркестане... (Соч., т. II, ч. 2, с. 282, 288 и др.).

196. Бернштам А. Н. Чуйская долина..., с. 21—22.

197. Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города..., с. 163—166.

198. Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники, как источник по истории Средней Азии. М., 1964, с. 131.

199. Волин С. Сведения арабских источников..., с. 80.

200. Там же, с. 83; Кляшторный С. Г. Эпоха Махмуда Кашгарского. — Советская тюркология, 1972, № 1, с. 18; Мусабаев Г. Г. Некоторые сведения из жизни Махмуда Кашгарского. — В сб.: Исследования по тюркологии. Алма-Ата, 1969, с. 149.

201. Bretshneider E. V. Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources. Fragments towards the knowledge of the geography and history of Central and Western Asia from the 13th to the 17th Century, vol. 1. — London, 1888. pp. 216, 222.

202. Wittfogel K. A., Fêng Chia-shêng. History of Chinese Society: Liao (907—1125). — Transaction of the American Philosophical Society. Philadelphia, 1949, v. 36, p. 645; Малявкин А. Г. Материалы по истории уйгуров в IX—XII вв. — В кн.: История и культура Востока Азии, т. II. Новосибирск, 1974, с. 149, прим. 525.

203. Хасанов Х. Махмуд Кашгарий. Тошкент, 1963, с. 48; Умняков И. И. Самая старая турецкая карта мира (XI в.). — Тр. Самаркандского педагогического института им. А. М. Горького, т. 1. Самарканд, 1940, с. 110.

204. Бартольд В. В. Соч., т. V. М., 1968, с. 73. Это объяснение не единственное. Ранее им была предложена гипотеза о происхождении топонима «Баласагун» от «бала» (дитя) и «сагун».

205. Толстов С. П. Города гузов. — СЭ, 1947, № 3, с. 72.

206. Махмудов К. Баласагун. — ОНУ, 1972, № 2, с. 49.

207. Байпаков К. М. О древних городах Суяб и Баласагун..., с. 73, со сноской на: Кляшторный С. Г. Согдийцы в Семиречье. — СА, 1959, № 1, с. 9—10; его же. Древнетюркские рунические памятники..., с. 132.

208. Как любезно сообщил нам К. Айдаркулов, занимающийся эпосом как историческим источником, в эпосе «Манас» упоминаются древние города Ордо и Булагасын (по-видимому, искаженное Баласагун), которые расположены друг от друга на расстоянии «человеческого голоса». На р. Чу есть также город Чулу («чу боюнда чулу бар»), причем и Ордо и Чулу находятся к северо-западу от Булагасына. Поскольку жители этих городов постоянно ожидали врага со стороны Чон-Кемина, то первыми навстречу им выступали воины городов Чулу и Ордо, а затем уже — Булагасы-

на. Интересно также упоминание в эпосе термина «Акбешим» и «Акунбешим» как имени правителя Ордо и Булагасына. См.: «Манас» (Вариант С. Орозбакова), т. II. Фрунзе, 1983, с. 36—38, 76, 101, 120, 128 и сл.

209. Новые интересные сведения о двух городах под одним названием «Баласагун» приведены С. Г. Агаджановым по персоязычным источникам в коллективном труде киргизских историков: По следам памятников истории и культуры Киргизстана. Фрунзе, 1982, с. 151—153.

210. Махмуд ибн Вали. Море тайн относительно доблестей благородных (география). Введение, перевод, указатели Б. А. Ахмедова. Ташкент, 1977, с. 24.

211. В. А. Лившицем уточнено чтение легенды на хаканской монете — «Господин тюркешский каган. Деньга» (IV тип по классификации О. И. Смирновой); на одной из краснореченских монет круговая надпись: «Господин Арслан-бильге хаган. Деньга». Подобная монета известна из акбешимских собраний, однако не была определена. В. Н. Настич читает легенду с именем другого правителя: «Монета божественного Чаглан (?) бильге...» (Ср.: Смирнова О. И. Сводный каталог., с. 412, № 1659).

212. Единственную пока монету с проставлением места чекана «Баласагун» обнаружил Б. Д. Кочнев в составе серебряных монет со средневекового Тараза, выпуска 404/1013—14 гг. от имени Кутб ад-Дауле Ахмада б. Али. См.: Кочнев В. Д. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии, ч. I. Саманиды, Караханиды, Джаниды. — ИМКУ, вып. 14. Ташкент, 1978, с. 123—124.

213. Памятник хранится в Буранинском музее-заповеднике (инв. № 20).

214. Настич В. Н. Арабские и персидские надписи на кайраках с городища Бурана. — В кн.: Киргизия при Караханидах. Фрунзе, 1983, с. 227—231.

215. Бернштам А. Н. безосновательно отрицал наличие подобных эпиграфических памятников в Северной Киргизии. См.: Бернштам А. Н. Новые эпиграфические находки из Семиречья, — ЭВ, вып. 2, 1948, с. 12.

216. Бонч-Бруевич В. Д. Ленин и культура. — Литературная газета, 21 января 1940 г.

217. Материалы Пленума ЦК КПСС (14—15 июня 1983 г.) — Правда, 16 июня 1983 г.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ЗВРАО	Записки Восточного отделения (Императорского) Русского археологического общества, СПб.
ЗАН	Записки (Императорской) Академии наук, СПб.
РГО	(Императорское) Русское географическое общество, СПб.
ИИА АН	Институт истории и археологии Академии наук
ИИАЭ АН	Институт истории, археологии и этнографии Академии наук
ИМКУ	История материальной культуры Узбекистана, Ташкент.
РАИМК	Российская Академия истории материальной культуры
ИЯЛИ	Институт языка, литературы и истории
КАЭЭ	Киргизская археолого-этнографическая экспедиция
КСИА	Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИЭ	Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
МГУ	Московский Государственный Университет им М. В. Ломоносова
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР, М. -Л.
МИТТ	Материалы по истории туркмен и Туркмени
МИКК	Материалы по истории киргизов и Киргизии
МИИРАПУ	Материалы и исследования по реставрации архитектурных памятников Узбекистана, Ташкент
НЭ	Нумизматика и эпиграфика, М.
О(И) АК	Отчеты (Императорской) Археологической комиссии, СПб.
ОНУ	Общественные науки в Узбекистане, Ташкент
ПИДО	Проблемы истории докапиталистических обществ
ПТКЛА	Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии. Ташкент
РАНИОН	Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук. М.
САГУ	Среднеазиатский Государственный университет им. В. И. Ленина.
СНРПМ	Специальные научно-реставрационные производственные мастерские
Средазкомстарис —	Среднеазиатский комитет по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы

Таш ГУ	Ташкентский Государственный университет
ТВОРАО	им. В. И. Ленина Труды Восточного отделения Русского археологического общества
ТД	Тезисы докладов Всесоюзного совещания
ТОРГО	Туркестанское отделение Русского географического общества, Ташкент
Узкомстарис	Узбекистанский комитет по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы
ФАН	Филиал Академии наук СССР
ФПИ	Фрунзенский политехнический институт
ЦГА	Центральный государственный архив
ЭВ	Эпиграфика Востока
АИ	Athar-é Iran. Annales du Service Archéologique de l'Iran
SPA	A Survey of Persian Art from prehistoric times to the Present

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
<i>I. Начальные этапы изучения Бураны</i>	5
Первые упоминания местности и минарета в литературе	5
Раскопки и разведки в досоветском Киргизстане (1885—1917 гг.)	11
Мероприятия по охране и изучению Бураны в первые годы Советской власти	20
<i>II. История дальнейшего изучения и охраны памятников Бураны (1930—1980 гг.)</i>	36
Охрана Бураны в годы довоенных пятилеток и в период Великой Отечественной войны	36
Изучение Буранинского комплекса в послевоенный период	39
Реставрационные работы на Буране и создание музея-заповедника	49
Заключение	74
Примечания	77
Список принятых сокращений	93

*Михаил Евгеньевич Массон
Валентина Дмитриевна Горячева*

БУРАНА

история изучения городища и
его архитектурных памятников

Редактор издательства *Л. П. Шпак*
Обложка художника *В. Ф. Роека*
Технический редактор *Р. Р. Хусаинова*
Корректор *Т. П. Порфирьева*

ИБ № 854

Сдано в набор 20. 06. 84. Подписано к печати 14. 05. 85.
Д — 00891. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага тип. № 1.
Высокая печать Литературная гарнитура. Объем 7,25 п. л., 7,0
уч.-изд. л. Тираж 1000 экз. Заказ 158. Цена 1 руб. 08 коп.

Издательство Академии наук Киргизской ССР,
720071, Фрунзе, Ленинский проспект, 265 а

Типография Академии наук Киргизской ССР,
720001, Фрунзе, ул. Пушкина, 144